

**ФГБОУ ВО «БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. АКМУЛЛЫ»
РОО «АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН»
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ГБУ РИКМЗ «ДРЕВНЯЯ УФА»**

**X БАШКИРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ (Х БАСК)**

*Материалы
научной конференции,
посвященной 100-летию отдела археологии Национального музея
Республики Башкортостан и 10-летию с момента создания
ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа»
(г. Уфа, 16 декабря 2021 г.)*

**УФА
РИЦ БашГУ
2021**

УДК 930.26(470.57)
ББК 63.48(2Рос.Баш)
Б33

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
выпускников БГПУ им. М. Акмуллы: М.С. Чаплыгина (дир. ООО «Археогеоэксперт»),
Р.А. Рудакова (дир. ООО «Центр технологического развития Республики
Башкортостан»), А.С. Проценко (зав. отд. археологии ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа»),
Е.В. Русланова (к.и.н., н.с. ИИЯЛ УФИЦ РАН,
пред. РОО «Археологическое общество Республики Башкортостан»)*

Ответственные редакторы:

д-р ист. наук, профессор **Г.Т. Обыдённова**
канд. ист. наук **Е.В. Русланов**

Редакционная коллегия:

кандидат ист. наук **Р.Р. Русланова**
заведующий отделом археологии ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа»
А.С. Проценко
студент 5 курса БГПУ им. М. Акмуллы **Л.Г. Савченко**
(ответственный секретарь)

Х Башкирская археологическая студенческая конференция
Б33 **(Х БАСК):** материалы научной конференции, посвященной 100-летию
отдела археологии Национального музея Республики Башкортостан и
10-летию с момента создания ГБУ РИКМЗ “Древняя Уфа” (г. Уфа,
16 декабря 2021 г.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – 132 с.
ISBN978-5-7477-5364-8

Сборник содержит материалы юбилейной X Башкирской археологической конференции студентов и молодых ученых, касающиеся проблем археологии с эпохи камня до Нового времени, а также вопросов историографии и охраны памятников археологии Волго-Уральского региона.

Издание рассчитано на археологов, краеведов, этнографов и всех интересующихся древней историей Южного Урала.

Статьи публикуются в авторской редакции.

На эмблеме X Башкирской археологической студенческой конференции изображена бронзовая бляха из погребения 3 кургана 2 I Ново-Ябалаклинского курганного могильника (Чимшинский район РБ, раскопки С.М. Васюткина и В.С. Горбунова).

УДК 930.26(470.57)
ББК 63.48(2Рос.Баш)

ISBN 978-5-7477-5364-8

© БашГУ, 2021

БАШКИРСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ, ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ, ПЕРВЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

©Русланов Е.В.¹, Русланова Р.Р.²

¹ИИЯЛ УФИЦ РАН,

²Национальный музей Республики Башкортостан

В работе изложены основные вехи истории проведения Башкирских археологических студенческих конференций. Анализируются данные по количеству участников, городам-организаторам, тематике публикаций, людям, повлиявшим на организацию конференции. Подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейшего развития данного научного мероприятия.

Ключевые слова: студенческая конференция, археология, Республика Башкортостан.

«...Традиция-это передача Огня, а не поклонение пеплу»

(Густав Малер)

В этом году, во многом знаковым для археологии Республики Башкортостан, празднуют свои юбилеи признанные метры археологии Южного Урала: В.С. Горбунов, Ю.А. Морозов, Н.С. Савельев. Отмечаются круглые даты с момента основания и начала функционирования ведущих музеев республики: 100 лет исполняется отделу археологии Национального музея Республики Башкортостан (Воробьева, 2015, с. 131-141), 10 лет с момента основания празднует молодой, но очень перспективный музей-заповедник «Древняя Уфа», напрямую занятый делом сохранения и продвижения уникального археологического памятника, находящегося в центре столицы – городища Уфа-II (Проценко, 2018, с. 49-54).

Вместе с тем, свой десятилетний юбилей в этом году отмечает появившаяся (как ни странно) в 2002 г. Башкирская археологическая студенческая конференция (*далее – БАСК*), на долгие годы ставшая флагманом в научных выступлениях и определенным трамплином для молодого поколения археологов республики.

Данная статья направлена на анализ имеющегося, как сейчас принято говорить «бэкграунда», этой конференции, этапов ее сложения, личностей, повлиявших на ее появление. Немного коснемся роли, которую сыграли в ней археологи, работающие ныне в республике и за ее пределами, а также нашему видению ее

дальнейшего развития и ее места как своеобразного проводника в мир большой науки для только начинающих свой путь молодых ученых.

Своим появлением БАСК обязан кипучей деятельности д.и.н., профессора М.Ф. Обыденнова, к.и.н., доцента А.Н. Султановой и к.и.н. А.Л. Банникова, по инициативе которых 16 ноября 2002 г. на базе БашГУ состоялся I БАСК (Обыденнов, Банников, 2002, с. 3-4). Тогда в работе конференции приняли участие 15 студентов, представлявших Сибайский институт БашГУ, Стерлитамакский ГПИ, ВЭГУ, БашГУ, БАКБ при БашГУ¹. По решению оргкомитета следующий БАСК должен был пройти в стенах Стерлитамакского ГПИ. С этого момента БАСКи стали практически ежегодным явлением, успев побывать во всех археологических центрах республики, сконцентрированных в крупных городах (Таблица 1).

№ п/п	Даты	Организация	Город
I	16.11.2002 г.	БашГУ	Уфа
II	26-27.03.2005 г.	Бирская государственная социально – педагогическая академия	Бирск
III	11.12.2010 г.	Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. З. Бишевой	Стерлитамак
IV	16.12.2011 г.	Сибайский филиал БашГУ	Сибай
V	15.12.2012 г.	БашГУ	Уфа
VI	14.12.2013 г.	БГПУ им. М. Акмуллы	Уфа
VII	20.12.2014 г.	Стерлитамакский филиал БашГУ	Стерлитамак
VIII	11-12.12.2015 г.	БашГУ	Уфа
IX	16.12.2016 г.	БашГУ	Уфа
X	16.12.2021 г.	БГПУ им. М. Акмуллы	Уфа

Таблица 1. Организации и города-участники БАСК

Как уже отмечено, проведение II БАСКа было запланировано в г. Стерлитамак, но, по неизвестным для нас причинам, было

---

¹ Стерлитамакский ГПИ в дальнейшем стал Стерлитамакской государственной педагогической академией им. З. Бишевой, а ныне Стерлитамакский филиал БашГУ; ВЭГУ – Восточный институт экономики, гуманитарных наук, управления и права; БАКБ при БашГУ – Башкирская академия комплексной безопасности предпринимательства при БашГУ

перенесено в г. Бирск, где конференция проходила в марте 2005 г. в стенах Бирской государственной социально – педагогической академии (II Башкирская археологическая ..., 2005).

Стерлитамаку пришлось ждать БАСК целых 5 лет – только в 2010 г. на базе Стерлитамакской государственной педагогической академии им. З. Бишовой прошел III БАСК.

Надо отметить, что эта конференция стала во многом знаковой: с 2010 по 2016 гг. БАСКи проходили регулярно, появились устоявшиеся (удобные для учебного плана) даты проведения – начало-середина декабря. Именно тогда сформировался основной состав участников конференции, на долгие годы определивший специфику работы секций.

Следующие БАСКи прошли последовательно в Сибее, Уфе, в Стерлитамаке, и далее снова в Уфе. Таким образом, традиционно БАСК становится столичной конференцией, проходя в ведущих ВУЗах республики – четыре раза в родном для конференции БашГУ и два раза (в 2013 и 2021 гг.) в стенах БГПУ им. М. Акмуллы.

Конференция была запланирована как студенческая, предвещающая крупные конференции региона и служила платформой для обсуждения докладов начинающих исследователей Башкортостана (Обыденнов, Банников, 2002, с. 3-4; Султанова, 2012, с. 3). В состав экспертного жюри привлекались ведущие специалисты-археологи республики. Изначально конференция опиралась в основном на студенческий потенциал республики (I-III БАСК), но начиная с БАСКа, прошедшего в г. Сибай, мероприятие значительно расширило свою географию, включив практически весь Урало-Поволжский регион, а отчасти Сибирь и Казахстан (IV Башкирская археологическая ..., 2011).

За время существования конференции в ней приняли участие 235 учащихся (по уровням специалитета, бакалавриата, магистратуры и аспирантуры) из 24 городов, в том числе из Уфы (84 человека), из Стерлитамака, Сибая и Бирска, представив в общей сложности 221 доклад (Таблица 2).

Отработанные на БАСКе доклады, расширенные тематически, «отшлифованные» и дополненные иллюстративным материалом, были с успехом озвучены на других конференциях (Урало-Поволжской археологической и Российской археолого-этнографической студенческих конференциях). Немаловажным фактором дальнейшего становления специалиста-археолога был и опыт публичных выступлений, а также практика в ведении научного дискурса, полученные участниками в дружеской и комфортной обстановке башкирской конференции.

№ п/ п	Город/ организация	Порядковый номер БАСК										Итого
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	
1	Уфа/БГУ	7	5	2	3	6	1	2	2	6	3	37
	Уфа/БГПУ		3	3	4	4	5	3	1	1	2	26
	Уфа/ МЗ «Древняя Уфа»							3	2	2	4	11
	Уфа/ИИЯЛ УФИЦ РАН			1	1						3	5
	Уфа/ ГБУ НПЦ				2	2						4
	Уфа/ Национальный музей РБ										1	1
	Уфа/ВЭГУ	1										1
2	Стерлитамак	4	3	4	7	7	5	2				32
3	Сибай	3	1	7	2	1						14
4	Бирск		3		3							6
5	Оренбург				3	4	2	7	6		2	24
6	Курган				3	1		4		4	2	12
7	Ижевск							1	4	1	3	9
8	Челябинск				1		4	1	1			7
9	Пермь						1		2		4	7
10	Киров										6	6
11	Ульяновск								3	2		5
12	Казань				1				2			3
13	Екатеринбург				1		1			1		3
14	Орск					3						3
15	Тобольск				2							2
16	Самара										2	2
17	Тюмень										2	2
18	Пенза					1				1		2
19	Елабуга									2		2
20	Москва				1	1						2
21	Астана (Казахстан)				1				1			2
22	Набережные Челны										1	1
23	Новосибирск				1							1
24	Шадринск						1					1
Общее кол-во участников		15	15	17	36	30	20	23	24	20	35	235

Таблица 2. Количественный состав участников по городам

Специфика докладов отражает региональную направленность в изучении тех или иных исторических периодов. Преобладают доклады по проблемам эпохи бронзы, раннего железа, Средневековья, далее примерно поровну расположились опубликованные тезисы по эпохе камня, Нового времени, вопросам историографии и проблемам сохранения ОКН (Таблица 3).

БАСК	Камень	Бронза	РЖВ	СВ	Новое время	Охрана ОКН	Историография
I	1	2	3	1		1	
II		2	6	5			2
III	1	3	4	3	1		5
IV	1	12	9	3	3	3	2
V	1	6	9	10	1	2	
VI		6	8	3	1	1	1
VII		6	6	4	2	2	
VIII		6	3	11	1		2
IX	11	5		7	3	2	
X	2	2	3	11	1	6	3
Итого	17	50	51	58	13	17	15

Таблица 3. Тематика статей участников БАСК

Последние две конференции VIII и IX были организованы во многом силами студентов и преподавателей БашГУ. По всей видимости, не видя дальнейших перспектив по развитию БАСК, а также инициативы у других образовательных учреждений республики, оргкомитет принял решение на время приостановить проведение конференций (VIII Башкирская археологическая..., 2015; АрхЛаб. IX Башкирская археологическая конференция..., 2016).

БАСК, являясь по целям и формату проведения молодежной площадкой для научной апробации исследований, на 5 лет прекратил свою деятельность. Видя возникшую проблему, инициативная группа археологов БГПУ им. М. Акмуллы в 2018 г. провела собственную конференцию, на которой было заслушано 12 докладов от представителей Уфы (8 человек), Оренбурга, Екатеринбурга, Челябинска и Перми (Молодая археология Урала и Поволжья..., 2018). К сожалению, практика проведения «Молодой археологии Урала и Поволжья» в БГПУ не закрепилась, организация молодежных археологических конференций в республике прекратилась вовсе.

Трудно переоценить те результаты, которые были получены в процессе подготовки и проведения конференций. Отметим лишь основные достижения.

Благодаря витку интереса студентов к археологии, их желанию продемонстрировать итоги ежегодных полевых и камеральных

исследований на совместных научных собраниях, сложился костяк молодых археологов Башкортостана. Безусловно, большую роль в их вычлениении из общей массы многочисленного на то время студенческого сообщества, их формировании как молодых специалистов, в поддержке молодых инициатив и проведении конференции сыграли ведущие археологи ВУЗов республики – Н.А. Мажитов, М.Ф. Обыденнов, А.Н. Султанова, В.А. Иванов, Н.С. Савельев, Г.Т. Обыденнова, С.В. Сиротин, И.М. Акбулатов, И.И. Бахшиев и др.

Выступления на БАСКе стимулировали студентов принимать участие и в более крупных конференциях – практически каждый участник побывал в дальнейшем на Урало-Поволжской студенческой конференции и обзавелся там внушительным кругом друзей и единомышленников. Результатом этого отчасти стало проведение XLI УПАСКа в 2009 г. на базе БашГУ (Тамимдарова, 2009, с. 172-174), организаторами которого явились в основном студенты-участники различных БАСКов.

БАСК способствовал профессиональному росту и становлению 25 молодых археологов республики, так или иначе связавших свою судьбу с изучением древностей Южного Урала. Из них 4 человека стали кандидатами исторических наук (Бахшиев И.И., Воробьева С.Л., Русланова Р.Р., Русланов Е.В.), 22 человека имеют возможность получать Открытые листы. Практически все из них (21 человек) работают в организациях, связанных с археологической деятельностью.

И, наконец, БАСК это консолидирующая платформа, дающая возможность молодым начинающим археологам разных вузов и организаций знакомится как друг с другом, так и с профессиональными учеными, формируя неповторимое по душевной теплоте сообщество в мире вузовской науки, создавая тоем самым сменяемость поколений.

Хотим отметить, что Башкирская археологическая студенческая конференция – это эффективная и уникальная по своей специфике площадка для апробации научных исследований студентов ВУЗов как республики, так и сопредельных территорий. Конференция имеет хорошие перспективы для продолжения своего существования, увеличения числа участников, появления интересных научных работ и формирования молодых специалистов-археологов Республики Башкортостан, Урало-Поволжья и России в целом.

Библиографический список

1. АрхЛаб. IX Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: сборник научных статей / отв. ред. Р.Р. Русланова. Вып. 2. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 94 с.
2. Воробьева С.Л. История отдела археологии Национального музея Республик Башкортостан: от момента создания до сегодняшних дней // Вопросы музеологии. №2(12). 2015. С. 131–141.
3. Молодая археология Урала и Поволжья: сборник научных статей / ред. колл. В.А. Иванов, А.С. Проценко, Н.Н. Атнабаев. Уфа: Изд-во БГПУ, 2018. 72 с.
4. Обыденнов М.Ф., Банников А.Л. Первая Башкирская археологическая студенческая конференция // От древности к новому времени. Проблемы истории и археологии: сб. науч. работ / отв. ред. М.Ф. Обыденнов. Вып. 5. Уфа: РИО БашГУ, 2002. С. 3–4.
5. Проценко А.С. Городище Уфа-II как уникальный памятник архитектуры // Ватандаш. 2018. №5 (260). С. 49–54.
6. Султанова А.Н. Приветственное слово // V Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: мат. рег. научн. конф. / отв. ред. А.Н. Султанова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. С. 3.
7. Тамимдарова Р.Р. XLI Международная Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых // Уфимский археологический вестник. 2009. №9. С. 172–174.
8. II Башкирская археологическая студенческая конференция: тезисы докладов / отв. ред. И.М. Акбулатов. Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2005. 65 с.
9. IV Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых (IV БАСК): материалы конференции / отв. ред. И.И. Бахшиев. Сибай: ГУП РБ «Сибайская городская типография», 2011. 141 с.
10. VI Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: материалы региональной научной конференции / ред. колл. В.А. Иванов, Г.Т. Обыденнова, А.С. Проценко. Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. 75 с.
11. VII Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: Сб. материалов регион. научной конференции (г. Стерлитамак, 20 декабря 2014 г.) / отв. ред. С.В. Сиротин. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2014. 108 с.
12. VIII Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: материалы региональной научной конференции (г. Уфа, 11-12 декабря 2015 г.) / отв. ред. А.Н. Султанова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. 128 с.

**НА СТРАЖЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
(К ЮБИЛЕЮ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ДРЕВНЯЯ УФА»)**

©Проценко А.С., Мамбетова Л.В.
ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа», Уфа

Статья посвящена десятилетнему юбилею Республиканского историко-культурного музея-заповедника «Древняя Уфа». В работе рассматриваются вопросы возникновения и развития организации по основным направлениям деятельности: научное изучение Уфа II – городище, учет, консервация и реставрация музейных предметов, выставочная деятельность и популяризация историко-культурного наследия.

Ключевые слова: археология, музей-заповедник «Древняя Уфа», Уфа II – городище, историко-культурное наследие.

Реализация подавляющего большинства программ и проектов, направленных на развитие гражданских институтов в России сегодня невозможна без внимания к историко-культурному наследию ее народов. Музеи-заповедники, как форма сохранения историко-культурного наследия, представляет собой группу музеев под открытым небом, которые формируются на основе недвижимых памятников, музеефицированных на месте их нахождения с сохранением или восстановлением культурной и природной среды, и получают ввиду особой ценности соответствующий статус. Появившись в нашей стране в 1950-1960 гг., к концу XX в. эта категория музейных учреждений становится широко распространенной. К 1990 г. на территории СССР насчитывалось около 80 музеев-заповедников (Никишин, 2001, с. 393). В настоящее время, по мнению многих музейных специалистов, эта наиболее перспективная и активно развивающаяся группа музеев Российской Федерации является «оптимальной формой музейных учреждений для сохранения и актуализации историко-культурного и природного наследия в их единстве» (Каулен, 2015, с. 34; Баранов, 2019, с. 189).

Как было сказано выше, музеи-заповедники представляют собой отдельную группу музеев. Основными целями деятельности их является сохранение, изучение и популяризация объектов культурного наследия. Такую функцию в Республике Башкортостан выполняет Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (*далее* – музей-заповедник «Древняя Уфа»), который был создан

во исполнение распоряжения Правительства Республики Башкортостан от 15.03.2011 №222-р. и в настоящем году отметил свой 10-летний юбилей. Центральное место в работе музея-заповедника является изучение и сохранение уникального памятника эпохи средневековья – Уфа II – городище, который с 1961 г. является историко-археологическим памятником, подлежащим государственной охране.

Рассказать об истории создания музея-заповедника «Древняя Уфа», казалось бы, не так сложно, так как он отмечает всего лишь 10-летний юбилей. Возраст для музея совсем юный, но, несмотря на данное обстоятельство по многим направлениям деятельности музея-заповедника проведена колоссальная работа. История создания музея-заповедника напрямую связана с Уфа II – городище и причины возникновения уходят в начало 2000-х гг. Так, в 2002 г., когда на памятнике в нарушение существующих федеральных законов о сохранении памятников культурного наследия начали возводить незаконные строения, нанося ему серьезное разрушение, Н.А. Мажитов встал на защиту городища, которого поддержала вся научная общественность республики.

Нияз Абдулхакович (в последующем заместитель директора по научной работе музея-заповедника в 2011-2014 гг.) был уверен, что в дальнейшем духовном возрождении башкирского народа изучение и объективная пропаганда древней и средневековой истории будет иметь важное значение. В этой связи особую актуальность приобретает бережное отношение и научное изучение древней столицы Башкортостана – городища Уфа-II (Кулбахтин и др., 2004, с. 8).

Результатом сложной борьбы за памятник стало, принятие государственной программы – «Городище Уфа-II» Правительством Республики Башкортостан и начало масштабных археологических раскопок, объединенной экспедицией БашГУ и ГБУК НПЦ МКНП РБ (ныне – ГБУ НПЦ), которые проводились 2006-2011 гг. Научным руководителем был назначен Н.А. Мажитов. Впервые раскопками получены артефакты, которые позволяли судить о внутренней планировке южной части городища, о характере хозяйственно-бытовых построек. Сенсационные результаты раскопок на памятнике были критически оценены официально приглашенным Экспертным Советом Института археологии РАН (г. Москва), в составе, которого были авторитетные специалисты по изучению городов Китая, Киргизии, Узбекистана, Сирии, Ирака, Российской Федерации (Мажитов, 2012, с. 764). Они оперативно освещались во множестве журнальных статей, в трех монографических трудах отчетного характера, докладах на научных конференциях в Париже, Астане,

Чимкенте, Суздале и др. (Кулбахтин, Мажитов. 2009, с. 1287). Результатом исследований стало не только первичный ввод в научный оборот полученных материалов, но и коллективная монография – «К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья» (Сунгатов и др., 2018), с глубоким анализом полученного материала.

Новейший период исследования Уфа II – городище связан с деятельностью музея-заповедника «Древняя Уфа». С 2012 г. сотрудниками музея проводятся, как спасательные археологические раскопки (Р.Р. Руслановой, М.Р. Шамсутдиновым, И.А. Шутелевой, Е.В. Руслановым, О.С. Белявской), так и рекогносцировочные работы (А.С. Проценко). Музей-заповедник особое внимание уделяет проведению естественнонаучных анализов, полученных материалов, углубленному изучению культурного слоя памятника и консервации и реставрации музейных предметов, найденных на городище. Музей-заповедником была также продолжена публикация материалов археологических раскопок и оперативный ввод их в научный оборот (Шутелева и др., 2013; Шамсутдинов и др., 2015; Русланов и др., 2016; Русланова и др., 2020). В 2018 г. музей-заповедник выступил одним из соорганизаторов Международного научного симпозиума «Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур», посвященный памяти известного археолога Н.А. Мажитова (Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур», 2018). В рамках научного мероприятия был проведен круглый стол: «Городище Уфа-II: научное изучение и популяризация объекта культурного наследия федерального значения», на котором обсуждались последние результаты изучения памятника археологии.

За столь короткое время благодаря стараниям археологов Республики Башкортостан и деятельности музея-заповедника городище получило широкую известность не только среди населения города, но далеко за пределами республики и страны (Шамсутдинов, 2016, с. 400). Городище в разные годы посещали ученые из Италии, Казахстана и Венгрии.

Одним из главных направлений деятельности является учет музейных предметов, так в 2014 г. музей-заповедник был включен в Реестр музеев Республики Башкортостан, а в 2015 г. начал прием археологических находок за период исследований с 2006 по 2012 гг. с памятника археологии «Уфа II – городище» из лаборатории Башкирского Государственного Университета (Батталова, 2016, с. 8). Количество учтенных в фонд музейных предметов на первое полугодие 2021 г. составляет 9860, из них 9206 предметов основного

фонда и 654 музейных предмета находятся в научно-вспомогательном фонде.

В 2019 г. началась работа по консервации и реставрации музейных предметов, найденных на Уфа II – городище. В Свердловском областном краеведческом музее имени О.Е. Клера (г. Екатеринбург) была проведена консервационно-реставрационная работа по фрагменту берестяного короба (Нигматуллина и др., 2020), а во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени академика И.Э. Грабаря (г. Москва) прошел консервацию фрагмент кожаного доспеха.

С 2014 г. ежегодно музеем-заповедником проводятся как стационарные, так и выездные выставки. Основными площадками выездных выставок выступают ВДНХ-ЭКСПО, мультимедийный исторический парк «Россия – Моя история», Конгресс-холл «Торатау» и др. С 2018 г. проводится ежегодный исторический фестиваль «Древняя Уфа», который направлен на популяризацию историко-культурного наследия г. Уфы.

Патриотизм проявляется в чувстве гордости за достижения родной страны, в уважении к историческому прошлому своего народа, в бережном отношении к народной памяти, национально-культурным традициям. Чувство патриотизма, выражаемое, прежде всего, в привязанности к малой родине, зарождается и проходит становление ещё в детские годы в семье, детском саду и школе. Поэтому музей-заповедник «Древняя Уфа» уделяет особое внимание работе со школьниками. За последние годы проведены более 100 открытых уроков в школах Уфы. Наиболее масштабные мероприятия проведены в 2020 г. в рамках историко-культурного проекта «Я познаю Уфу», победителя федерального конкурса президентских грантов. В школах города были проведены открытые уроки, охват аудитории составил более 1000 учеников; III Исторический фестиваль средневековых ремесел и исторических реконструкций «Древняя Уфа»; организована выставка работ участников онлайн пленэра «Наедине с Уфой» среди учащихся художественных школ г. Уфы.

Теперь остановимся на ближайших планах музея-заповедника. Президентом РФ В.В. Путиным по итогам заседания Совета при Президенте по культуре и искусству (4.02.2018 г.) было дано поручение предусмотреть финансирование за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета работ по созданию в Российской Федерации сети специализированных хранилищ археологических материалов, в том числе финансирование их содержания. Не обошло вниманием данное поручение руководство республики, так

строительство археологического депозитария вошло в Указ Главы Республики Башкортостан от 23 сентября 2019 года №УГ-310 «О стратегических направлениях социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2024 года».

В настоящее время музеем-заповедником, совместно с Управлением по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан разрабатывается проект: «Строительства специализированного хранилища археологических материалов (археологический депозитарий) на исследованной части объекта культурного наследия федерального значения «Уфа II – городище»». Именно на данной территории планируется создание специализированного хранилища. В свою очередь подчеркнем, что строительство подобного рода объектов является трендом последних нескольких лет и на территории Европы.

Специализированное хранилище в совокупности с созданием «Евразийского научно-образовательного центра мирового уровня» дополнит новую кластерную модель научно-образовательного центра Республики Башкортостан и обеспечит одно из лидирующих позиций в Российской Федерации по сохранению, музеефикации и популяризации историко-культурного наследия.

Библиографический список

1. Баранов В.С. К 50-летию создания Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Поволжская археология. Казань: Издательство «Фэн». 2019. №2 (28). С. 189–200.
2. Батталова Г.Т. На пути создания двух музеев // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. Ижевск, 2016. № 2 (31). С. 7–12.
3. Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Международный научный симпозиум, посвященный памяти видного ученого археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н.А. Мажитова. г. Уфа, 6-7 декабря 2018 года. Сборник материалов/ под общ. ред. А.И. Уразовой. Уфа: Мир печати, 2018. 263 с.
4. Каулен М.Е. Музеи под открытым небом: многообразие моделей и проблема выбора // Музеи-заповедники – музеи будущего: Международная научно-практическая конференция. Елабуга, 18–22 нояб. 2014 г.: материалы и доклады / Отв. ред. М.Е. Каулен, Г.Р. Руденко, И.В. Чувилова. Елабуга: ООО «ЕлТИК», 2015. С. 10–34.

5. Кулбахтин Н.М., Кульшарипов М.М., Янгузин Р.З. Неутомимый ученый и общественный деятель (К 70-летию профессора, член-корр. АН РБ персоналии Н.А. Мажитова) // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье. Уфа: Изд-во БГУ, 2004. С. 3–16.
6. Мажитов Н.А., Кулбахтин Н.М. На пороге серьезных открытий по средневековой истории Башкортостана // Вестник Башкирского университета. Уфа: Изд-во БГУ, 2009. Т. 14. №3 (I). С. 1286–1290.
7. Мажитов Н.А. Средневековый Башкортостан — страна городов // Вестник Башкирского университета. Уфа: Изд-во БГУ, 2012. Т. 17. № 1 (I). С. 764–769.
8. Никишин Н.А. Музеи заповедники // Российская музейная энциклопедия: в двух томах. Т.1. А–М. М: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. С. 393.
9. Нигматуллина З.Ф., Карачарова И.А., Проценко А.С. К вопросу консервации и реставрации музейных предметов // Клио. Санкт-Петербург: Полторак, 2020. № 6 (162). С. 124–128.
10. Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Романов А.А. Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. «Городище Уфа-II». Материалы археологических раскопок 2015 года. Уфа: ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа», 2016. 276 с.
11. Русланова Р.Р., Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Проценко А.С. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2012 года. Том V. Часть II. Уфа: Башк. энцикл., 2020. 432 с.
12. Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Бахшиева А.К., Мухаметдинов В.И., Русланова Р.Р., Русланов Е.В. К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья. Уфа: Самрау, 2018. 335 с.
13. Шамсутдинов М.Р., Русланов Е.В., Романов А.А., Тагирова Р.Ш. «Городище Уфа-II». Материалы археологических раскопок 2014 года. Уфа: ДизайнПресс, 2015. 320 с.
14. Шамсутдинов М.Р. «Городище Уфа-II» как перспективный туристический объект // Сохранение и рациональное использование культурного наследия в сфере туризма: материалы Международной научно-практической конференции. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2016. С. 399–404.
15. Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., Леонова Т.А., Шамсутдинов М.Р., Русланов Е.В. Уфа-II – Средневековое городище на Южном Урале. Материалы раскопок 2013 года. Уфа: Инеш, 2013. 192 с.

**КРЕМНЕВЫЙ КОМПЛЕКС МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ
ЧЕКАЛИНО II
(НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРУЮ КОЛЛЕКЦИЮ)**

©*Бородулин К.И., Мурзаков Н.А.*

Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара

Научный руководитель – Андреев К.М.,
к.и.н., доцент

В публикации представлены результаты типологического анализа кремневого инвентаря мезолитической стоянки Чекалино II. Повышенная актуальность изучения среднего каменного века и расширение источниковой базы в лесостепном Поволжье, приводят к необходимости повторного анализа ранее изученных памятников для поиска культурно-хронологических связей.

Ключевые слова: мезолит, лесостепное Поволжье, кремневый комплекс.

Мезолитическая стоянка Чекалино II была обнаружена и исследована А.Е. Мамоновым, А.И. Королёвым и А.А. Ластовским в 1993–1994 гг. Памятник располагается в Самарской области, на левом берегу р. Сок (левобережный приток р. Волга). Стоянка находится вблизи речного русла и занимает площадку низкого мыса, образованного течением р. Сок и старого, сухого русла её притока – р. Орлянки. При последующих раскопках было установлено присутствие культурных остатков двух периодов: мезолита, составляющего основную массу находок и финальной бронзы, представляющую небольшую часть коллекций. Исследованная площадь составила 144 м².

Стратиграфия стоянки следующая: верхний слой – дёрн мощностью 12-20 см, под ним слой гумусированного суглинка чёрного цвета, мощностью 20–30 см., который подстилается серо-оранжевым суглинком – культурный слой эпохи мезолита – толщиной 20-30 см. Указанные слои лежат на материковом суглинке оранжевого цвета, имеющем более светлую окраску по сравнению с предыдущим слоем.

Коллекция находок из мезолитического слоя стоянки насчитывает 1394 ед., из которых основная масса была локализована на небольшой площадке вокруг углублённого в материк очага аморфной формы, заполненного тёмной золой с вкраплениями угольков (Королёв, Ластовский, Мамонов, 1997).

По результатам исследования памятника А.И. Королёв, А.А. Ластовский и А.Е. Мамонов в 1997 году опубликовали статью в сборнике «Историко-археологические изыскания».

Весной 2021 г. в археологической лаборатории СГСПУ была проанализирована доступная часть коллекции эпохи мезолита стоянки Чекалино II – 802 ед. (орудия, пластины, нуклеусы и др.), в этой связи количественные показатели в представленной статье отличаются от таковых в соответствующей публикации 1997 года.

Сырьё, используемое для скальвания неоднородно, как по качественным, так и по цветовым характеристикам. Оно представлено различными оттенками качественного серого кремня, в меньшей степени изделиями из окремнелого грязно-белого известняка, а также группой изделий из некачественного светло-коричневого кремня.

Технические (технологические) сколы характеризуются кусками кремня без ретуши (26 ед.) и чешуйками (22 ед.); отщепами (264 ед.) и осколками (50 ед.) без ретуши, а также продольными (59 ед.) и поперечными (13 ед.) сколами без ретуши. Значительный процент техно-сколов от общего количества изделий из кремня (54,2 %), свидетельствует о том, что сырьё обрабатывалось на стоянке. На четырех продольных сколах присутствует ретушь по одной из граней с дорсальной стороны.

Среди нуклеусов доминируют одноплощадочные торцевые (8 ед.), из которых 7 ед. имеют скошенную площадку, и выявлен один торцевой нуклеус с двумя площадками скальвания; также в комплексе присутствуют призматические (2 ед.) со скошенной и прямой площадкой снятия и конический (1 ед.) нуклеус со скошенной площадкой.

Пластин насчитывается 300 ед. (37,5% от всего комплекса), из них целых – 27 ед. (9 %); проксимальные части – 96 ед. (32 %); медиальных частей – 102 ед. (34 %), дистальных частей – 75 ед. (25 %). Из данного комплекса выделяется категория пластин с выемкой (10 ед.), две из которых оформлены ретушью. Ретушь на пластинах наносилась по одной из граней с дорсальной стороны, в единичных случаях по двум граням также с дорсальной стороны.

Метрические показатели пластин следующие: толщина: 1 мм – 36 ед. (12%), 2 мм – 119 ед. (39,6 %), 3 мм – 95 ед. (31,6%), от 4 до 6 мм – 50 ед. (16,6%); ширина: от 3 мм до 5 мм – 44 ед. (14,6 %), от 6 мм до 10 мм – 185 ед. (61,6 %), от 11 мм до 15 мм – 66 ед. (22 %), от 16 мм до 20 мм – 5 ед. (1,6 %). Таким образом, в коллекции преобладают пластины толщиной от 2 мм до 3 мм – 214 ед. (71,3 %), шириной от 6 мм до 10 мм – 185 ед. (61,6 %).

Коллекция орудий представлена 47 артефактами (5,8 % от всего комплекса). Скребок – 22 ед. (46,8 %), большинство изготовлено на пластинах (18 ед.), концевого типа, с округлым – 12 ед., скошенным – 4 ед. и прямым рабочим краем – 3 ед., также в комплексе присутствуют скребки на продольном сколе (2 ед.) и на куске (1 ед.) со скошенными рабочими краями. Стоит отдельно отметить комбинированное орудие на пластине – скребок-перфоратор со скошенным рабочим краем и крупной ретушью на противоположном конце, образующей симметричное острие. Ещё один перфоратор на пластине представлен обломком и имеет мелкую регулярную краевую ретушь по двум граням, формирующую симметричное острие. Обнаружены угловые резцы 13 ед. (27,6%), из них: на проксимальной части пластины – 6 ед., на медиальной части – 5 ед., на дистальной части – 2 ед. Рубящие орудия представлены одним целым топором из серого кремня с коркой на спинке и бифасиальной обработкой, имеющим треугольную в плане форму с приостренным обухом и широким лезвием. Кроме того, выявлено два незавершённых деревообрабатывающих (?) орудий из мягкой породы (возможно, опоки). Первое имеет двустороннюю обработку и, вероятно, находилось на стадии шлифовки, но из-за обнаружения изъяна сырья обработка была не закончена. Второе орудие имеет зашлифованные участки и, судя по форме, возможно, является долотом.

В коллекции присутствуют отбойники из галек, один или оба конца которых имеют характерные следы забитости (6 ед.) или следы сколов (1 ед.), а также абразив черного цвета со следами работы.

Помимо каменных артефактов, инвентарь дополняется костяными изделиями: первое представлено тонкой саблевидной пластиной из кости, которая возможно являлась накладкой на лук (?); второе изделие является ретушером из зуба медведя, со следами сработанности у основания носика, который использовался для вторичной обработки каменных изделий. Аналогичный ретушер выявлен в лесной зоне Восточной Европы, на стоянке Озерки 5 (Жилин, 2001, с. 172-173). Также был найден фрагмент трубчатой кости со следами пиления с обеих сторон.

Наиболее близкие аналогии по форме скребков, резцов на углу сечения пластины, наличию проколов и перфораторов в комплексе, а также относительно высокому проценту пластинчатости индустрии, представленный комплекс обнаруживает в материалах таких стоянок, как Романовка II (Ластовский, Матвеева, 1999; Матюшин, 1976) и Старо-Токская (Моргунова, 1983), которые тяготеют или расположены на территории Южного Приуралья. Помимо близости комплексов, есть

и различия, которые могут быть объяснены, как культурными, так и хронологическими аспектами и нуждаются в дальнейшем исследовании.

Библиографический список

1. Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС, 2001. 328 с.
2. Королев А.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. Мезолитический комплекс стоянки Чекалино II // Историко-археологические изыскания. Самара: СГПУ, 1997. Вып. 2. С. 3–13.
3. Ластовский А.А., Матвеева Г.И. Мезолитический комплекс поселения Романовка II // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып.1. С. 3–14.
4. Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976. 367с.
5. Моргунова Н.Л. Старо-Токская мезолитическая стоянка // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж: ВГПИ, 1983. С. 28–40.

УДК 902/904

НОВЫЕ НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В РАЙОНЕ ОЗЕРНОЙ СИСТЕМЫ БАННОЕ-САБАКТЫ-КАРАБАЛЫКТЫ

©Хурмаев А.А.

ИИЯЛ УФИЦ РАН, ИИГУ БашГУ, Уфа

*Научный руководитель – Котов В.Г.,
к.и.н., ст. н.с. ИИЯЛ УФИЦ РАН*

В статье дается описание и характеристика археологических памятников эпохи неолита-энеолита в районе озерной системы Банное-Сабакты-Карабалыкты. Приводится краткое описание предшествующих археологических экспедиций и вводятся новые данные, полученные в ходе работ 2020-2021 годов.

Ключевые слова: неолит, энеолит, хребет Крыкты, Банное (Якты-Куль), Сабакты, Карабалыкты, Зауралье.

К настоящему времени на территории Башкортостана известно более 100 памятников нео-энеолитического времени. Большинство из

них было открыто в 1960-70-е гг. археологическими разведками Г.Н. Матюшина, Ю.А. Морозова и других исследователей.

На территории восточных предгорий хребта Крыкты обнаружено большое количество памятников эпохи каменного века, в том числе неолита и энеолита. Большое количество памятников было обнаружено на береговых площадках озер Карабалыкты, Якты-Куль (Банное) и Сабакты. Именно здесь фиксируется плотное скопление археологических объектов, что и вызывает интерес к этой территории, включая ближайшие окрестности.

На берегах этих озер основные работы по выявлению памятников эпохи камня проводились Г.Н. Матюшиным. На берегах оз. Банное им было обнаружено 6 памятников эпохи камня (2 местонахождения и 4 стоянки). На берегах оз. Карабалыкты количество памятников каменного века значительно больше – здесь их было обнаружено 11, из которых 6 датируются эпохой неолита. На берегах оз. Сабакты было обнаружено 8 памятников эпохи камня, среди которых 3 относятся к эпохе неолита (АКБ, 1976).

Важно отметить, что археологические изыскания в этом регионе в 1960-70-х гг. велись и были сконцентрированы, по большей части, по берегам рассматриваемых озер (а также и иных озер Башкирского Зауралья). Ситуация изменилась только в 2005 г., когда в пределах т.н. Курортного района Якты-Куль (площадь 110 км²) начала работать совместная экспедиция Научно-исследовательского центра «Наследие» и ИИЯЛ УНЦ РАН. Проводилось археологическое обследование озер Якты-Куль, Сабакты и, впервые, прилегающих возвышенностей, хребтов и межгорных долин. Тогда на этой территории было открыто более 60 новых археологических объектов (Котов, Савельев, 2007). Открытие новых памятников в удалении от крупных водных объектов позволило тогда сделать заключение о наличии памятников эпохи камня не только по берегам крупных озер, но также и на небольших ручьях, текущих с хребта Крыкты и впадающих в озера.

В 2020 г. данные работы были продолжены. Разведочные работы охватили территорию с размерами 10×4 км и имели своей целью обследование полосы предгорий между восточным подножием хребта Крыкты и западным краем озёрной системы Банное – Сабакты – Карабалыкты. Это позволило выявить значительное количество (около 40) различных археологических объектов – стоянок, поселений, местонахождений, курганов и курганных могильников. Часть из них (около десятка), судя по имеющимся находкам, относится к эпохе неолита-энеолита.

Эти памятники в основном расположены на мелких водотоках, у истоков ручьев, в том числе в достаточно изолированных горных долинах полосы предгорий и имеют относительно небольшую площадь. Это может свидетельствовать о том, что в эпоху неолита-энеолита население данного региона осваивало не только берега крупных озер, но также и всю полосу между хребтом Крыкты и берегами озер.

В 2021 г. была произведена археологическая разведка по береговой линии р. Янгелька общим маршрутом в 14 км. В ходе разведки был обнаружен ряд стоянок и местонахождений, относящихся, предположительно, к эпохе неолита-энеолита. Данные памятники находятся в близком расположении к реке Янгелька и локализируются на слабовыраженных мысах и, также, имеют относительно небольшую площадь распространения.

Принимая во внимание стоянку Курузак 2 (энеолит, липчинская культура), выявленную в глубоком ущелье восточного склона хребта Крыкты, можно предположить, что население в это время осваивало также и узкие горные долины, и ущелья. Были обнаружены стоянки на высоких террасах и на вершине хребта Аркыргыр. (Румянцев, Котов, Савельев, 2015).

На основе ранее имеющихся данных и результатов полевых работ 2020 г. можно заключить, что население неолита-энеолита территории восточных предгорий хребта Крыкты осваивало не только береговые линии крупных озер, но также и всю полосу предгорий между самим хребтом и озерами, выбирая в качестве мест для стоянок, в основном, мысы вблизи небольших ручьев. В эпоху неолита-энеолита на рассматриваемой территории, по всей видимости, была достаточно высокая плотность населения на берегах озер и, ко всему прочему, скотоводческо-охотничий тип хозяйства предполагал освоение и окрестностей озер, прежде всего, долин небольших водотоков. Особенности расположения стоянки Курузак - 2 свидетельствует о том, что, помимо полосы предгорий, в энеолите также осваивались и внутригорные долины и узкие ущелья.

Библиографический список

1. Археологическая карта Башкирии / отв. ред. Бадер О.Н.: М.: Наука, 1976. 263 с.
2. Котов В.Г., Савельев Н.С. Разведочные работы на озёрах Якты-Куль (Банное) и Сабакты в Башкирском Зауралье // Археологические открытия 2005 года / отв. ред. Н. В. Лопатин, М.: ИА РАН, 2007. С. 377.

3. Румянцев М.М., Котов В.Г., Савельев Н.С. Разведочные работы в горной части Башкортостана. // Археологические открытия 2010-2013 года / отв. ред. Н. В. Лопатин, М.: ИА РАН, 2015. С. 522.

УДК 903.5(292.497)''-3/-2''

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ АБАШЕВСКОЙ И СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУР НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

©Лимахина Е.С.

Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург

*Научный руководитель – Купцова Л.В.,
к.и.н., зав. археологической лабораторией*

В статье рассмотрены керамические комплексы абашевской и синташтинской культур с территории Южного Приуралья. Целью работы является сравнительный анализ представленных комплексов.

Ключевые слова: абашевская археологическая культура, синташтинская археологическая культура, керамический комплекс, Южное Приуралье.

В начале позднего бронзового века на территории Южного Приуралья² обитали племена абашевской и синташтинской культур, активно взаимодействовавшие друг с другом. Материальная культура этих образований во многом схожа, особенно это заметно в области гончарства.

Целью данной работы является сравнительный анализ имеющихся абашевских и синташтинских керамических комплексов в части морфологии. Необходимо оговориться, что в решении поставленной задачи существует ряд осложняющих факторов: во-первых, сохранность материала (некоторая часть керамических изделий была разрушена из-за природного и человеческого факторов), во-вторых, малочисленный объем выборки на исследуемой местности.

---

² В данном случае под термином «Южное Приуралье» понимаются территории, расположенные к западу от Уральских гор.

Всего проанализирован 31 сосуд в общем подсчете. К абашевской культуре относится 21 ед. (Старо-Ябалаклинский КМ, грунтовый могильник у г. Березовой, КМ Сарайсино – 2, Красиковский КМ, Белозерский КМ и II КМ у сел. Второе Имангулово) (Горбунов, Морозов, 1991; Халяпин, 2000; Кузнецов, Чаплыгин, 2019; Моргунова, Евгеньев, Крюкова, Харламов, Файзуллин, Гольева, 2019; Купцова, Евгеньев, 2019). К синташтинской культуре отнесено 10 сосудов (грунтовый могильник у г. Березовой, погребение на поселении Малоюлдашево I и КМ Кутулук I) (Халяпин, 2000; Моргунова, Евгеньев, Купцова, 2015; Лебедева, Фадеев, 2016).

На территории Южного Приуралья абашевская культура тесно взаимодействует с синташтинской культурой – это возможно проследить не только по общим компонентам в керамической традиции, но и по некоторым деталям погребального обряда (Купцова, Евгеньев, 2019). Размещение сосудов относительного погребенного совпадает: керамические изделия находятся около черепа или лица, перед коленями и у костей стоп погребенного.

Наиболее часто встречаемый тип посуды и в абашевских и в синташтинских комплексах – горшки (27 ед. в общем подсчете, из них в абашевских комплексах 19, в синташтинских – 8). Форма абашевских сосудов разнообразна и включает в себя горшечные формы и баночные формы. Горшечные сосуды представлены следующими подтипами: колоколовидный (11), слабопрофилированный (4), миниатюрные острореберные сосудики (4). Баночных сосудов выявлено 2 экземпляра. Синташтинские сосуды на территории Южного Урала также представлены горшками: слабопрофилированными (7), миниатюрными острореберными сосудиками (1) и банками (2). Выявленные баночные сосуды относятся к закрытому типу.

Отмечено взаимопроникновение керамических традиций. Так, в КМ Кутулук I, относящемся к синташтинской культуре, зафиксирован острореберный сосудик, характерный для абашевской культуры, тогда как в погребении I Красиковского могильника, относящегося к абашевской культуре, найден лепной сосуд, чинённый бронзовыми скобами, что говорит о наличии маркера синташтинской керамической традиции (Мочалов, 2007, с. 120).

В ходе сравнительного анализа была рассмотрена орнаментация сосудов и зона их орнаментирования. Большая часть сосудов обеих культур орнаментирована (26 ед. в общем подсчете), преобладает простая композиция с использованием от одного до трех элементов (14 ед. в общем подсчете). Сложная композиция тоже присутствует и включает в себя более трех элементов (13 ед. в общем подсчете).

У обеих групп наблюдается использование горизонтальных желобков (каннелюр) – 10 ед. в общем подсчете. Так, в абашевской группе было зафиксировано 4 сосуда с каннелюрами, в синташтинской – 6. Зона орнаментации сосудов обеих групп совпадает – это либо только верхняя часть изделия, либо полностью весь сосуд.

Таким образом, влияние абашевской керамической традиции на синташтинскую прослеживается не только в использовании определенных форм сосудов, но и в орнаментации и выбранных зонах орнаментирования керамических изделий. Стоит отметить, что синташтинская культура также оказывала влияние на абашевскую – это можно заметить по такому характерному признаку, как ремонтирование сосудов бронзовыми скобами. Отметим, что данная традиция впервые появляется в синташтинской среде. В итоге сравнительный анализ керамических комплексов абашевской и синташтинской культур показал, что для их гончарных традиций характерны общие признаки. На мой взгляд, этот факт подтверждает не только сосуществование исследуемых общностей на территории Южного Приуралья, но и взаимовлияние друг на друга. Вероятно, первоначально синташтинские гончарные традиции зародились в среде абашевской общности, но в более позднее время прослеживается уже их взаимовлияние, что связано с активным межкультурным взаимодействием и сосуществованием данных культурных образований в начале позднего бронзового века в Южном Приуралье.

Библиографический список

1. Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 160 с.
2. Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Купцова Л.В. Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении Малоюлдашево I в Западном Оренбуржье // Археология, антропология и этнография Евразии. Том 43. №2, 2015. С. 64–71.
3. Лебедева Н.В., Фадеев В.Г. Новый памятник синташтинско-потаповского Кутулук I в Самарском Заволжье // Археологические памятники Оренбуржь. Вып. 12, 2016. С. 71–87.
4. Купцова Л. В., Евгеньев А. А. Новые погребальные комплексы абашевской культуры в Оренбургском Предуралье // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня

рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарёва. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 219–222.

5. Кузнецов П.Ф., Чаплыгин М.С. Новый памятник абашевской культуры Приуралья // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 225–229.

6. Мочалов О.Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского Междуречья: Монография. Самара, 2007. С. 94–123.

7. Халяпин М.В. Новые абашевские материалы из Оренбуржья // Заседателя С.Н., Ткачёв В.В. (ред.). Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала: Сб. науч. тр. Орск, 2000. С. 102–119.

8. Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Харламов П.В., Файзуллин А.А., Гольева А.А. Курганный могильник Красиковский I бронзового века в Оренбургской области // АПО. Вып. 14, 2019. С. 4–39.

УДК 902/904

ФЯНСОВЫЕ БУСИНЫ АЛАКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА³

©Савельева Ю.В.

Курганский государственный университет, Курган

*Научный руководитель – Новиков И.К.,
ст. преподаватель*

В статье представлены результаты анализа коллекции фаянсовых бусин Алакульского могильника позднего бронзового века. Рассматриваются состав, способы формовки и способы окрашивания бусин.

Ключевые слова: фаянсовые бусины, технология изготовления, классификации, химический состав, бисер, поздний бронзовый век, Алакульский могильник, алакульская культура.

---

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-49-45000

Нами было проведено исследование на основе коллекции фаянсовых бусин Алакульского могильника, эпонимного памятника алакульской культуры, датируемой XVIII-XVI вв. до н.э. (Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 149-150).

В период с 1999 по 2003 гг. археологической экспедицией под руководством С.Н. Шилова было исследовано 14 курганов. Нами начато обследование коллекции фаянсовых бус 1999–2003 гг. исследования. Из 163 погребений были исследованы 483 фаянсовые бусины. Каждая бусина рассматривалась отдельно, ей присваивался индивидуальный номер, определялись размерные и морфологические особенности. Необходимо отметить очень плохую сохранность и хрупкость материала.

Фаянсовые бусины являются хрономаркером позднего бронзового века Урало-Казахстанского региона, в другие периоды они пока не зафиксированы. Актуальными на сегодняшний день являются вопросы о первоначальной территории и времени зарождения фаянсового производства. На современном этапе изучения существует несколько теорий появления изделий из фаянса на территории лесостепного пояса, отражающие местное производство (Братченко, 2001, с. 35-28; Островерхов, 2003, с. 175) и импорт (Столярова, 2002, с. 91-99).

Исследуемая нами коллекция практически однородна и относится к типу бисер. По форме выделяются цилиндрические (19,2%), бочонковидные (9,6%), круглые бусины с ребром и без ребра (71,2%).

Наиболее полная классификация была разработана Е.М. Алексеевой для бусин античного времени Северного Причерноморья. Форма по мнению Е.М. Алексеевой определяется в зависимости от общих очертаний предмета и соотношения его пропорций по трем измерениям (Алексеева, 1975, с. 13-15).

Формовка фаянсовых бусин Алакульского могильника производилась на стержне-основе, которой мог служить стебель травы, что подтверждается характерными следами в канале некоторых бусин. Из пасты формировалась трубка, которая нарезалась характерным образом, формируя линии для последующего обламывания. В виде гофрированной трубки изделие окрашивалось путем погружения в раствор, о чем свидетельствует характерный градиент на сколах, с уменьшением интенсивности окрашивания к центру изделия.

После термического воздействия бусины обламывались и приобретали законченный вид. Об обламывании говорит наличие неровных сколов, которые остаются бесцветными, а также наличие

обычно сдвоенных бусин, которые было тяжело обломить, без утраты одной из них.

Среди исследователей на сегодняшний день нет однозначного мнения по поводу технологии изготовления фаянсовых бусин. Согласно одной из теорий, фаянсовые бусины формовались на нитках, которые в последствии выгорали при термообработке, согласно второй версии фаянсовые бусины изготавливали на стержне-основе. Тонкий слой пасты наносили на ось, после чего массу прокатывали по твердой поверхности. Образовавшуюся заготовку делили на отрезки в зависимости от предполагаемой формы. После этого изделия подвергались сушке и термообработке (Лукас, 1958, с. 51). Согласно третьей теории фаянсовые бусины формовались вручную. Из пасты раскатывали жгут и нарезали его на отрезки. Из полученных отрезков формировали кольцо у бусин, а изготовленных таким способом изделий сбоку фиксируется разрез (Куприянова, 2008, с. 30-31).

Анализ химического состава 11 экземпляров фаянсовых бусин Алакульского могильника показал, что основа неизменная и состоит из оксида кремния. Также в малой доле в составе фиксируются естественные и искусственные примеси: калий, кальций, медь и железо.

По мнению исследователей, основа фаянсовых бусин состояла из массы бедной на щелочи и богатой на известь. Этот вид материала выступал как первооснова для производства фаянсовых изделий и в последствии стекла (Островерхов, 2003, с. 173-174). Бусины состоят из трех основных компонентов. В них входили вспомогательные, стеклообразующие вещества и сопутствующие примеси. На основании химического состава фаянсовые бусин можно разделить на две группы: алюмосиликатные и фаянсовые (с высоким содержанием кремнезема) (Щапова, 2015, с. 9-10). Некоторые исследователи выделяют также щелочные и свинцово-щелочные изделия (Островерхов, 2009, с. 416).

Относительно цвета бусин так же существует несколько версий, по одной из них краситель содержался в основе изделия, по другой - глазурирование готовых изделий производилось методом погружения в красящий состав. (Лукас, 1958, с. 52), и по третьей версии при термическом воздействии происходило самоглазурирование поверхности изделия (Алексеева, 1975, с. 23-24).

Выделяются различные красители, дающие характерный цвет. В первом случае использовалось железо, гематит или охра. Во втором случае в составе выявлено наличие меди и железа. Преобладание в составе меди позволяет получить сине-зелёный оттенок бусин. В третьем варианте для окрашивания использовалась медь. В бусинах с

наивысшим содержанием меди авторами фиксируется наибольшее содержание мышьяка (Shortland, Shishlina, Egorkov, 2007, с. 274-278).

Остается открытым вопрос термического воздействия, сколько этапов было и какой был характер, ясно то, что прямого воздействия огня, скорее всего, не было.

Производства фаянса в позднем бронзовом веке достаточно сложный технологический процесс. На сегодняшний день фаянс фиксируется только в виде готовых изделий и полностью отсутствуют следы его изготовления, что оставляет открытым вопрос о месте его производства.

Библиографический список

1. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978. 104 с.

2. Братченко С.Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях, 2001. 124 с.

3. Куприянова Е.В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: АвтоГраф, 2008. 244 с.

4. Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 848 с.

5. Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История и филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.

6. Островерхов А.С. Древние «фаянсы» в памятниках эпохи бронзы – начала железа в Восточной Европе (III – первая половина I тыс. до Р. Х.) (парадигмы артефактов) // *Stratum plus*. № 2. 2003. С. 171–203.

7. Островерхов А.С. В.А. Галибин и его вклад в изучение химической технологии древнего и средневекового стекла (к 75-летию со дня рождения) // *Stratum plus*. № 3. 2009. С. 413–433.

8. Столярова Е.К. Сырьевые материалы и происхождение бус эпохи бронзы западной части Евразийских степей // Сезонный экономический цикл населения северо-западного Прикаспия в бронзовом веке // Труды ГИМ. Вып.120. 2002. С. 91–99.

9. Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

10. Щапова Ю.Л. Мир древнего стекла: проблемы и перспективы. // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 9–27.

11. Shortland A., Shishlina N., Egorkov A. Origin and Production of Faience Beads in the North Caucasus and the Northwest Caspian Sea Region in the Bronze Age // Les cultures du Caucase (VIe-IIIe millenaires avant notre ere). Leurs relations avec le Proche-Orient / Sous la direction de Bertille Lyonnet. CNRS Editions, 2007. Pp. 269–283.

УДК 903.22

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ ГОРОХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

©Зарипов Ш.Я.

Тюменский государственный университет, Тюмень

*Научный руководитель – Матвеева Н.П.,
д.и.н., профессор*

В работе представлены материалы вооружения гороховской культуры и результаты их систематизации. Рассматриваются такие виды вооружения как дальнего, так и ближнего боя, а также средства защиты. Выдвинуто предположение о комплексе вооружения рядовых и богатых воинов, и сделан вывод о преобладании сакского и савроматского влияния в военной традиции гороховской культуры.

Ключевые слова: ранний железный век, Зауралье, гороховская культура, комплекс вооружения.

На начальном этапе раннего железного века в Зауралье проникли кочевники, оставившие после себя памятники гороховской культуры в бассейнах рек Исети и Тобола и просуществовала в рамках VI-II вв. до н.э. Исследователи тему вооружения гороховской культуры затрагивали лишь в рамках культурно-хронологического описания комплекса материалов (Корякова, 1988; Матвеева, 2019; Могильников, 1992). В аспекте военного дела гороховские древности исследователями не рассматривались. В данной работе мы ставим перед собой задачу рассмотреть каждый вид вооружения и попытаться реконструировать комплекс вооружения воинов гороховской культуры.

Наконечники стрел. Почти все наконечники стрел, найденные в гороховских погребениях, сделаны из бронзы, железные наконечники встречаются реже. Удалось разделить все изделия на три хронологические группы. Наконечники стрел первой группы бронзовые и имеют архаичные способы насада – внешняя втулка, черешок, зажимной. Однако, вместе с подобными изделиями присутствуют и наконечники стрел с внутренней втулкой. Наконечники стрел второй группы также бронзовые, но имеют уже более поздний способ насада – внутренняя втулка. Третья группа – железные, имеют черешковый способ насада и крупнее бронзовых изделий.

Клинковое оружие. К клинковому оружию относятся мечи и кинжалы. Здесь разделение будет происходить по признакам, описанным М.В. Гореликом, а именно – длина кинжала не превышает 50 см, все остальные изделия являются мечами (Горелик, 2003, с. 15). Известны лишь пять экземпляров гороховского клинкового оружия – два меча и три кинжала которые происходят из могильников Синеглазово, Усть-Караболка, Воробьево и Мурзино-1 (Буддашов, Боталов, 2016, рис. 3, 39; Могильников, 1992, таб. 119, 58-59; Стоянов, Фролов, 1962, рис. 30, 1-2). Клинковое оружие имеет следующие морфологические особенности – мечи имеют брусковидное и угловое (обращенное к клинку) перекрестия, и брусковидное навершия. Воробьевские кинжалы имеют бабочковидное и угловое перекрестия и решетчатые навершия. Самый поздний кинжал из Мурзинского-1 могильника – брусковидное перекрестие и не имел навершия. Автор раскопок выдвинул предположение о дуговидном (серповидном) навершии, что было характерно для кинжалов той эпохи.

Древковое оружие. Под древковым оружием подразумеваются такие виды вооружения как копья и чеканы. Единственный чекан, происходящий из ареала гороховской культуры, был найден в Шмаковском могильнике. Чекан имеет втульчатый способ насада и заостренный торец обуха. Копье также было найдено в Шмаковском могильнике. Коротковтульчатое, форма пера листовидная (Генинг, 1993, рис. 13, 1-2).

Защитное вооружение. Находок защитного вооружения среди гороховских памятников крайне мало. Единственными находками панцирных пластин являются изделия, происходящие из Шмаковского могильника (Генинг, 1993, рис. 3-4). Пластины изготовлены из кости и имеют прямоугольный или трапециевидный абрис. Скорее всего, положение каждой пластины в целом доспехе зависело от ее формы. К примеру – трапециевидные могли располагаться в боковых частях

доспеха или в тех местах, где доспех переходил от одной части тела к другой, к примеру – с грудной клетки в боковую зону.

Переходя к анализу представленных материалов, можно сказать, что первая хронологическая группа наконечников стрел датируется VI-V вв. до н.э., вторая – V-II вв. до н.э., третья – III-II вв. до н.э. Все наконечники стрел имеют аналоги в сакской и савроматской среде, а также среди комплекса наконечников из кургана Аржан-1 (Итина, 1992, таб. 4; Смирнов, 1961, таб. 1-2; Чугунов, 2000, рис. 2; 3). Стоит отметить, что железные наконечники стрел, из-за их позднего появления в комплексе гороховских древностей, можно расценивать в качестве одного из маркеров для более точно датировки. Самые ранние два кинжала из Воробьевского могильника датируются V-IV вв. до н.э. Два меча, найденных в могильниках Синеглазово и Усть-Караболка датируются IV-III вв. до н.э. Самый поздний кинжал – из могильника Мурзино-1, который датируется III-II вв. до н.э. Все изделия имеют савроматские и раннесарматские аналоги, которые также датируются диапазоном V-II вв. до н.э. (Горелик, 2003, таб. XVI, 6; Клепиков, 2007, рис. 2, 4, 5, 10; Мошкова, 1963, таб. 18; Смирнов, 1961, рис. 4, 3). Единственный аналог чекану происходит из могильника Новотроицкий-1 и датируется IV-III вв. до н.э. (Лихачева, 2020, рис. 56, 2). Аналоги копью прослеживаются в савроматской и сарматской среде, которые датируются VI в. до н.э. – II в. н.э. (Смирнов, 1961, рис. 41, 20-21; Хазанов, 1971, с. 47-48). Аналоги доспеху находят повсеместно по всем степным и лесостепным регионам Азии и Восточной Европы (Горелик, 2003, Таб. LI-LIII; Хазанов, 1971, таб. XXVIII-XXI).

Реконструировать воинский набор можно благодаря погребению из Мурзинского-1 могильника. Это лук со стрелами, как основное оружие и кинжал для обороны в ближнем бою. Остается открытым вопрос о разделении на бедных и богатых воинов в гороховской среде, т.к. в других культурах того времени видно, что описанный выше воинский набор является рядовым. Можно лишь предположить, что богатый воин в дополнение мог позволить себе более эффективную защиту и оружие. Также, материалы вооружения обрисовывают следующую картину - военная традиция гороховской культуры была сформирована под влиянием саков и савроматов. Скорее всего, гороховское войско представляло собой легковооруженных конных лучников под руководством человека или группы людей статусом выше и лучшим вооружением.

Библиографический список

1. Булдашов В.А., Боталов С.Г. Новые аспекты исследования могильника Мурзино-I // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей, 2016. С. 318–341.
2. Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие - IV в. до н.э.). СПб: Атлант, 2003. 336 с.
3. Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Археология СССР. Т.1: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 31–47.
4. Клепиков В.М. Раннесарматские мечи в Нижнем Поволжье // Вооружение сарматов: региональная хронология и типология. Челябинск: Изд-во Южноуральского ун-та, 2007. С. 51–57.
5. Корякова Л.Н. Ранний железный век Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 240 с.
6. Матвеева Н.П. Гороховская культура в системе древностей раннего железного века Зауралья // Российская археология. 2019. №1. С. 4–19.
7. Могильников В.А. Гороховская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 283–291.
8. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. М., 1963. 56 с.
9. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1961. № 101. 168 с.
10. Стоянов В.Е., Фролов В.Н. Курганные могильники у д. Воробьево // ВАУ. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 1962. Вып. 4. С. 53–87.
11. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.
12. Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 213–238.

КУРИЛЬНИЦЫ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ⁴

©Огнева Е.Д.

Тюменский научный центр, Тюмень

Научный руководитель – Цембалюк С.И.,

к.и.н., н.с. сектора археологии и естественнонаучных методов

В данной работе речь пойдет о таком культовом предмете саргатской культуры как курильница. В статье описаны внешний вид курильниц, их место в погребальной практике населения саргатской культуры, освящены функции этого предмета и мировоззренческие аспекты его использования.

Ключевые слова: саргатская культура, культовые предметы, курильница, культы, ритуалы.

Актуальность данной работы заключается в том, что в ней представлена классификация курильниц саргатской культуры, отмечен функциональный ряд и их место в погребальной практике.

Курильница – это миниатюрный глиняный или каменный сосуд баночной формы со следами жжения, редко встречающийся предмет погребального инвентаря.

Автором работы был проведен типологический анализ курильниц по морфологическим особенностям сосудов, типу дна, размеру и орнаментации, который показал, что все исследуемые курильницы можно разделить на определенные группы.

Курильницы бывают бочковидной формы, в виде низких круглодонных чашечек с широким горизонтальным краем, цилиндрической формы, в форме глубокой чаши с расширяющимися кверху прямыми и выпуклыми стенками и в виде вазы на поддоне, с перегородкой в чаше. По типу дна – плоскодонные, круглодонные или с выпуклым дном и с сосцевидным выступом на дне. По размеру – крупные и миниатюрные. Крупными будут считаться курильницы, имеющие в высоту 5,5 см., в длину 7 см. и диаметр 6 см. К миниатюрным, соответственно, относятся курильницы меньшего размера. Каменные курильницы, как правило, не орнаментированы, а орнамент глиняных курильниц представляет собой четыре разновидности: ямочный, бордюрный орнамент с зигзагами по

---

⁴ Работа выполнена по госзаданию №№ 121041600045-8

стенкам, вертикальные ёлочки по горловине и бордюрный в виде насечек, образующих кресты.

При анализе соотношений морфологии у курильниц саргатской культуры была выявлена закономерность между формами и орнаментацией. Курильницы, имеющие форму низких круглодонных чашечек с широким горизонтальным краем, имеют бордюрный орнамент в виде насечек, образующих кресты или бордюрный орнамент с зигзагами по стенкам, как курильницы бочковидной формы, в большинстве своем, имеют ямочный орнамент.

Сделан вывод, что в тех погребениях, где встречены курильницы в составе сопроводительного инвентаря, ориентировка человека с курильницей имеет несколько вариаций северного направления. Позицией погребенного в могиле с инвентарем, включающим курильницу, является – лежа вытянуто на спине. В таких погребениях с курильницами чаще всего находят бусы, глиняные сосуды, пряслица и кости животного.

Наиболее часто курильницы в саргатской культуре находят в индивидуальных захоронениях, и только в редких случаях в парных захоронениях.

Курильницы саргатской культуры использовались для воскурения различных ароматических веществ божествам и предкам, то есть носили сакральный характер. Каждый сосуд изготавливался индивидуально для определенного погребального обряда, поэтому на большинстве курильниц следы употребления отсутствуют. Курильницы, имеющие форму глубокой чаши с расширяющимися сверху прямыми и выпуклыми стенками, называют «стопками» (Смирнов, 1973, с. 167). Их задача состоит в том, что внутрь насыпаются угли и ставится миниатюрная курильница, имеющая отверстие сбоку. Очень часто такие сосуды находятся вместе.

Многие миниатюрные курильницы саргатской культуры имеют отверстия в стенке. Существует несколько вариантов функционального использования этих отверстий. Первый вариант предполагает, что в отверстия вставлялись приспособления для извлечения одного сосуда из другого или из курильницы-стопки, чтобы переносить в горячем виде, распространяя аромат, без вреда для здоровья человека (Смирнов, 1973, с. 167). Существует мнение, что отверстие могло служить для помещения в него ручки-палочки (Краева, 2016, с. 52). Второй вариант подразумевает, что через отверстие попадал внутрь воздух, или распространялось благовоние при закрытии сосуда сверху (Смирнов, 1973, с. 167). Но распространение дыма через единственное столь узкое отверстие при закрытом сверху сосуде выглядит не совсем

логичным, по мнению другого автора (Краева, 2016а, с. 52). Обычно размер отверстия слишком мал и не позволяет притоку воздуха при закрытом сверху сосуде без дополнительного внешнего воздействия разгонять пламя. Третий вариант предполагает, что «курильницы», имеющие боковое отверстие использовались в качестве светильников, в которые наливалось жидкое горючее вещество типа жира (Краева, 2016б, с. 117).

Некоторые курильницы саргатской культуры имеют множественные круглые отверстия на дне курильниц для доступа воздуха или удобства воскурения.

Учитывая тот факт, что курильницы и мел встречаются не только в женских, но и в мужских погребениях, в последних намного реже, то можно говорить о том, что они могли иметь утилитарное значение. Например, курильницы могли использоваться для очищения воздуха, воскурения благовонных и наркотических снадобий (Матвеева, 1996, с. 82).

Население саргатской культуры имело множество культов. Они поклонялись своим предкам (Матвеева, 2019, с. 73), верили в божественную сущность огня и преклонялись перед ней, а также имели свои представления о том, что человека ожидает после смерти, что вытекало в сложный погребальный ритуал и поминальные трапезы.

О связи курильниц с культом огня можно судить по обнаружению в них или рядом с ними следов мела, красной краски или реальгара. В связи с тем, что население саргатской культуры считало огонь божеством (Матвеева, 1993, с. 52), то и во славу его воскурялись ароматические вещества. Также в курильницах могли хранить вещества, которые отождествляли огонь.

Стоит предположить, что курильницы имели своё место в погребальном культе. Так как многие курильницы были найдены не в могиле, а в перекрытии или вовсе в насыпи, то это дает археологам возможность размышлять о месте курильницы в поминальном ритуале.

Библиографический список

1. Краева Л.А. «Курильницы» с одним боковым отверстием // Религия и система мировоззрений древних и средневековых номадов. 2016а. С. 48–56.

2. Краева Л.А. Технология изготовления и способы использования некоторых типов сарматских курильниц // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: Материалы IX Международной науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016б. С. 117.

3. Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 172 с.

4. Матвеева Н.П. Следы отправления культов в погребальных памятниках саргатской культуры // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. 1996. С. 81–83.

5. Матвеева Н.П. Курганы — пирамиды раннего железного века Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47. Вып. 1. С. 73 – 82.

6. Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 166–179.

УДК 902/904

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ М.И. РОСТОВЦЕВА О МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ И СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НОМАДОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ СКИФО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

©Савинов Л.Н.
ИИГУ БашГУ, Уфа

Научный руководитель – Азнабаев Б.А.,
д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории РБ, археологии и этнологии

В данной статье на основе привлечения трудов М.И. Ростовцева рассматриваются основы материальной культуры и социальной организации кочевников Юга России скифо-сарматского времени.

Ключевые слова: М.И. Ростовцев, номады, скифы, сарматы, кочевники, евразийская степь.

История изучения кочевников евразийской степи скифо-сарматского времени насчитывает уже множество лет. Пролетан большой путь в исследовании данной темы, написано большое количество монографий и научных работ, этим вопросом занималось множество советских и российских учёных. Актуальность темы определяется тем, что кочевники степного пояса эпохи раннего железа впервые в истории создали модель общества, отличающегося специализированной экономикой, освоенностью большой территории и широкими взаимосвязями в пределах всей полосы распространения кочевого хозяйства. Все это создало основу для тесной связи степных и

лесостепных районов Северной Евразии, распространению единых идеологических и мировоззренческих установок, своеобразной моды в материальной культуре и повышенной мобильности самого населения.

Тема изучения кочевников евразийских степей является дискуссионной, так как слово «кочевники» и его международный синоним «номады» в этнографической литературе до сих пор не имеют однозначного употребления (Хазанов, 1975, с. 41).

В предлагаемой работе делается попытка рассмотреть труды М.И. Ростовцева связанные с кочевнической тематикой. Михаил Иванович сформировался как учёный и публицист в России, оказавшись в эмиграции, он принёс свои знания в зарубежную науку, что сделало его родоначальником западной скифологии. Влияние М.И. Ростовцева на развитие заграничной исторической науки было весьма значительным, он воспитал целую плеяду известных антиковедов, папиристов, археологов. С именем М.И. Ростовцева связано исследование Дура-Европос – древнепарфянского города в Сирии и публикация найденных там богатейших материалов (Скифский роман, 1997, с. 54).

Исследование кочевников южной части России являлось основной темой М.И. Ростовцева в период его научной деятельности на Родине. Самыми известными его трудами в области изучения кочевников евразийской степи скифо-сарматского времени явились «Скифия и Боспор», «Античная декоративная живопись на Юге России», «Эллинизм и иранство на юге России».

Юг России в понимании М.И. Ростовцева — это территория, раскинувшаяся от Причерноморья до предгорий Урала, впоследствии именно это определение «Юга России» станет использоваться отечественными исследователями.

Впервые свою концепцию развития кочевых народов Юга России М.И. Ростовцев изложил в виде большой монографии – «Эллинизм и Иранство на Юге России». Данная монография являлась простым описанием исторического процесса на территории Юга России. Впоследствии вся его научная деятельность будет посвящена более детальному и научному изложению положений этой концепции.

В данной монографии исследователь проводит своеобразную параллель в географической схожести регионов Месопотамии с евразийской степью. Схожесть двух регионов М.И. Ростовцев объясняет обилием полноводных рек с большим количеством притоков и хорошими климатическими условиями: «Этим область южнорусских степей поставлена была в ближайшую связь с рядом важнейших центров культурного развития древнего мира. Она была, прежде всего,

естественным продолжением могучего иранского культурного мира, определяющего собой культурную физиономию прикаспийской и приаральской Азии и тесно связанного с культурным миром Месопотамии» (Ростовцев, 2002, с. 11).

Евразийская степь, которая являлась уникальной территорией смешения культур и народов являлась центральным объектом изучения в работах М.И. Ростовцева. Ученый полагал, что только в таких широких географических рамках можно проследить эволюцию развития юга России (Ростовцев, 2002, с. 15).

Михаил Иванович Ростовцев, исследуя данную территорию, рассматривает историю народов, населявших юг России с эпохи неолита. В своих работах исследователь опирался больше на археологический материал, делая выводы о социальных изменениях в данном регионе, исследователь опирался на археологические материалы, найденные в погребениях. Начиная с эпохи медного века, на этой территории (имеется в виду Юг России) ощущается сильнейшее влияние восточной переднеазиатской и средиземноморской цивилизаций, что приводит к постепенному переходу жителей Приднепровья и Прикубанья от кочевого к оседлому образу жизни и возникновению первых укрепленных поселений на берегах Днепра, Дона и Кубани (Агеева, 2007, с. 30).

Опираясь на археологические материалы, ученый пытается воссоздать погребальный обряд и материальную культуру скифов. При исследовании погребений Куль-Обы, а также сходных с ним курганов, были найдены предметы прикладного искусства, украшения. Что говорит о высоком уровне материальной культуры скифов.

Реконструкция погребального обряда кургана Куль-Оба показана исследователем в книге «Боспорское царство и южно-русские курганы».

Над алтарём у могилы приносят в жертву жертвенных животных, вероятно, уже после окончания церемонии, перед тризной, для которой варят мясо в огромных медных казанах, которые тут же и бросаются. Остатки тризны сжигаются, и вместе с ними бросаются в огонь и разбиваются сосуды, драгоценные вещи, монеты, остатки ложа, на котором был поставлен покойник и на котором его, может быть, везли к месту последнего упокоения. До похорон, вероятно, убивали лошадей и собаку, а в некоторых исключительных случаях, может быть, и жену, и раба покойного (Куль-Оба) (Ростовцев, 1912, с. 20).

При изучении южнорусских курганов скифов исследователь разделил погребения на три категории. Отличительные черты первой категории заключаются в том, что погребальный обряд был достаточно

простым, а в погребальном инвентаре присутствовали преимущественно классические греческие вещи. Вторая выделялась более сложным обрядом и наличием негреческих вещей. Третья же группа обособлена более сложным погребальным обрядом, в погребальном инвентаре присутствует подавляющее количество скифских вещей. Данное наблюдение показывает, что чем ближе население было к периферии греческих городов, тем сильнее было греческое влияние на скифскую культуру.

М.И. Ростовцев, в сущности, впервые в России поставил вопрос о взаимодействии греческой и варварской (скифской) культур античного времени в Северном Причерноморье. Наиболее значительные погребальные комплексы варварских курганов Боспора - Прикубанья были отнесены к группе памятников, для которых характерно сочетание греческих и полугреческих архаических черт, «героического» облика, а также элементов собственно скифского погребального обряда. Их появление свидетельствовало об особой роли древних ионийских традиций на Боспоре, о культурном воздействии варварского окружения и о проникновении в ряды боспорской аристократии представителей местной варварской верхушки (Колтухов, Юрочкин, 2004, с. 30).

Ученым впервые памятники скифской и сарматской культуры сгруппированы как одно целое, что позволило ему выявить эволюцию материальной культуры кочевников Евразийской степи.

Оказавшись в эмиграции, Михаил Иванович был сторонником модернизации исторического процесса, это и отличало его взгляды от отечественных учёных, которые были последователями более материалистического подхода в изучении кочевников Евразийской степи. Исследователь смело переносил понятия и определения более поздних эпох для характеристики социальной организации скифов и сарматов Евразийских степей.

Очевидно, что поставленные М.И. Ростовцевым в 1920-х гг. задачи актуальны и сегодня, также как совершенно очевидна и плодотворность подхода рассматривать основы материальной культуры и социальной организации кочевников Юга России скифо-сарматского времени в рамках подходов разработанных Михаилом Ивановичем на заре отечественной скифологии (Трейстер, 2020, с. 171).

Библиографический список

1. Агеева Н.Н. Концепция исторического развития Юга России в античный период в трудах М.И. Ростовцева // Вестник Чувашского университета. 2007. №3. С. 9–15.

2. Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. От Скифии к Готии: очерки истории изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в. до н.э.-VII н.э.). Симферополь: Сонат, 2004. 247 с.

3. Ростовцев М.И. Боспорское царство и Южно-Русские курганы. СПб: тип. В.Д. Смирнова, 1912. 21 с.

4. Ростовцев М.И. Эллинизация и иранство на юге России. М.: Книжная находка, 2002. 160 с.

5. Скифский роман: Scythial novel: [Сборник: О жизни и творчестве М. И. Ростовцева] / Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М.: Росспэн, 1997. 623 с.

6. Трейстер М.Ю. Задачи изучения торевтики Скифии и Боспора, поставленные М.И. Ростовцевым, и современное состояние проблемы (на примере изучения бронзовых сосудов позднеархаического и классического времени) // Боспорский феномен. Боспорское царство М. И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Часть 1. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2020. С. 168–173.

7. Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 206 с.

УДК 902/904

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ПО НОВЫМ ПОГРЕБЕНИЯМ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ

©*Бельх А.В.*

Курганский государственный университет, Курган

*Научный руководитель – Новиков И.К.,
ст. преподаватель*

В статье публикуются предварительные данные по материалам раскопок энеолитического памятника Слободчики – 1, на территории которого были обнаружены могильный комплекс эпохи великого переселения народов (II – IV вв. н.э.).

Ключевые слова: наконечники стрел, лук «гуннского» типа.

В 2021 г. археологическая экспедиция КГУ проводила раскопки памятника эпохи энеолита Слободчики-1, находящегося в Белозерском районе Курганской области. Объект расположен на западной оконечности пойменной террасы р. Тобол. Впервые он был исследован в 1994 г. и интерпретирован как святилище эпохи энеолита. Памятник

находится в 0,75 км к западу от аналогичного объекта Савин-1 и, по мнению автора раскопок М.П. Вохменцева, мог представлять с ним единый комплекс (Вохменцев, 1995, с. 260).

В 2021 г. на территории Слободчики-1 были выявлены четыре новых погребения. Исследуемые захоронения расположены на небольшом расстоянии друг от друга. Погребение 1, раскопанное в 1995 г., локализуется в тех же квадратах.

Погребение №1 – безинвентарное, принадлежит женщине 50-60 лет (Вохменцев, 1997, с. 10). Кости были переотложены и сгруппированы в скопление, ориентировку установить затруднительно, погребение фиксировалось на материке.

Погребение №2 представляло собой детское захоронение, ориентировка по линии СЮ, лицевая часть направлена на юг. У головы находился развал круглодонного сосуда. Высота – 7 см, ширина – 7 см, диаметр венчика 4 см. Шейка отогнута наружу; короткое, сужающееся на середине горло. Сосуд орнаментирован под шейкой прочерченными горизонтальными линиями и треугольниками вершинами вниз.

Погребение №3 – детское захоронение, которое находилось на границе заполнения погребения №4; возможно, погребение впускное. Рядом с черепом, был обнаружен развал круглодонного сосуда. Высота сосуда 6,5 см, ширина – 7 см, диаметр венчика – 5 см. Шейка короткая, едва намечена, отогнута наружу. Имеет одну прочерченную линию вокруг шейки сосуда.

Погребение №4 подверглось ограблению, из-за чего установить границы захоронения не удалось. Глубина 0,9 м от материка; человеческие останки были перемещены в одну кучу к южной стенке погребения. Признаки указывают принадлежность индивида к мужскому полу, на черепе которого фиксируются многочисленные борозды и сколы, оставленные от ударов острым предметом, что могло послужить причиной гибели индивида. В ЮВ углу погребения были обнаружены две костяные проколки (?) и три железных наконечника. Длина проколки (?) равна 17,5 см, ширина 1,5 см, сделаны из метаподий лошади (определение П.А. Косинцева).

Наконечники трехлопастные черешковые, сильнокоррозированные. Длина пера 2,5 см, ширина – 2 см, длина черешка – 4,5 см. Данные наконечники относятся к ассиметрично - ромбическим (тип 7б), аналоги встречаются в могильнике Степушка-1, кург. №5; Степушка-2, объект №3. Данные наконечники широко встречаются у кочевников Азии, впервые их используют хунну Монголии и Забайкалья в конце III в. до н.э. – I в. н.э., на Алтае их используют со II в. н.э. Авторы датируют наконечники III–V вв. н.э. (Тишкин, 2008, с. 49, 54).

Погребение №5 представляло собой захоронение прямоугольной формы, размеры – 2х0,75 м, ориентировано по линии ЗВ. Останки человека находились *in situ* – тело вытянуто на спине руками вдоль туловища, лицевая часть направлена на север. Признаки указывают на принадлежность останков женщине.

Погребальный инвентарь представлен костяными накладками сложносоставного лука, трехлопастными наконечниками стрел, железными изделиями (предположительно, фрагментами колчанного крюка и ножа), костяным и каменным орудиями.

Накладки располагались в погребении по левую сторону относительно погребенного, реконструируемая длина – 0,8-0,9 м. Лук представлен концевыми и составными боковыми накладками. Длина концевых накладок 12,5-15 см, ширина – 1,5-2 см.; длина составных боковых составляет 9-12 см, ширина – 1 см. Аналоги встречаются в памятниках Забайкалья (Черемухова падь, м. 61; Ильмовая падь, м.51; Иволгинское городище) и Монголии (Табш-уул, м. 1, Сул-толгой, м. 1) (Худяков, 1986, с. 26), датированные I-IV вв. н.э.

Наконечники стрел спаяны в одну коррозированную массу. Всего обнаружено три наконечника, длина перьев 3-3,5 см, ширина 1,5 см, черешки короткие. Наконечники относятся к типам 2 и 5 по Н.П. Матвеевой. Датировка данных наконечников достаточно широкая: IV в. до н. в. - III в. н. э., имеют аналоги у сарматской и саргатской культур (Матвеева, 1993, с. 104-105, табл. 28).

Одним из маркирующих предметов гуннской эпохи являются крупные трехлопастные ромбовидные железные черешковые наконечники стрел, но в памятниках II-IV вв. этот тип наконечников менее представлен. Наряду с ними встречаются крупные железные трехлопастные наконечники с длинным пером, опущенным вниз окончанием, коротким черешком (Боталов, 2000, с. 223).

Нож с прямой спинкой, без навершия и перекрестия. Длина – 8 см, ширина 1 см. Аналоги встречаются в памятниках урало-казахских степей (Боталов, 2000, рис. 32, 60; 42, 1; 52, 201).

Железный колчаный крюк, длина 8 см, ширина 2 см, без поперечной планки на язычке, окончание простое. Данный тип крюков известен у хунну Забайкалья и Монголии и у «саргатцев» Западной Сибири (Тишкин, 2008, с. 65, 69). Представлены в погребениях памятников Красногорский Борок, Тютринский могильник, могильник Увал 1. Характерны для сарматского периода (Матвеева, 1993, с. 107).

Исходя из выше сказанного, данный комплекс можно датировать концом II – концом IV вв. н.э.

Со II в. н.э. хунны начинают осваивать урало-аральскую пастбищно-кочевую зону, которая являлась традиционной территорией циклических сезонных миграций многих кочевых сообществ урало-казахских степей, а к III-IV вв. н.э. урало-ишимье становится зоной стабильного обитая гунно-сарматского населения (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 179-180).

Библиографический список

1. Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей», 2008. 672 с.
2. Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2000. 266 с.
3. Вохменцев, М.П. Энеолитический памятник с круговой планировкой // Археологические открытия 1994. М.: Наука, 1995. С. 260.
4. Вохменцев М.П. Историко – культурные параллели зауральским памятникам с круговой планировкой // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1 Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. С. 9–14.
5. Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.
6. Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка): монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.
7. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 266 с.

УДК 902.01

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ В МАЗУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

©Белявская О.С.
ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа

Научный руководитель – Овсянников В.В.,
к.и.н., зав. отделом археологических исследований

Статья посвящена проблеме выделения локальных вариантов в мазунинской культуре. На основе анализа предметов костюмного комплекса методами сравнительной типологии и картографирования находок автор приходит к выводу, что мазунинскую культуру следует рассматривать как единое этнокультурное пространство. Центр исследуемой культуры с ее

многообразием форм и типов украшений костюма приходится на Удмуртское Прикамье. В свою очередь, мазунинские памятники на территории Камско-Уфимско-Бельского междуречья выступали уже как юго-восточная, «периферийная» часть данного культурного массива.

Ключевые слова: Среднее Прикамье, мазунинская культура, локальные варианты, предметы костюмного комплекса.

В III в. н.э. на территории Среднего Прикамья в силу эволюционного развития местных племен, – по мнению одних ученых, – либо под влиянием инокультурных компонентов – по мнению других, – начинает складываться новая археологическая культура. К данной культуре часть исследователей применяет название «мазунинская», а другая часть – «бахмутинская» (историографию и литературу см.: Мажитов, 1968, с. 3-8, 26-28; Генинг, 1972, с. 224-226, 235-242; Останина, 1997, с. 7-17; Султанова, 2000, с. 4-12; и др.).

Среди пестрого разнообразия концепций наиболее обоснованной нам представляется точка зрения Т.И. Останиной, согласно которой памятники Среднего Прикамья III–V вв. (в т.ч. и на территории Республики Башкортостан) должны быть отнесены к самостоятельной мазунинской культуре, сформировавшейся на пьяноборской и кара-абызской основах (Останина, 1997, с. 16-17, с. 174). Вместе с тем, анализ погребального инвентаря позволил нам выдвинуть ряд предположений относительно возможности выделения внутри мазунинской культуры локальных вариантов.

Так, мазунинская культура, как отмечает Т.И. Останина, в целом, обладает набором вещей, отражающих ее «этническую специфику». К таким вещам относятся височные подвески в виде «знака вопроса», фибулы типа (*Останина-1*), типа (*Останина-2*), каплеобразные подвески, поясные накладки типа (*Останина-1*), типа (*Останина-2*), типа (*Останина-3*), типа (*Останина-6*), типа (*Останина-7*), типа (*Останина-8*), железные гривны с пластинчатой навивкой из цветного металла, украшения из раковин моллюсков, ножны для ножей и шильев, готовые украшения с железной основой кольчужного плетения (накосники), пронизки кольцеобразные и спиралевитые, подвески-цепочки (Она же, 1997, с. 170-171; с. 325, рис. 78).

Наряду с этим, исследователь выделяет «два локальных района мазунинской культуры» – удмуртский и башкирский, – для каждого из которых характерны определенные предметы костюмного комплекса, способы орнаментации керамического материала и некоторые характеристики остатков поселенческих сооружений (Она же, 1997, с. 171-173).

Если рассматривать конкретные типы украшений, то, по мнению Т.И. Останиной, только (*подчеркнуто мной – О.Б.*) в удмуртской группе памятников, расположенной на территории современных Удмуртии, части Пермского края и Татарстана, встречаются «... поясные накладки типов 4 (рис. 1-Б, 3, 4), 5 (рис. 1-Б, 5); петельные застежки (рис. 1-Б, 6); бляхи-раковины для украшения поясов (рис. 1-Б, 8); пронизки типов 5-6 (рис. 1-Б, 1, 2, 13); наконечники поясов типа 4 (рис. 1-Б, 15)».

Кроме того, именно в комплексах данной группы, как отмечает исследователь, имеют наибольшее распространение «... умбоновидные бляшки (рис. 1-Б, 7); ожерелья из бус и пронизок (рис. 1-Б, 14); бабочковидные фибулы (рис. 1-Б, 9); наконечники поясов типа 2 (рис. 1-Б, 12); поясные накладки вариантов 1 и 2 (рис. 1-Б, 10, 11)» (Она же, 1997, с. 171; с. 241-246, прил. 3; с. 325, рис. 79).

Для башкирской группы памятников, сосредоточенной, согласно концепции Т.И. Останиной, на территории современной Республики Башкортостан, в междуречье рр. Камы, Белой и Уфы, характерны фибулы типа (*Останина-3*) (т.н. «бантикообразные») (рис. 1-Б, 16), полые зооморфные (рис. 1-Б, 23, 24) и колоколовидные (рис. 1-Б, 20, 21) подвески-пронизы, подвески из раковин (рис. 1-Б, 25) и накладки-тройчатки (рис. 1-Б, 26).

Наибольшего же распространения здесь получили височные кольца (рис. 1-Б, 17), выпукло-вогнутые пронизки-обоймы (рис. 1-Б, 18, 19) и наконечники из согнутой пополам пластины с цилиндрическим расширением на месте сгиба (рис. 1-Б, 22, 27) (Она же, 1997, с. 171-172; с. 241-246, прил. 3; с. 325, рис. 79).

Ранее разделять мазунинскую культуру на два варианта, было предложено В.Ф. Генингом (Генинг, 1972, с. 240). В частности, к «специфическому комплексу удмуртской группы памятников» исследователем отнесены бабочковидные фибулы (рис. 1-А, 1), бляхи из раковины (рис. 1-А, 5), некоторые типы накладок с фасетировкой (рис. 1-А, 2, 3) и застежки в виде крючков-петель (рис. 1-А, 4). Для башкирской группы мазунинских памятников, по мнению В.Ф. Генинга, характерно наличие бантикообразных фибул (рис. 1-А, 11), подвесок-пронизей в виде фигурок медведей (рис. 1-А, 12) и подвесок из раковин (рис. 1-А, 13). «Общемазунинскими» являются височные подвески «в виде кольца со стержнем и бусиной» (рис. 1-А, 6, 7), а также «сосуды чашевидной формы с округлым дном, изредка пояском круглых ямок по шейке», с примесью в глине песка и изредка – мелкоотленной раковины (рис. 1-А, 8-10) (Он же, 1972, с. 239, рис. 4).

Пополнение источниковой базы в последние десятилетия позволяет рассмотреть данный вопрос с новых позиций. Как справедливо отмечено А.Н. Султановой, «различия (между удмуртским и башкирским вариантами мазунинской культуры – прим. О.Б.) не имеют под собой какой-либо основы, т.к. все объявленные признаки стали обнаруживаться в памятниках обеих групп» (Султанова, 2000, с. 123).

Рассмотрим данный тезис на примере принадлежностей костюмного комплекса. В свою очередь, анализ керамики и остатков поселенческих сооружений должен быть представлен в рамках отдельного исследования.

Так, накладки типа (*Останина-4*) (Останина, 1997, с. 59), по нашим данным, выявлены, в Ангасякском (раскопки 1963 г.) и Бирском (п. 333, п. 340, п. 381, п. 549, п. 562) могильниках (рис. 1-В, 7-9); общее же их количество составляет не менее 61 экз. (Мажитов, 1964; Он же, 1982; Он же, 1985; Он же, 1991; Он же, 1992).

В п. 313 Бирского могильника зафиксированы ременные бляхи (рис. 1-В, 17-а, 17-б) из раковин моллюсков (Мажитов, 1982; Русланова, 2018, с. 350, рис. 12), отнесенных исследователями к виду *Turbo Marmaratus* (Останина, 1997, с. 62-63) либо к виду *Turbinella pyrum* (Голдина, 2018, с. 97; с. 102, рис. 4). Примечательно, что в т.н. «жертвенном комплексе» п. 80 Ангасякского могильника обнаружена поясная бляха-раковина неправильной формы с круглым отверстием в центре (рис. 1-В, 16-а), в которое была вставлена бронзовая полусферическая бляшка с ушком на обороте (рис. 1-В, 16-б). Предположительно, основой данного изделия стала раковина вида *Unionidae* (Тагиров, 2007, с. 97).

В п. 596 Бирского могильника (Мажитов, 1992), кроме того, зафиксированы 2 экз. двухсоставных ременных наконечников (рис. 1-В, 6) типа (*Останина-4*) (Останина, 1997, с. 61). Имели распространение в указанном некрополе (п. 55, п. 467; не менее 26 экз.) (Мажитов, 1968, с. 92; Он же, 1991) и фасетированные прямоугольные накладки с привеской-колечком (рис. 1-В, 10) типа (*Останина-2*) (Останина, 1997, с. 58).

Наконец, бабочковидные фибулы (рис. 1-В, 5, 15), изначально обнаруженные только на территории Удмуртского Прикамья (Мажитов, 1968, с. 26-27; Генинг, 1972, с. 239, рис. 4), впоследствии были зафиксированы и в некрополях Камско-Уфимско-Бельского междуречья (Васюткин, Останина, 1986, с. 110, табл. 7, 21; Султанова, 2000, рис. 11; Сунгатов и др., 2004, рис. 62, 8; Тагиров, 2007, с. 99, рис. 7, 8; Сабирова, 2019, с. 148-149, рис. 66-67; и др.).

В качестве косвенных аргументов можно отметить и достаточно представительную коллекцию (не менее 45 экз.) поясных накладок (рис. 1-В, 11, 12) типа (*Останина-5*) (Останина, 1997, с. 58). Данные

изделия выявлены в поздних комплексах Шиповского могильника кара-абызской культуры, вещевой инвентарь которых синхронен мазунинским погребениям (Овсянников и др., 2007, с. 73).

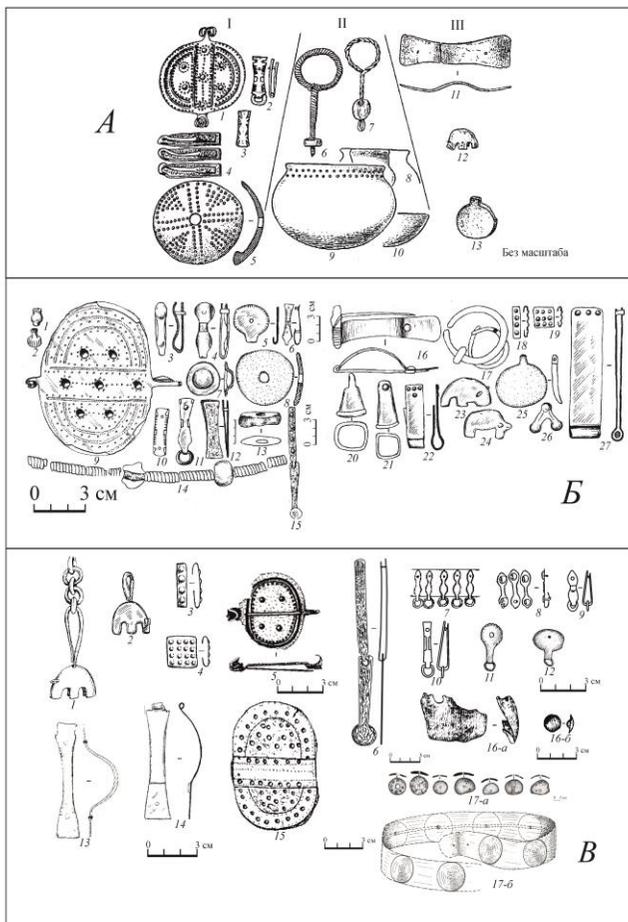
В свою очередь, на территории Удмуртии обнаружены, хоть и в небольших количествах, подвески-пронизи в виде фигурок медведей (рис. 1-В, 1, 2) (Нивский могильник; Тарасовский могильник, п. 168, п. 169, п. 846, п. 1783; и др.) (Останина, 1997, с. 51; Голдина, 2003, с. 68-69, табл. 66-67; с. 666, табл. 664, 1, 2; Голдина, Бернц, 2016, с. 40; Они же, 2017, с. 62, рис. 9, 64; и др.).

Достаточно распространенными в Тарасовском могильнике были и выпукло-вогнутые пронизи-обоймы (рис. 1-В, 3, 4) (Голдина, 2003, с. 38, табл. 36, 5; с. 43, табл. 41, 16; Голдина, Бернц, 2017, с. 62, рис. 9, 68, 71; и др.).

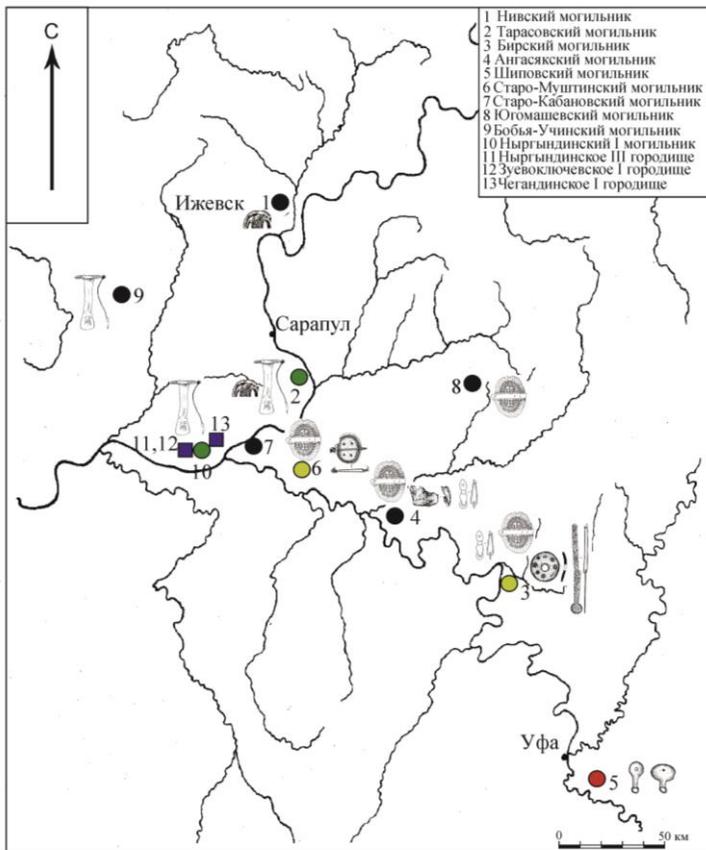
Кроме того, исследователями упоминается о находках бантикообразных фибул (рис. 1-В, 13, 14) в Бобья-Учинском, Тарасовском, Ныргындинском I могильниках и на площадках Чегандинского I, Зуевключевского I и Ныргындинского III городищ (Сабирова, 2019, с. 22-23; Голдина, Бернц, 2017, с. 61). Вполне возможно, что в дальнейшем, с открытием новых мазунинских памятников, список соответствий находок может расширяться (рис. 2).

Таким образом, методами сравнительной типологии и картографирования находок удалось установить, что некоторые типы украшений (ременная гарнитура, фибулы, подвески, пронизи), рассматриваемые в научной литературе как характерные *«только»* для удмуртской или *«только»* для башкирской группы памятников мазунинской культуры, в целом, имели распространение на всей территории расселения «мазунинцев».

По нашему мнению, мазунинскую культуру следует рассматривать как единое этнокультурное пространство, отдельные особенности внутри которого носят частный характер, не позволяющий на основе предметов костюмного комплекса (*подчеркнуто мной – О.Б.*) выделять какие-либо локальные варианты. Центр исследуемой культуры с ее многообразием форм и типов украшений костюма приходится на Удмуртское Прикамье, в то время как мазунинские памятники на территории Камско-Уфимско-Бельского междуречья выступали уже в качестве юго-восточной, «периферийной» части данного культурного массива.

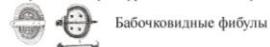

Рис 1. Предметы костюмного комплекса, характерные для мазунинской культуры. А – Специфический комплекс вещей мазунинской культуры III–V вв. по В.Ф. Генингу: I – удмуртский вариант; II – общемазунинские вещи; III – башкирский вариант (Генинг, 1972, с. 239, рис. 4); Б – Специфические вещи удмуртского и башкирского вариантов мазунинской культуры по Т.И. Останиной: 1-15 – вещи удмуртского варианта; 16-27 – вещи башкирского варианта; В – 1, 3, 4 – по (Голдина, Бернц, 2017, с. 62, рис. 9, 64, 71); 2 – по (Они же, 2016, с. 39, рис. 7, 57); 5, 15, 17-а, 17-б – по (Русланова, 2018, с. 348, рис. 10, 35, 36; с. 350, рис. 12); 6, 9 – рисунки автора; 7, 8, 10 – по (Султанова, 2000, рис. 15, 10, 16); 11, 12 – по (Овсянников и др., 2007, с. 147, рис. 60, 13; с. 155, рис. 68, 17); 13, 14 – по (Сабирова, 2019, с. 206, прил. III); 16-а, 16-б – по (Тагиров, 2007, с. 99, рис. 7, 3, 5)

- Могильники мазунинской культуры
- Пьяноборско-мазунинские могильники
- Городища
- Могильники кара-абьзской культуры
- Могильники мазунинской культуры с погребениями других культур

Вещи, характерные для удмуртского варианта мазунинской культуры по В.Ф. Генкигу:

Вещи, характерные для башкирского варианта мазунинской культуры по Т.И. Останиной:

Вещи, характерные для удмуртского варианта мазунинской культуры по Т.И. Останиной:

Двухсоставные наконечники

Рис 2. Карта-схема распространения предметов костюмного комплекса, характерных для мазунинской культуры.

Основа карты – по (Останина, 1997, с. 249, рис. 3)

Библиографический список

1. Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник-памятник мазунинской культуры в северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии: сб. статей / Сост. и науч. ред. Т.И. Останина. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 63–130.

2. Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э.: (проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров: сб. статей сов. и венг. археологов / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1972. С. 221–295.

3. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции). Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

4. Голдина Р.Д. О находках предметов из раковин турбинелла пирум на памятниках III–IV вв. Среднего Прикамья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 97–107.

5. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 17–58.

6. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 47–72.

7. Мажитов Н.А. Научный отчет об археологических исследованиях в северо-восточных районах БАССР за 1963 г. Уфа, 1964 / Архив МК ИИГУ БашГУ. Ф. 2. Д. 3.

8. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии I тыс. н.э. М.: Наука, 1968. 162 с.

9. Мажитов Н.А. Отчет о раскопках Бирского могильника в БАССР в 1981 г. Альбом иллюстраций. Уфа, 1982 / НА ИА РАН. Д. 8674, 8674а.

10. Мажитов Н.А. Отчет об археологических исследованиях 1984 г. в северной Башкирии. Уфа, 1985 / Архив МК ИИГУ БашГУ. Ф. 2. Д. 2.

11. Мажитов Н.А. Отчет о раскопках на Бирском могильнике Башкирской ССР в 1990 г. Уфа, 1991 / НА ИА РАН. Р-1. № 14862.

12. Мажитов Н.А. Отчет об итогах археологических раскопок на Бирском могильнике в 1991 г. Уфа, 1992 / НА ИА РАН. Р-1. № 16133.

13. Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

14. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.

15. Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII вв. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. 376 с.

16. Сабирова Т.М. Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э.: Монография / УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: Шелест, 2019. 238 с.

17. Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическое исследование: Дисс...канд. ист. наук. 07.00.06. Уфа, 2000. 202 с.

18. Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: Уфим. полигр. комб., 2004. 95 с.

19. Тагиров Ф.М. Новые исследования Ангасьякского грунтового могильника // Уфимский археологический вестник. 2007. Вып. 6-7. С. 89–111.

УДК 902.2

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ С СОРВИХИНСКОГО ГОРОДИЩА

©Бабин И.М., Ситдииков А.Р.
ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа», Уфа

В статье рассматриваются новые материалы, полученные в ходе определения границ ОАН «Сорвихинское городище». Приводится краткая история изучения и описание памятника, а также характеристика полученного археологического материала.

Ключевые слова: объект археологического наследия, эпоха раннего средневековья, мазунинская культура, ранний этап бахмутинской археологической культуры, Бирский район, Республика Башкортостан.

С 2019 г. музей-заповедник «Древняя Уфа» проводит работы по определению границ памятников археологии, расположенных в черте г. Уфы. Необходимость в установлении чётких границ памятников обусловлена угрозой разрушения памятников археологии в связи с возросшей антропогенной нагрузкой на территории, где расположено большое количество памятников археологии. Определение границ является, самым надёжным механизмом защиты памятников от разрушения.

В мае 2021 г. отрядом археологической экспедиции ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа» под руководством И.М. Бабина в рамках выполнения плана научно-исследовательской деятельности – были проведены археологические рекогносцировочные работы на объекте культурного

наследия федерального значения «Сорвихинское городище», с целью установления границы памятника.

Городище расположено в 4 км к юго-востоку от дер. Сорвиха (Бирского района РБ), и в 4,8 км к юго-западу от д. Богородское, на высоком (40 м) мысу-отроге холмистой гряды. В 2,5 км к западу от Сорвихинского городища проходит шоссе Уфа-Бирск-Янаул, а к югу в 3,0 км находится с. Удельный Дуваней (Благовещенского района РБ).

Впервые памятник под именем Калининковского городища упоминается в работе А.К. Кочуева (Кочуев, 1853). В 1958 г. памятник осмотрен А.П. Шокуровым. В его отчёте городище фигурирует под тем же именем (Каюмов, 2011, с. 21). В 1959 г. памятник осмотрен Н.А. Мажитовым и получил название Сарвихинское городище (АКБ, №962, с. 118; Колонских, 2018, с. 41). В дальнейшем под данным именем памятник фигурирует в научной литературе. Н.А. Мажитовым памятник отнесён к пьяноборской и бахмутинской культурам. В 1988 г. памятник осмотрен Б.Б. Агеевым. В 1990 г. Т.И. Останиной были проведены раскопки городища. Раскоп был заложен на склоне юго-западного края площадки в 90 м к северу от конца юго-западного вала. В ходе исследования была вскрыта площадь 594 кв.м, где найдено 3 хозяйственных, 10 столбовых ям, 3 очага, 2 скопления камней и часть укрепления края городища. Также было зафиксировано значительное количество фрагментов керамики (Останина, 1990, с. 1-12). Указом Президиума Верховного Совета Республики Башкортостан 12 мая 1992 г. памятник поставлен на государственную охрану (УПВСРБ, 1992). В 2005 г. памятник осматривался И.М. Акбулатовым (Акбулатов, 2005, с. 39-40). В 2011 г. памятник осмотрен И.Х. Каюмовым и В.В. Овсянниковым, в ходе инвентаризации памятников археологии Бирского района РБ, стоящих на госохране.

Касательно культурной принадлежности памятника – у исследователей не сложилось единого мнения. Связано это из-за сложившейся острой дискуссии в научном сообществе по проблеме идентификации памятников III – V вв. Прикамья и Предуралья. Исследуемый памятник в вышеназванной дискуссии фигурирует в рамках вопроса о соотношении памятников мазунинской и бахмутинской археологических культур (Останина, 1997, с. 201-206). Н.А. Мажитов и А.Г. Колонских относят памятник к бахмутинской культуре (Мажитов, 1968, с. 3, 62; Колонских, 2017, с. 62-65); Т.И. Останина определила памятник как самый южный из мазунинских городищ (Останина, 1997, с. 15). Иной вариант культурной идентификации приводит Р.Д. Голдина, которая склоняется к кара-абызской культурной

принадлежности городища, аргументируя тем, что городище расположено на территории распространения данной археологической культуры (Голдина, 2020, с. 306).

Памятник находится на мысу-отроге холмистой гряды на правом берегу р. Белая, поверхность мыса, на котором расположена площадка городища хорошо задернована, но ранее распахивалась. Памятник имеет внушительные оборонительные сооружения в виде земляных валов. С напольной стороны мыса расположена оборонительная линия, которая состоит из вала длиной порядка 130 м, высотой 5 м, шириной около 10 м. В самом центре линия вала нарушена траншеей шириной около 5 м, через которую пролегает грунтовая дорога.

Дополнительные укрепления фиксируются так же на двух небольших ответвлениях от основного мыса. Эти валы высотой около 3 м, шириной около 15 м длиной около 40 м отделяют от основной площадки небольшой мыс.

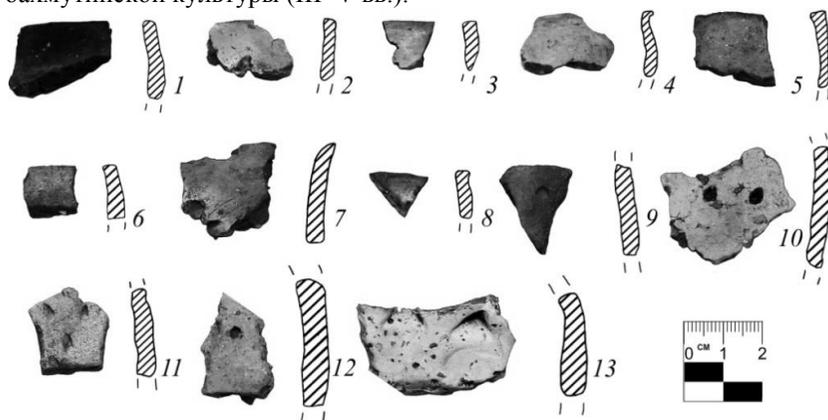
В ходе обследования было заложено одиннадцать шурфов. Предыдущими исследователями было установлено, что в основном культурный слой сконцентрирован в южной части памятника. В связи с этим, рекогносцировочные шурфы 2021 г. закладывались в центральной и северных частях городища, для оценки наличия и мощности культурного слоя.

В результате исследований, было получено 52 фрагмента лепных сосудов. Выполнены они все в единой технике ленточного налета. В состав глиняного теста входит песок и мелкая галька, достигающая иногда размеров 5-7 мм. Наличие мелкой гальки в тесте является характерной чертой для мазунинской керамики правобережья р. Белой (Останина, 1997, с. 100). Обжиг костровой, неровный. Поверхность имеет разные цвета: серый, темно-серый, черный, светло-коричневый. Толщина стенок колеблется в пределах 5-4 мм. Большинство фрагментов сосудов без орнамента, лишь несколько фрагментов орнаментировано наколами, выполненные концом палочки круглой и треугольной формы. Орнамент в виде мелких круглых ямок (рис. 1: 10, 12) характерен для керамики бахмутинской культуры (Мажитов, 1968, с. 47). Орнаментация с треугольными вдавлениями и наколами (рис. 1: 3, 13), по мнению Т.И. Останиной, характерны для башкирского варианта мазунинской культуры (Останина, 1990, с. 12)

Подобного типа керамика характерна для раннего этапа бахмутинской (мазунинской) археологической культуры.

Датировку городища на имеющемся в коллекции археологических работ 2021 г. материале можно лишь определить в

диапазоне существования всей мазунинской или раннего этапа бахмутинской культуры (III–V вв.).

Рис. 1. Фрагменты ленных сосудов: 1-8 венчики; 9-13 орнаментированные фрагменты стенок

Библиографический список

1. Акбулатов И.М. Научный отчет об археологических исследованиях в Бирском районе РБ в 2005 г. Бирск, 2005 // НА лаборатории археологического источниковедения историографии БГПУ им. М. Акмуллы.
2. Археологическая карта Башкирии / отв. ред. Бадер О.Н.: М.: Наука, 1976. 263 с.
3. Бульгоч Н.И. Древности из Восточной России. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1902. Вып. I. 30 с.
4. Вахрушев Г.В. Памятники природы, старины и искусства Башкирии // Башкирский краеведческий сборник. 1926. № 1. С. 40–51.
5. Голдина Р.Д. Расселение финно-пермян на Средней Каме в VIII в. до н.э. – II в. н.э. / Ежегодник финно-угорских исследований. УДГУ, 2020. С. 304–323.
6. Игнатъев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Памятная книга Уфимской губернии за 1883 г. Уфа, 1884.
7. Каюмов И.Х. Научный отчет о результатах инвентаризации памятников археологии в Бирском районе Республики Башкортостан в 2011 г. // Архив Лаборатории археологического источниковедения историографии БГПУ им. М. Акмуллы.
8. Колонских А.Г. Укрепленные поселения Уфимско-Бельского междуречья // Вестник Вятского государственного университета, 2017. № 12. С. 62–67.

9. Колонских А.Г. Поселения бахмутинской культуры по данным полевых дневников Н.А. Мажитова // История и педагогика естествознания. 2018. №4. С. 40–45.

10. Кочуев А.К. Древности Оренбургской губернии // Временник Общества истории и древностей Российских. Кн. 16. М., 1853.

11. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура: этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 166 с.

12. Останина Т.И. Отчет об археологических раскопках Сорвихинского городища (д. Сорвиха, Бирский р-н, БАССР), проведенных в июле 1990 г. / Отчет научной экспедиции НМ РБ, Т.3, Опись №1, №372, 1990. 37 с.

13. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1997. 327 с.

14. УПВСР: Указ Президиума Верховного Совета Республики Башкортостан от 12 мая 1992 г. №6-2/251в «О сохранении историко-культурного наследия народов Республики Башкортостан».

УДК 902/904

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ В АРХЕОЛОГИИ

© *Заикина Н.А.*

учитель истории и обществознания МБОУ «Школа №27 с УИОП»,
ИИПСГО БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа

Научный руководитель – Иванов В.А.,
д.и.н., профессор кафедры Отечественной истории

В статье анализируются подходы к реконструкции социальной организации древних обществ. Затрагивается вопрос о методике реконструкций по археологическим материалам. Показано, что исследование требует комплексного применения методического инструментария разных наук.

Ключевые слова: археология, социальная организация древних обществ, методика реконструкции.

Одной из актуальных проблем археологии является проблема реконструкции социальной организации древних обществ в процессе их этнокультурного формирования. По причине того, что связанные с

раннесредневековым населением письменные источники отсутствовали, материалы археологических исследований представляют собой основной эмпирический фундамент всех этнических и социологических реконструкций. Их исследование требует комплексного подхода с привлечением результатов и методов разных наук.

В силу специфики археологических источников показана необходимость многомерного анализа, который включает в себя создание баз данных, статистико-комбинаторных исследований, а также применение естественно-научных методов для реконструкции природной среды, описания системы расселения и жизнеобеспечения, динамики хозяйственных занятий, образа жизни, дифференциации общин (Матвеева, 2007). Стоит отметить, что исследователи все более широко применяют системный подход в социологических интерпретациях, методы теоретического моделирования, формально-статистического анализа. Основой для социальных реконструкций у исследователей выступал как поселенческий, так и погребальный материал.

Работы М.Г. Ивановой, Т.И. Останиной, С.П. Ковтун, Р.Д. Голдиной можно выделить в качестве примеров системного социологического анализа. Далее рассмотрим поподробнее.

Исследования социальной структуры М.Г. Иванова проводит, анализируя многочисленные материалы могильников и городищ, на которых были найдены остатки металлургического производства (Иванова, 1994). Археологические источники дополняются сюжетами героических преданий, данными лингвистики, обращается внимание на термины из удмуртской лексики, восходящие к ранним периодам финно-пермской общности. В заключение делается вывод о зачатках государственности в структуре чепецкого общества. Рассмотрение социальных структур проводится в их взаимообусловленности с уровнем развития социальной организации и содержанием политической ситуации.

Реконструкцию социальной структуры, на основе материалов могильников, мазунинского общества III-IV вв. проводит Т.И. Останина. Исследователь на основе обобщения археологических и палеодемографических исследований создает модель социальной организации мазунинцев, которая рассматривается в динамике. Определены специфические черты социумов, оставивших разные погребальные памятники. По итогам проведенной реконструкции делаются выводы о структуре семьи, половозрастной и имущественных структурах, воссоздается картина социальных изменений с III по V в. (Останина, 1997). Этот процесс происходил на протяжении всего периода существования памятников мазунинской культуры.

В своем исследовании С.П. Ковтун приводит принципиально новый взгляд на проблему социальных реконструкций. Следует отметить, что многоуровневое деление верхнекамского общества VII-IX вв. свидетельствует о достаточно глубокой социальной дифференциации. Наличие дробной трехступенчатой социальной стратификации у раннесредневекового населения Верхнего Прикамья, размывание общественных страт на прослойки, отличающиеся различным имущественным положением и статусом в военной иерархии, позволяет отнести древнее общество Верхнего Прикамья, второй половины I тыс. н.э., к позднепервобытному на пороге образования раннеклассового (Ковтун, 2006, с. 259).

Особенностью труда Р.Д. Голдиной является создание широких исторических обобщений, анализ социальной организации исследуемых народов в структуре конкретной исторической эпохи, в контексте взаимных влияний различных структур: экономической, культурной, политической (Голдина, 2004). Социальная организация, торговая система, этнические и политические контакты рассматриваются как функциональные компоненты единого исторического целого.

В обобщающей работе, авторами которой являются Н.А. Мажитов, А.Н. Султанова «История Башкортостана. Древность. Средневековье», основное внимание уделено вопросам этнической преемственности современных башкир и древнего, средневекового населения региона (Мажитов, Султанова, 2009). Однако о вопросах социальной организации древнего населения речь не ведется.

В целом же историографический анализ проблемы социальных реконструкций древних обществ по археологическим данным показывает, что выработанные ещё в середине XX в. методические приемы и полученные с их помощью результаты и в настоящее время не претерпели существенных изменений (Иванов, Проценко, 2013).

Сказанное указывает на необходимость расширения эмпирической базы для исследований социальной организации коллективов – носителей той или иной археологической культуры – за счет более активного использования данных естественных наук, а также совершенствования самого археологического источниковедения путем повсеместного перехода к современным методам анализа массового археологического материала.

Библиографический список

1. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Изд. дом Удмурт. ун-т, 2004. 422 с.

2.Иванов В.А., Проценко А.С. Социальные реконструкции в археологии Урало-Поволжья эпохи Средневековья (к постановке проблемы) // Казанская наука. №10. 2013. С. 46–48.

3.Иванова М.Г. Истоки удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 1994. 191 с.

4.Ковтун С.П. Реконструкция социальной структуры населения Верхнего Прикамья второй половины I тыс. н.э. Ижевск: ИжГТУ, 2006. 433с.

5.Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа: Китап, 2009. 496 с.

6.Матвеева Н.П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. 208 с.

7.Останина Т.И. Погребальный обряд населения Среднего Прикамья в III-V вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ, 1997. 327 с.

УДК 902+908+930.2

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СЫЛВЕНСКОГО ПОРЕЧЬЯ

©Ибрагимова Т.А.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Пермь

Научный руководитель – Мингалев В.В.,

к.и.н., ст. преподаватель социально-гуманитарного факультета

В работе рассматриваются исследовательские парадигмы археологов, в рамках которых они работали на памятниках Сылвенского поречья. В результате исследования было выделено 5 таких парадигм: парадигма антикварианизма, научная парадигма, коммерческая парадигма, культурологическая парадигма и палеоэкологическая парадигма.

Ключевые слова: парадигма, Сылвенское поречье, археолог, гляденовская культура, Камская археологическая экспедиция, Камско-Вятская археологическая экспедиция, Кунгурский краеведческий музей.

На протяжении истории изучения Сылвенского поречья у исследователей данного региона было несколько парадигм. Первая – парадигма антикварианизма. Сылвенские памятники рассматривались как источники артефактов для коллекции. Находки собирались вне

культурного контекста и сохранялись чаще всего те, что представляли из себя наибольшую ценность для коллекционера.

Ярким примером является коллекция Теплоуховых (Спицин, 1902, с. 1-19). Также в данной парадигме работали местные краеведы. В 1892 г. в Пермской губернии была организована Пермская ученая архивная комиссия, во главе с Н.Н. Новокрещенных. Археологический интерес комиссии был вызван приездом в губернию французского археолога Жозефа де Байя в 1895 г. В 1897 г. были проведены первые археологические исследования (Новокрещенных, 1901, с. 110-117).

В рамках данной парадигмы также действовал Кунгурский краеведческий музей. У музея была цель – собрать в своих стенах коллекцию местных артефактов, которые бы характеризовали прошлое данного региона. Вещественный материал довоенных исследований оседал либо в Пермском краеведческом музее, либо в Эрмитаже. Для пополнения своей коллекции музей спонсировал работу Камской археологической экспедиции.

Вторая парадигма – научный. Исследователей, работавших в рамках данной парадигмы, интересовали не столько вещественные находки, сколько изучение самого памятника, его хронологическая и культурная идентификация. Такими были исследования Императорской археологической комиссии (Пермская губерния, 1901; 1903) и А.В. Шмидта (Шмидт, 1925; 1925а; 1933).

Во второй половине XX в. центром данной парадигмы стала Камская археологическая экспедиция. Первостепенным научным интересом главы КАЭ, О.Н. Бадера, была гляденовская культура и доказательство ее «самодостаточности» в Прикамье. Исходя из этого все археологические памятники, в том числе и сылвенские, в первую очередь рассматривались с точки зрения данной культурной общности (Бадер, 1953, с. 20-21). Данный подход перенял ученик О.Н. Бадера и следующий руководитель КАЭ В.А. Оборин (Генинг, Оборин, 1960, с. 160-173; Оборин, 1969, с. 44-65). Научная парадигма среди археологов КАЭ является одним из центральных и сегодня (Перескоков, 1918, с. 46-49).

Кроме научной парадигмы КАЭ 20 лет работала в рамках коммерческой парадигмы. С начала работы пермской экспедиции ее деятельность финансировал КамГЭСстрой, поэтому при составлении планов на новый полевой сезон археологи КАЭ в первую очередь отталкивались от заказов данного предприятия. Однако в течение 60-х гг. финансирование стало урезаться из-за входа в строй ГЭС. В 70-е гг. была предпринята последняя попытка вернуть финансирование, через доказательства негативного влияния на памятники береговой абразии

(Отчет ..., 1976, с. 1-24), но экспедиция не дала ожидаемых результатов и коммерческий подход был свернут.

Культурологическая парадигма связана с именем другого ученика О.Н. Бадера, В.Ф. Генинга. Археолог считал, что на ограниченной территории существует несколько культурных общностей, а не одна большая (Генинг, 1960, с. 3-35). В результате работы в рамках данной парадигмы в Сылвенском поречье им выделена сылвенская культура, доказательством существования которой исследователи эпохи средневековья (Гарустович, 2015, с. 183).

Парадигму культуурогенеза от В.Ф. Генинга переняла одна из его учеников – Р.Д. Голдина, возглавившая Камско-Вятскую археологическую экспедицию (*далее* – КВАЭ). Занявшись исследованием Сылвы в 1970-х гг., она стала искать доказательства для подтверждения существования неволинской культуры, идею существования которой выдвинул В.А. Оборин (Оборин, 1961, с. 53-56), вскоре, однако, отказавшийся от нее. Имея широкие возможности для исследований, хорошее финансирование, археологам КВАЭ удалось проделать колоссальную работу, в результате которой отрицать существование неволинской культуры стало невозможно (Голдина, 2012, с. 83-91).

Начиная с 2020 г. пермские археологи кроме культурной идентификации памятника исследуют палеоэкологическую ситуацию на определенной территории (Мингалев, 2020, с. 135-137).

Таким образом, за более чем 100 лет исследования Сылвенского поречья археологи работали в рамках 5 исследовательских парадигм: в парадигме антикварианизма, научной, коммерческой, культурологической и палеоэкологической парадигмах. Из-за этого сейчас существует проблема культурной и хронологической идентификации сылвенских памятников: во второй половине XX в. они одновременно исследовались двумя археологическими школами – Пермской (КАЭ) и Ижевской (КВАЭ), работавшими в рамках разных парадигм.

Библиографический список

1. Бадер О.Н. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции // Ученые записки ПГУ. Харьков, 1953. С. 20–21.

2. Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. №15. С. 183.

3. Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С 3–35.
4. Генинг В.Ф., Оборин В.А. К вопросу о Гляденовской культуре // Ученые записки ПГУ. 1960. Т.12. № 1. С. 160–173.
5. Голдина Р.Д. Неволинский могильник в VII–IX вв. н.э. в Пермском Приуралье. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск: Издательство Удмуртского государственного университета, 2012. 472 с.
6. Мингалев В.В. Выявление затопления сылвенской высокой поймы в сер. I тыс. н. э. // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: ТюмНЦ СО РАН, 2020. С. 135–137.
7. Новокрещенных Н.Н. Археологические исследования в западной части Пермской губернии // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1901. С. 110–117.
8. Оборин В.А. Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья // Вопросы археологии Урала. 1961. №1. С. 53–56.
9. Оборин В.А. Отчет о раскопках в Пермской области в 1969 г. // Кабинет археологии Пермского государственного национального исследовательского университета.
10. Оборин В.А. Отчет об археологических исследованиях по р. Сытва в Пермском и Кунгурском районах Пермской области // Кабинет археологии Пермского государственного национального исследовательского университета.
11. Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь, 2018. 320 с.
12. Пермская губерния // Отчет Императорской археологической комиссии за 1898 год. СПб, 1901. С. 46–49.
13. Пермская губерния // Отчет Императорской археологической комиссии за 1901 год. СПб, 1903. С. 114–115.
14. Спицын А.А. Древности камской чуди. По коллекции Теплоуховых. СПб., 1902. С. 1–19.
15. Шмидт А.В. Пермский округ в доисторическом прошлом // Экономика. Пермь, 1925. № 29. С. 55–58.
16. Шмидт А.В. Доисторическое прошлое Кунгурско-Красноуфимского края // Кунгурско-Красноуфимский край. 1925а. №8–10. С. 9–15.
17. Шмидт А.В. Работы по истории материальной культуры Урала за 15 лет // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 9–10. С. 20–30.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЛАШНИКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2020 Г.)

©Кардашина А.В., Орлова Е.М.

Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермь

Научный руководитель – Перескоков М.Л.,
к.и.н., доцент кафедры истории и археологии

В данной статье анализируются вещи погребального инвентаря из кургана №17 Калашниковского могильника (раскопки 2020 г). Определяются их датировка и типология.

Ключевые слова: эпоха Великого переселения народов, поселение-могильник, гляденовская культура, Сылвенско-Иренское поречье, курган.

Исследования памятника начались в 1982 г. под руководством Г.Т. Ленц (Пермский отряд УАЭ УрГУ) и Ю.А. Полякова (КАЭ ПГУ). В ходе раскопок было изучено 12 курганов. Работы на памятнике были продолжены в 2012 и 2020 гг. под руководством М.Л. Перескокова. Было изучено ещё 6 курганных захоронений. Могильник расположен на пойменной террасе р. Сылва неподалёку от старичного озера Долгое (Кардашина, 2020, с. 136).

Летом 2020 г. был исследован курган №17, который имел округлую форму в основании, диаметр 6 м. Высота курганной насыпи 0,9 м. Зафиксировано три одиночных захоронения в кургане (в том числе одиночное погребение меча, выявленное в курганной канавке). Погребение №2 перекрывает погребение №1, и является более поздним.

Погребения ориентированы по линии ЗВ в сторону р. Сылва. В погребальном обряде зафиксирована только одна традиция: ингумация. Кроме того, в погребении №1 имеются следы деревянных конструкций в виде настила, который использовался для опускания погребенных в могилу (Кардашина, 2020, с. 136). Антропологический материал имеет крайне неудовлетворительную сохранность и сильно разрушен грабительским вкопом.

Погребение №1. Погребальный инвентарь представлен 4 пряжками, наконечником ремня, 30 бусами (10 янтарных, 20 стеклянных), фрагментами железного ножа, бронзовой пронизкой.

Десять одноцветных красно-оранжевых янтарных дисковидных бус без декора, диаметр которых составляет от 5 до 15 мм. Бусы относятся к типу ХА3 (по Е.В. Голдиной) и входят в хронологическую группу конца IV–V в. (Голдина, 2010, с. 59). Такие бусы характерны для курганных могильников Пермского Прикамья, аналогии известны в Бродовском, Мокинском, Кала-Урынском могильниках (Голдина, 2010, с. 59-63; Минаглев, Мингалева, Перескоков, 2019, с. 202-221; Перескоков, 2017, с. 84-98).

Двадцать бус из непрозрачного сине-фиолетового стекла без декора, имеющих форму 14-гранного параллелепипеда со срезанными вершинами, диаметр которых составляет от 6 до 12 мм. Относятся к типу IVA49 (по Е.В. Голдиной) и входят в хронологическую группу конца IV–IX в. (Голдина, 2010, с. 59-60). Аналогии представлены в Бродовском, Мокинском, Кала-Урынском могильниках (Голдина, 2010, с. 59-63). По мнению А.В. Мастыковой бусы этого типа импортировались из провинции Римской империи и имели хождение в Центральной и Западной Европе с III – VI в. (Мастыкова, 2009, с. 106-108).

Все пряжки изготовлены из бронзы и делятся на 3 типа (по М.Л. Перескокову). К 4(А) типу относится одна пряжка, которая является двухсоставной, без щитка, рамка округлая с утолщением в передней части, язычок удлинённый, плотно прижатый к рамке, загнутым за передний край рамки, доходящий до середины сечения высоким уступом у основания сзади (Перескоков, 2018, с. 66). Пряжки такого типа известны по материалам Бродовского и Кудашевского могильников (Амброз, 1980, с. 37; Мингалев, Перескоков 2016, с. 66). Две пряжки относятся к типу 5(Б1), они трёхсоставные, щитки овальные, крепились на 2 заклёпки, рамки овальные, одна огранённая, вторая гладкая с расширением в передней части, язычки удлиненные, охватывающие рамку в передней части, с высоким уступом у основания сзади. Одна из пряжек относится к ременной гарнитуре, а вторая обувная. (Перескоков, 2018, с. 67). Подобные пряжки (тип 9 и 10) были отнесены Малашевым к IV группе и датирующиеся середине IV – началу V вв. (Малашев, 2000, с. 209). А.К. Амброз относил подобные пряжки к I периоду (начало V в.) (Амброз, 1980, с. 30). По типологии харинских могильников В.Ф. Генинга и Р.Д. Голдиной соотносят с типом IV(a) и датируют V в. (Генинг, 1976 с. 74). Аналогичные пряжки по форме рамки, щитков и длине язычка присутствуют в погребальном инвентаре Тураевского могильника (курганы №3 (погр.1), №5, № 7 (погр. 1а)), Бирского могильника и могильника Качка (Генинг, 1959, с. 201; Генинг, 1976, с. 65, 72, 76).

К типу 8(Б2) относится одна пряжка, у которой щиток трапецевидной вытянутой формы, рамка округлая с утолщением в передней части, язычок удлиненный, охватывающий рамку в передней части, с выступом у основания, к ремню крепилась на 1 заклёпку. Такие пряжки присутствуют в Мокинском (12), Бродовском (7) (п. №7/2, 8/5, 18/1, 20/1в, 22/1) могильниках (Перескоков, 2018, с. 68). Амброз относит с такой формой щитка к I периоду (начало V в.) (Амброз, 1980, с. 27). У всех пряжек есть общие признаки: утолщения в передней части рамки и язычок плотно прилегает к передней части рамки – IV–первая половина V вв. (Мингалев, 2016, с. 145-153). Все пряжки относятся к харинскому (I периоду (II период Бирского могильника) и датируются началом V в. (Амброз, 1980, с. 32).

Пронизка по типологии М.Л. Перескокова относится к 4(1): спиралевидная без бусины; относится к 5 хронологической группе и датируется V в. Аналогичные пронизки есть в погребениях Бродовского и Мокинского могильников (Перескоков, 2018, с. 60).

Наконечник ремня характерен для 2(A2) типа (по М.Л. Перескокову): двускатный, с заостренным концом, сделанные из одной или двух спаянных пластин, имеет одинаковую ширину. Наконечник относился к портупейной garniture. Известен в материалах Мокинского (п. №32, 232), Бурковского (п. №13/2, 21, 48, 68, 72) могильников (Перескоков, 2018, с. 71). Такой наконечник был отнесён А.К. Амброзом к 1-й группе и датировал началом V в. (Амброз, 1980, с. 27-29). Найденный погребальный инвентарь в погребении 1 (ременная garniture, обувные пряжки) свойственен мужскому погребению, характеризуется 3 хронологической группой и датируется третьей четвертью IV – началом V вв. (Перескоков, 2018, с. 102-103).

Погребение №2. Антропологический материал имеет крайне неудовлетворительную сохранность и сильно разрушен грабительским вкопом. Также в погребении отсутствует инвентарь. Форма могильной ямы предпрямоугольная с закругленными концами, стенки скошенные, дно ямы неровное. В заполнении ямы зафиксирован однородный слой рыжего суглинка, а также тёмный углистый суглинок. Длина могильной ямы составляла 2,5 м, а ширина 0,9 м.

Погребение №3. В погребении №3 (погребение меча) присутствует портупейный набор: 3 бронзовых наконечника ремня, 3 пряжки и меч. Для характеристики вещевого материала мы использовали типологию М.Л. Перескокова.

Меч (длиной 1,1 м) прямой с клинком линзовидного сечения (ширина клинка 4 см. и длина 77 см), с деревянной рукоятью (23 см) и с зафиксированным тленом в форме серебряного рюмковидного навершия,

аналогичного типу 3, соответствует 3 хронологической группе и датируется 3 четвертью IV–V вв. (Мингалев, Перескоков, 2016, с. 96). Аналогии известны по Кудашевскому и Туревскому могильникам (Генинг, 1976, с. 86; Перескоков, 2018, с. 76,99). Меч располагался в деревянных ножнах, окрашенных красной минеральной краской с подвесами. С.И. Безуглов отмечает, что аналогичные позднесарматским длинные мечи с удлинёнными рукоятями (до 30 см) появились в захоронениях Волго – Камского бассейна не раньше конца III в. (Безуглов, 2000, с. 181).

Пряжки в погребении №3 также делятся на 2 типа. Пряжка аналогична по типу пряжке из погребения №1. 2 пряжки относятся (по М.Л. Перескокову) к типу 5(Б2), трёхсоставными, с круглой рамкой и гранёной, полукруглым щитком (лунница), с язычком, огибающим переднюю часть рамки доходя до середины и с прямоугольным выступом у основания. Аналоги присутствуют в погребениях Кудашевского, Бродовского и Тураевского могильников (Перескоков, 2018, с. 67). Подобные пряжки (тип 9 и 10) были отнесены Малашевым к IV группе и датирующиеся серединой IV – началом V вв. (Малашев, 2000, с. 231).

Все наконечники ремней представлены типом 4: коробчатые, изготовлены из одной прямоугольной медной пластины, согнутой пополам и огибающей конец ремня, с цилиндрическим утолщением на конце и припаянными боковыми стенками, крепящиеся тремя заклепками. Известны в погребениях Мокинского (п. №144, 200, 232, 254), Бродовского, Бурковского (п. №2/11, 13/3, 18) могильников (Перескоков, 2018, с.72; 5, с.76). Все наконечники относятся к 4 хронологической группе и датируются серединой IV – началом V вв. (Перескоков, 2018, с. 102).

Погребальный инвентарь кургана №17 является наиболее ранним комплексом из изученных на Калашниковском могильнике, на это указывают датировки бус, ременной гарнитуры и меча (3 четверть IV – начало V вв.). Комплекс имеет аналогии в материалах курганных и грунтовых могильников Мокинского, Бродовского и Тураевского могильников. По М.Л. Перескокову относится к хронологической группе 3 (культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш) и может быть датирован третьей четвертью IV — началом V в. н.э.

Библиографический список

1. Амброз А.К. Бирский могильник и проблема хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С. 1–56.

2. Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000. С. 169–193.
3. Генинг В.Ф. Могильник Качка // Отчёт Камской (Воткинской) экспедиции ИА РАН. Пермь, 1959. С.196 – 210.
4. Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Археология Волго-Камья. Казань, 1976. С. 55 – 108.
5. Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье. ВАУ, 1973. Вып. 12. С.59 – 119.
6. Голдина Е.В. Бусы могильников Неволинской культуры (конец IV–IX вв.): Монография. Ижевск, 2010. 264 с.
7. Кардашина А.В. Поселенческие и погребальные комплексы Калашниковского могильника // ЛIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: материалы Всерос. Конф. Оренбург: ОГПУ, 2021. С. 136 – 137.
8. Мاستыкова А.В. Женский костюм центрального и западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М., 2009. С. 106– 108.
9. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000. С. 194 – 232.
10. Мингалев В.В., Перескоков М.Л. Хронология и культурная принадлежность Калашниковского курганного могильника (по материалам раскопок 1982 г. и 2012 г.) // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья : материалы Всерос. Науч.-практ. Конф. Пермь, 2016. С. 145– 153.
11. Мингалев В.В., Минаглева М.К., Перескоков М.Л. Бусы Мокинского могильника III-V/VI вв. н.э. в Пермском Прикамье // Поволжская археология. Вып. №3 (29). Казань, 2019. С. 202– 221.
12. Перескоков М.Л. Курган с воинским погребением V в. на могильнике Кала-Урын // Вестник Пермского университета Вып. 1 (36) Пермь, 2017. С. 84– 98.
13. Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь, 2018. 320 с.

О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ БАЛЕЗИНСКОГО МОГИЛЬНИКА – НОВОГО ПАМЯТНИКА ПОЛОМСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАССЕЙНЕ ЧЕПЦЫ

©Красовицкая В.О.

Удмуртский государственный университет, Ижевск

Научный руководитель – Черных Е.М.,
к.и.н., доцент, профессор кафедры истории Удмуртии,
археологии и этнологии

Исследование посвящено выявлению особенностей погребального обряда Бalezинского могильника – нового памятника полумской культуры в бассейне Чепцы.

Ключевые слова: раннее средневековье, могильник, погребальный обряд, кремации и ингумации.

В 2017 г. на кафедру истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского госуниверситета поступила информация о систематическом разграблении любителями металлодетекторного поиска в районе села Бalezино Бalezинского района Удмуртской Республики неизвестного могильника. В качестве доказательств была передана часть предметов: кожаный пояс хорошей сохранности с пряжкой, наконечником и накладками харинского типа, бронзовые ножи, подвески-бельки и бусы.

В течение трех лет (2018–2019, 2021 гг.) сотрудниками Камско-Вятской археологической экспедиции УдГУ были проведены работы по постановке нового памятника на государственный учет, разведочные (в том числе, геофизические) работы и раскопки под руководством Е.М. Черных (Отчеты за 2018, 2019). За это время на могильнике была изучена площадь 300 кв. м, на которой исследовано 20 погребений.

Бalezинский могильник расположен на правом берегу реки Чепцы. Занимает ровную поверхность надпойменной террасы, никак не выраженной в рельефе. Сохранность захоронений плохая, чему в немалой степени способствовали характер грунта (легкая супесь), глубокая распашка, а также действия черных копателей.

Очертания могильных ям на материке визуальнo почти не фиксируются. В основном, фиксация возможна по едва различимым пятнам заполнения ям в основании пахотного горизонта и скоплениям

археологических предметов. Для погребений Балезинского могильника характерны следующие параметры: длина 142–253 см, ширина 56–130 см, глубина от 25 до 60 см. Могильные ямы расположены рядами, идущими с ЮЗ на СВ, диагонально по отношению к реке. Сами могилы ориентированы, в основном, по линии ССЗ–ЮЮВ.

Об особенностях погребального обряда можно судить по присутствию в засыпке неглубоких могильных ям мелких кальцинированных косточек, встречаются человеческие зубы (пп. 3, 5, 12). В двух случаях найдены фрагмент плохо сохранившейся затылочной кости детского черепа (п. 10) и фрагменты обожженного сустава и плоской кости (п. 13). Кости черепа найдены в северной части могилы. Человеческие зубы найдены также в южной половине ям. По всей видимости, умерших сжигали на стороне, о чем позволяет говорить отсутствие следов кремационной деятельности внутри и вблизи захоронений. Остатки с погребального костра сыпались в подготовленные могильные ямы.

На раскопанной площади, по периферии захоронений выявлены крупные ямы – остатки жертвенно-поминальных комплексов, с обломками лепных сосудов, сырыми и обожженными костями и зубами лошадей и, реже, крупного рогатого скота в заполнении.

Сопровождающий погребальный инвентарь был найден в 18 из 20 могил. Вещи не имеют следов обжига, их также клали в могилу после кремации. Порядок размещения инвентаря в целом соответствует месту предметов в костюме, хотя имеются случаи нарушения порядка, например, помещение женских украшений в жертвенные комплекты (пп. 13, 15), или оружия в отдельные ямы на дне могилы (п. 8). Женский инвентарь представлен стеклянными, янтарными, халцедоновыми бусами, цветным стеклянным бисером, бронзовыми пронизками цилиндрической гладкой и рифленой формы, конусовидными, пронизками-бусами, височными подвесками, разнообразными цепочками. С мужской субкультурой связаны находки железных ножей, пряжки (трехсоставные и литые в геральдическом стиле), накладки и наконечники поясов, наконечник железного копья. Особо выделяется серия зооморфных украшений – литых привесок и полых пронизок в виде коньков, медведей, росомех, уток. Керамика в погребениях отсутствовала, зато сосуды с гребенчатым орнаментом обнаружены рядом с могильными ямами.

Комплекс украшений из Балезинского могильника соответствует гыркесшурской стадии полемской АК VI–VII вв. (Семенов, 1980), то есть ее раннему этапу.

Поломская культура датируется V-IX веками н. э. Свое название культура получила по двум могильникам у села Полом Кезского района Удмуртской Республики, раскопанных еще в начале XX в. На данный момент исследовано 7 могильников поломской культуры: Варнинский, Адамовский (Мыдланьшай), Поломский I и II (Красная горка) могильники, Тольенский, Омутницкий, Вельякарский. Могильники значительны по площади, количеству и плотности могил на них. Основным способом погребения на них являлось трупоположение, вытянуто на спине, в простых прямоугольных ямах. Однако были известны отдельные случаи кремаций (1,3% - по Р.Д. Голдиной). Устойчивой ориентировки исследователями не отмечается.

Таким образом, Балезинский могильник отличается от известных поломских по такому важному признаку как способ обращения с останками умерших. На нем могильнике отмечается обряд частичной кремации, до сегодняшнего дня почти не известный в памятниках поломской культуры.

Библиографический список

1. Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980. С. 5– 135.
2. Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях (раскопках) в Балезинском районе Удмуртской Республики летом 2018 г. (Балезинский могильник) // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ижевск, 2019. Ф. 2. Д. 641.
3. Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях (раскопки) летом 2019 г. в Балезинском районе Удмуртской Республики (Балезинский могильник) // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ижевск, 2019. Ф. 2. Д. 663.

**ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И ЗАЩИТНОГО СНАРЯЖЕНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ РОДАНОВА ГОРОДИЩА
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2016-2020 ГГ.)**

©Кузнецов В.Е.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь

Научный руководитель – Сарапулов А.Н.,
к.и.н., доцент кафедры Отечественной и всеобщей истории, археологии

В данной статье проведена попытка классификации предметов вооружения и защитного снаряжения, найденных на Родановом городище, по материалам раскопок 2016-2020 гг. Помимо классификации предметов в задачи нашего исследования входят: поиск аналогий и датирование артефактов.

Ключевые слова: вооружение, защитное снаряжение, классификация, Роданово городище, средние века.

Полутово (Роданово) городище находится на территории Пожвинского сельского поселения в Юсьвинском районе Пермского края, на правом берегу Камского водохранилища, в самой деревне Городище. Ранее исследованием памятника занимались А.В. Шмидт и М.В. Галицкий. С 2016 г. исследованием памятника занимается А.Н. Сарапулов (Шмуратко, 2016), (Сарапулов, 2017; 2018; 2019; 2020). Материалы для изучения были взяты из коллекции музея Археологии и этнографии ПГГПУ, куда они были переданы на временное хранение.

Среди вооружения из материалов раскопок Роданова городища (2016-2020 гг.), было найдено 43 наконечника стрел, 1 перекрестие, 1 боевой топор, 1 костяной кистень, 1 фрагмент булавы, 1 наконечник копья. Среди защитного снаряжения были найдены: фрагменты кольчуги, фрагмент панцирного доспеха.

Начать хотелось бы с типологии наконечников стрел.

Наконечник стрелы в виде двурогого срезня без упора (рис. 1, 1), который относится к типу 59 по классификации А.Ф. Медведева. Двурогие срезни без упора были в употреблении в X-XI вв. в Приладжье, в Прикамье и Ярославском Поволжье. Позднее, по-видимому, не применялись. Аналогии найдены в кургане X в. у дер. Сязниги, в Новгороде в конце X и первой четверти XI в. на

Кудымкарском и Кыласовом городищах. По-видимому, в Прикамье они относятся к X-XI вв. (Медведев, 1966, с. 71-72).

Наконечники стрел листовидной формы с наибольшим расширением у острия (2 шт.) (рис. 1, 2-3), которые относятся к типу 65 по классификации А.Ф. Медведева. Данные наконечники были распространены в VIII – первой половине XI века. Аналогии можно найти в Лядинском могильнике, на городище Екимаяуцы, в с. Липляево (Медведев, 1966, с. 75).

Бронебойный наконечник стрелы с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического сечения, с шейкой (4 шт.) (рис. 1, 4-7). Относятся к типу 83 по классификации А.Ф. Медведева. Данные наконечники характерны для XI вв. Не исключено, что они появились и в X в. Аналогии данным наконечникам можно найти в Биляре и Суваре, на Кыласовом и Кудымкарском городище, на территории Древней Руси и Прибалтики (Медведев, 1966, с. 81).

Наконечники стрел ромбические без упора (6 шт.) (рис. 1, 8-13). Тип 47 по классификации А.Ф. Медведева. В средневековый период встречаются с VIII по XIV в. включительно только в северной полосе. Аналогии можно найти на Вятских городищах, в Харинском могильнике, Вакинском селище и на Старой Ладогe в слоях X века (Медведев, 1966, с. 68).

Наконечник стрелы узкой шиловидной формы ромбического сечения и перехватом у черешка (рис.1, 14). Тип 95 по А.Ф. Медведеву. Типичные противоколючужные наконечники. Они были широко распространены в Древней Руси и у соседних народов Восточной Европы с VIII по XIV в. включительно. Аналогии данным наконечникам можно найти в материалах раскопок Биляра, Старой Рязани, на городище у с. Старый Нохрат (Медведев, 1966, с. 84-85).

Наконечники двушипные без упора (3 шт.) (рис. 1, 15-17). Относятся к типу 29 по типологии А.Ф. Медведва. Были распространены с I в. до н. э. по XIV в. н.э. исключительно в северной полосе бывшего СССР. Аналогии можно найти в Белоозере в слое XI в., на Кудымкарском городище, на Вакинском селище, в Белой Веже (Медведев, 1966, с. 62).

Фрагменты и целые ромбовидные наконечники новгородского типа с отсутствием упора для древка стрелы (6 шт.) (рис. 1, 18-23). Тип 46 по А.Ф. Медведеву. Наконечники датируются X-XIII вв. Аналогии можно найти в Новгороде, Старой Ладогe, на Рождественском городище, Баяновском могильнике (Медведев, 1966, с. 67-68).

Лавролистный наконечник. Тип 63 по типологии А.М. Белавина и А.В. Данича (рис.1, 26). Данные наконечники распространены с IX в. до позднего средневековья по всей территории Восточной Европы. Аналогии можно найти на Рождественском городище и могильнике (Белавин, Данич, 2006, с. 33).

Фрагмент втульчатого пирамидального наконечника с коротким массивным острием квадратного или ромбического сечения и длинной шейки (рис. 1, 25). Относится к типу 9 по А.Ф. Медведеву. По-видимому, были в употреблении только в X и XI вв. Аналогии можно найти в Киеве, на Тумовском селище, Игоревом кургане (Медведев, 1966, с. 58).

Ромбовидный наконечник с упором и расширением в нижней трети длины пера (рис. 1, 27). Тип 40 по А.Ф. Медведеву. Были распространены с X по XIV вв. включительно. Аналогии можно найти в Старой Ладого, Новгороде, Биляре, Вятке, Рождественском городище (Медведев, 1966, с. 64-65).

Также имеются фрагменты наконечников стрел, тип которых нам не удалось определить (17 шт.) (рис. 1, 28-43).

Помимо наконечников стрел в культурном слое городища были обнаружены и другие виды вооружения. Одной из интересных находок является перекрестие, предположительно, от сабли (рис. 1, 44). Мы считаем, что данное перекрестие относится к типу 2, подтипу «А» по типологии А.В. Данича. Такие перекрестия встречены на Аверинском II могильнике, Баяновском могильнике, Питер (Степаново Плотбище) могильнике. Перекрестия имеют многочисленные аналогии в древностях VIII-IX вв., в большом количестве встречаются в алтайских материалах IX-X веков (Данич, 2009, с. 41).

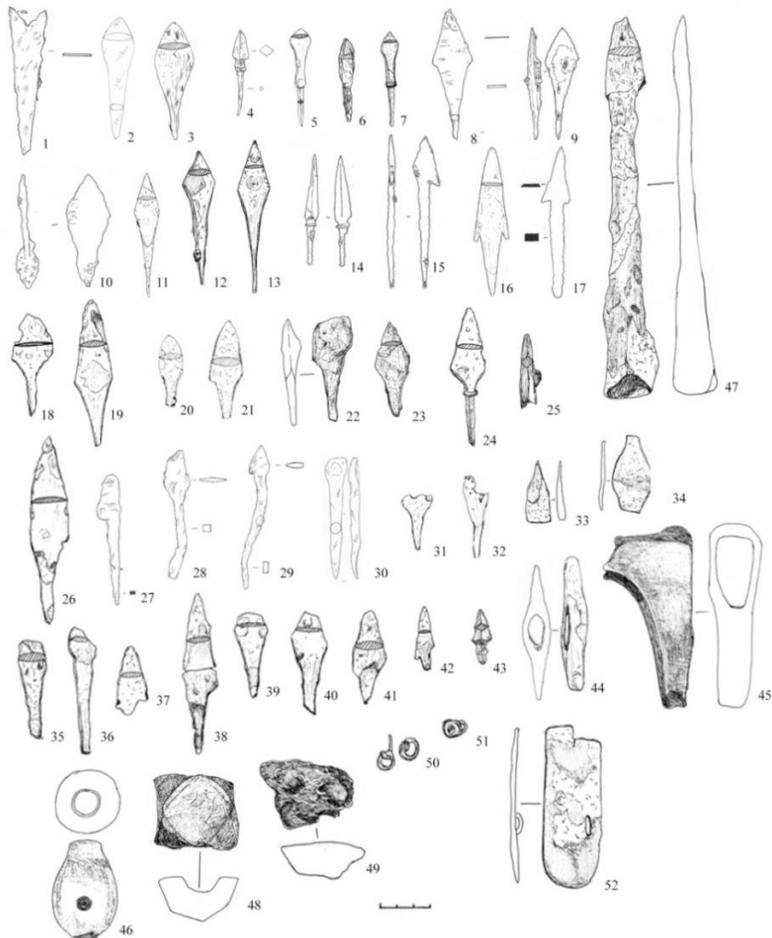
Также был найден боевой топор (рис. 1, 45), который мы, по типологии А.В. Данича, относим к Разделу IV, Типу 1 – Клевцы. Клевцы – некое подобие кирки, – топоры с узким вытянутым лезвием, предназначенные для пробивания доспехов за счет малой площади ударной поверхности. Таких топоров на территории Пермского края найдено 5 экз., два из них – на поселении Володин Камень. Датируется VIII-X вв. (Данич, 2015, с. 50).

Интересной находкой является костяной кистень (рис. 1, 46). Датируется X-XIII вв. Аналогии можно найти в Волжской Болгарии, на Рождественском городище (рис. 1, 60), а также на Юге и Юго-Западе Руси (Данич, 2012, с. 348-349).

Редкой находкой является наконечник копья (рис. 1, 47). По типологии А.В. Данича наконечник относится к группе I, разряду I, типу 6. А.В. Данич считает, что подобные копья «служили только для

войны», хотя большинство историков считает, что для охоты. Данные наконечники были широко распространены в IX-XI вв. (Данич, 2010, с. 25).

Интересной находкой является фрагмент булавы киевского типа (рис.1, 48). Тип II по классификации И.Л. Измайлова. Датируется XII-XIII вв. Аналогии встречены в Новгороде, Костроме, Волжской Болгарии (Биларе). Данный вид наверший являлся, скорее всего, широкодоступным оружием рядовых воинов (Измайлов, 1997, с. 97-99).

Рис. 1. Вооружение и защитное снаряжение с раскопок Роданова городища (2016-2020 гг.)

Далее хотелось бы перейти к анализу защитного вооружения. Одной из интереснейших находок являются фрагменты кольчуги, среди них фрагмент кольчужного полотна классического сварного типа (рис.1, 49-51). На территории Древней Руси наиболее активно кольчуга использовалась в X-XIII вв. (Кирпичников, 1971, с. 8-9). Также можно предположить, что кольчуга попадала на нашу территорию путем импорта посредством Волжской Болгарии.

Одной из интереснейших находок является фрагмент пластинчатого доспеха (рис. 1, 52). Пластинчатые доспехи были распространены на территории Древней Руси и относятся к IX-XV вв. Находки, связанные с XIII в., сделаны в Новгороде, Горопце, Смоленске, Некульчине и Чермне (Кирпичников, 1971, с. 17-18).

Таким образом, рассмотрев комплекс вооружения и защитного снаряжения Роданова городища, обнаруженного при раскопках 2016-2020 гг. можно сделать вывод, что самым распространенным типом наконечников стрел на городище являются ромбические без упора (6 экз.) и ромбовидные наконечники новгородского типа с отсутствием упора для древка стрелы (6 экз.). Наконечники стрел имеют достаточно широкую датировку – X-XIV вв. Другие виды вооружения найдены в единичных экземплярах (наконечник копья, боевой топор, кистень, фрагмент булавы). Говоря о защитном снаряжении, мы провели анализ как более ранней кольчужной брони, так и более совершенной панцирной. В очередной раз были отмечены этнокультурные связи территории Пермского Предуралья с Волжской Болгарией и Древней Русью.

Библиографический список

1. Белавин А.М., Данич А.В. Костяные и железные наконечники стрел рождественского археологического комплекса // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2006. Вып. 1. С. 25–37.
2. Данич А.В. Сабли на территории Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. 2006. Вып. 6. С. 38–49.
3. Данич А.В. Наконечники копий на территории Пермского Предуралья // Вестник археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2010. Вып. 3. С. 20–43.
4. Данич А.В. Дополнительные виды вооружения Пермского Предуралья (булавы, кистени, дубины) // Труды КАЭЭ. 2012. Вып. 8. С. 345–350.
5. Данич А.В. Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ ПГГПУ. 2015. Вып. 10. С. 71–124.
6. Измайлов, И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – нач. XIII в. Казань-Магадан, 1997. 213 с.

7. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск 3. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.-Л.: Наука, 1971. 126 с.

8. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. / Археология СССР. Свод археологических источников СССР. Под общей редакцией академика Б.А. Рыбакова. Вып. Е1-36; Институт археологии АН СССР. М.: Наука, 1966. 182 с.

9. Сарапулов А.Н. Отчет о раскопках Полютово (Роданово) городища в Юсьвинском районе Пермского края в 2017 г. Пермь, 2017 // НА ЛАЭ ПГГПУ.

10. Сарапулов А.Н. Отчет о раскопках Полютово (Роданово) городища в Юсьвинском районе Пермского края в 2018 г. Пермь, 2018 // НА ЛАЭ ПГГПУ.

11. Сарапулов А.Н. Отчет о раскопках Полютово (Роданово) городища в Юсьвинском районе Пермского края в 2019 г. Пермь, 2019 // НА ЛАЭ ПГГПУ.

12. Сарапулов А.Н. Отчет о раскопках Полютово (Роданово) городища в Юсьвинском районе Пермского края в 2019 г. Пермь, 2020 // НА ЛАЭ ПГГПУ.

13. Шмуратко Д.В. Отчет о раскопках Полютово (Роданово) городища в Юсьвинском районе Пермского края в 2016 г. Пермь, 2016 // НА ЛАЭ ПГГПУ.

УДК 903.59

ПАРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ МАЗУНИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА НОВЫХ МАТЕРИАЛАХ БОЯРСКОГО И ДУБРОВСКОГО МОГИЛЬНИКОВ)

©Нуриева А.А.

Удмуртский государственный университет, Ижевск

Научный руководитель – Черных Е.М.,

к.и.н., доцент, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии
и этнографии

В работе представлен анализ парных захоронений двух новых погребальных памятников мазунинского типа в Прикамье. Захоронения рассмотрены по характерным признакам погребального обряда и сопроводительного инвентаря. Сформулирована проблема выявления их места

среди одиночных погребений, составляющих характерную черту позднеленинградского (мазунинского) погребального обряда.

Ключевые слова: погребальный обряд, парные погребения, мазунинская культура, III–V вв., Прикамье.

Коллективными в археологии принято называть погребения с двумя и более костяками. В последнее время археологи разделяют парные и совместные. В первом случае, это захоронение двух разнополых индивидов, во втором – независимо от пола и возраста (например, женщина+женщина, женщина+ребенок).

Для погребального обряда мазунинской культуры Прикамья характерными признаками являются следующие: прямоугольные неглубокие ямы, одиночные захоронения, ориентировка умерших определяется рекой, состав погребального инвентаря (бусы, височные подвески, гривны, браслеты, фибулы, предметы поясной гарнитуры, мелкие орудия труда) определяется полом, возрастом и социальным положением умершего, инвентарь размещен либо при костяке, в порядке его ношения, часто в необычных положениях (Генинг, 1967, с. 55-56; Останина, 1997, с. 31) На данный момент общее количество исследованных погребений мазунинского типа - 2503 (на 31 могильнике) (Останина, 2014, с. 119), среди них учтено 78 парных (3,1%)⁵.

В докладе рассмотрены случаи парных погребений, зафиксированных в двух новых могильниках мазунинского типа, исследованных в последние 20 лет Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского университета под руководством Е.М. Черных. Боярский могильник (кон. III–IV вв.) расположен на юге Удмуртии (правый берег Камы), в 4-х км к западу от д. Боярка Каракулинского района. На памятнике исследовано 183 погребения (Черных, 2014; Черных, Хайруллина, 2018). Дубровский могильник (IV – нач. V в.) расположен в бассейне р. Кырыкмас (приток второго порядка р. Кама). Исследованы 204 погребения (Ширококов, Черных, Нечвалода, 2018).

В Дубровском могильнике можно выделить лишь одно парное захоронение – №41. В погребении захоронены 2 индивида 18-30 лет и 20-30 лет, с неопределенным полом (Бернц, Отчет за 2009 г., с. 39-40). Яма прямоугольная, размеры 191x78 см, глубина - 60 см. Ямы в Дубровском могильнике имеют следующие средние размеры: длина 181-210 см, ширина 71-90 см, глубина 61-80 см. Останки уложены

---

⁵ Доля парных погребений подсчитана автором на основании имеющихся публикаций материалов

«валетом». У обоих костяков сохранились только фрагменты черепов и зубы. В области черепа А расчищены остатки головного убора в виде неширокой ленты из ткани и бересты, украшенной бронзовыми пронизками. Оба конца этой «ленты» были также украшены низками бисера. Слева от черепа зафиксированы две гривны: бронзовая и железная с бронзовой обмоткой. Рядом с ними в берестяной коробочке располагался дарственный комплекс, включавший железную фибулу, детали кожаного пояса с бронзовыми накладками, стеклянные бусы, 3 железные височные подвески с бронзовой обмоткой, железные сильно коррозированные фрагменты наконечника. Слева от умершей расчищен кожаный пояс с бронзовыми накладками, свернутый пополам. Второй костяк сопровождали только фрагменты железных височных подвесок.

В Боярском могильнике выделено также одно парное погребение - №66. Яма прямоугольная, размеры 310х90 см, глубина 116 см. Размеры могил в Боярке имеют следующие значения: длина до 150 см, ширина 71-90 см, а глубина 61-80 см. Найдены останки женщины 30-40 лет и мужчины около 50 лет, уложенные «валетом» (Черных, 2003, с. 31-32). Слева от головы женщины найдены фрагменты железных вещей. У мужчины кости левой стопы лежали поверх кисти левой руки погребенного А (женщины), кости правой стопы – на ее подвздошной кости. Возле левой ноги мужчины были уложены костяные наконечники стрел.

Таким образом, можно говорить об определенном сходстве параметров парных погребений в обоих могильниках:

1. Размеры ямы зависели от количества в ней уложенных, поэтому в парных погребениях он больше, чем в одиночных. В Боярском могильнике глубина и размер в два раза больше среднего значения.

2. В обоих отмеченных случаях умершие были ориентированы головами в разные стороны, уложены как бы «валетом».

3. По составу сопроводительного инвентаря парные погребения практически не отличаются от одиночных.

Гипотетически, парные погребения могли отражать как определенные семейные отношения, так и статус захороненных в мазунинском обществе. Перспективной задачей является рассмотреть все известные парные погребения в могильниках мазунинского типа.

Библиографический список

1. Бернц В.А. Отчет об археологических исследованиях в Киясовском районе Удмуртской Республики летом 2009 года // Архив ИИКНП УдГУ. Ижевск, 2010. Ф. 2 Д. 539.

2. Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Вып. 7. Свердловск; Ижевск, 1967. С. 7–68.

3. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997. 326 с.

4. Останина Т.И. Развитие взглядов В.Ф. Генинга и других исследователей на мазунинскую культуру // Поволжская археология. 2014. №1. С. 114–135.

5. Черных Е.М. Два новых могильника мазунинского типа в Удмуртском Прикамье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани: (Казань, 20–25 окт. 2014 г.) / отв. ред.: А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань, 2014. Т. II. С. 437–439.

6. Черных Е.М. Отчет о спасательных работах на Боярском «Арай» могильнике, в Каракулинском районе Удмуртской республики летом 2003 года // Архив ИИКНП УдГУ. Ижевск, 2004. Ф. 2 Д. 422.

7. Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Бернц В.А. Открытие и исследование нового могильника IV–V вв. на юге Удмуртии // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека природы, общества. XIII Бадеровские чтения: материалы Всерос. науч. конф. / гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск, 2010. С. 207–211.

8. Черных Е.М., Хайруллина О.Ф. Боярский («Арай») могильник – новый памятник эпохи великого переселения народов в Прикамье // Археология евразийских степей. 2018. №1. С. 87–107.

9. Ширококов И.Г., Черных Е.М., Нечвалода А.И. Антропологическая характеристика скелетных останков из раскопок Дубровского могильника // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2018. №4. Т. 28. С. 499–512.

К ВОПРОСУ О ДОМОНГОЛЬСКОМ СЛОЕ БОЛГАРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ

©Рахматуллин С.Х.

Набережночелнинский государственный педагогический университет,
Набережные Челны

Научный руководитель – Нигаматов А.З.,

к.и.н., доцент кафедры истории и методики её преподавания

В данной статье рассматриваются культурные слои болгарских поселений Нижнего Прикамья. Каждый слой имеет свой цвет, структуру, плотность, те или иные находки. В статье также приводятся стратиграфические шкалы Болгарского городища и Казанского кремля, которые являются более общепринятыми.

Ключевые слова: археология, культурный слой, стратиграфия, Волжская Болгария, Нижнее Прикамье, поселения.

Культурный слой археологического памятника – это слой земли, накопленный в период его функционирования и содержащий остаточные данные о деятельности человека (Ситдииков, 2006, с. 39). Культурный слой неоднороден. Установление хронологических границ слоев в общей системе культурных напластований с учетом специфики их формирования в определенных временных и культурных рамках с комплексом находок является предметом для стратиграфического анализа.

При анализе культурного слоя, мы должны оперировать тем, что в каждом регионе в зависимости от климатических и геологических условий имеются определенные подходы для их выделения. К примеру, для средневековых поселений России закрепилась практика послойного стратиграфического разделения пластов по их структуре, цвету, плотности, содержанию находок. После этого проводится мелкая градация слоя на горизонты, прослойки с фиксацией объектов, функционировавших в период их накопления (Ситдииков, 2006, с. 40).

Наиболее разработанной стратиграфической шкалой для памятников Средневожского региона является шкала Болгарского городища: VI слой – X-первая половина XI в.; V слой – вторая половина XI-начало XIII в.; IV р. (ранний) слой – раннезолотоордынский период, середина XIII-начало XIV в.; IV п. (поздний) слой – позднезолотоордынский период, с 30-х гг. XIV в. до

1431 г.; III слой – период Казанского ханства; II-I слои – современное село (Город Болгар, с. 268). Также интересным примером может служить шкала стратиграфии Казанского кремля, в которой просматривается лишь 5 слоев. Археологом А.Х. Халиковым была выделена данная стратиграфия: I слой – XIX-XX вв.; II слой – вторая половина XVI-XVIII вв.; III слой – вторая половина XV-первая половина XVI вв.; IV слой – вторая половина XIII – первая половина XV вв.; V слой – XII-первой трети XIII вв.

Стоит также рассмотреть стратиграфический план Елабужского городища из раскопа VI, который имеет чуть заметные отличия от выше перечисленных стратиграфических шкал: I слой – современный; II слой – XVII-XVIII; III слой – время существования Волжской Болгарии; IV слой – IV-VIII вв.; V слой – ананьинская эпоха (Нигамаев, 2007, с. 24).

Как уже было сказано выше, каждый слой разделяется по структуре, цвету, содержанию находок. На примере раскопа VI Елабужского городища можно выделить: I слой – состоит из дёрна и слоя поздних разрушений в виде аморфной супеси с известняковой крошкой; II слой – серая рыхлая супесь с включениями известняковой крошки; III – слой темно-серая гумусированная супесь с незначительным включением известняковой крошки; IV – светло-серая или серо-коричневая супесь с включениями крупного известняка, характерными находками которого являются фрагменты грубой лепной посуды; V слой – плотный суглинок различных оттенков коричневого цвета с обильными включениями золы, угля и камней. Из слоя происходят фрагменты ананьинской керамики (Нигамаев, 2007, с. 25).

Отличается стратиграфическая шкала, составленная во время археологических работ на Елабужском городище в 1991 г. К.И. Корепановым: I – дерн толщиной до 8 см; II – серо-коричневый суглинок толщиной 6-20 см, отложенный в период существования русского монастыря XVII-XVIII вв.; III – слой пожарища толщиной 2-4 см; IV – темно-коричневый суглинок болгарского времени мощностью от 8 до 22 см; V – слой пожарища толщиной 2-4 см; VI – серый рыхлый суглинок мощностью от 8 до 25 см, отложенный в период существования здесь именьковского поселения; VII – коричневый плотный суглинок толщиной 6-16 см ананьинско-пьяноборского времени (Корепанов, 1991, с. 25-26). Данный пример очень интересен, так как стратиграфический план раскопа 1991 г. был представлен 7 слоями, в отложениях которых имеются остатки культур раннего железного века: именьковской и ананьинско-пьяноборской (Нигамаев, 2005, с. 16).

Если говорить о домонгольском слое, то в Елабужском городище III-V культурные слои имеют раннее происхождение. В них

в большом количестве представлены находки времен существования Волжской Болгарии. Важнейшей спецификой Елабужского городища является то, что в ее стратиграфическом плане прослеживаются слои времен раннего железного века (V-VII слои): именьковская, ананьинская, пьяноборская культуры.

Говоря о поселениях Нижнего Прикамья, мы должны рассмотреть и Кирменское городище, которое располагается в Мамадышском районе Республики Татарстан. Средняя мощность культурного слоя данного памятника не превышает 25-30 см. Культурный слой под дерном состоит из буровато-серой плотной супеси толщиной 15-20 см. В ней имеется измельченный известняк. Данный слой содержит в себе незначительные находки золотоордынского и домонгольского времени. Далее идет темно-серая рыхлая супесь с включениями гумуса, вкраплениями древесного угля и кусочками известняка. Её толщина не превышает 10 см. Находки из этого слоя представлены фрагментами глиняной посуды и различными бытовыми предметами домонгольского времени. Следующий слой представлен в виде погребенной почвы из плотного темно-бурого суглинка с отсутствием находок (Нигамаев, 2005, с. 41-42).

Следующий памятник, который хотелось бы рассмотреть – Чаллыинское городище. Мощность культурного слоя на городище 20-60 см. Прослежена следующая стратиграфия: I – дерн толщиной 5-6 см; II – слой времен Казанского ханства, гумусированная супесь с включениями кусочков прокаленной глины, древесного угля; III – слой золотоордынского времени, гумус с находками толщиной 12-27 см; IV – домонгольский слой, суглинок с вкраплениями гумуса мощностью 6-15 см, имеющий незначительное количество находок; V – желтый материковый суглинок (Нигамаев, 2005, с. 64).

В целом, домонгольский слой памятников Нижнего Прикамья был хорошо выражен, богат находками и сооружениями. Чаще всего, домонгольский слой в стратиграфических шкалах выделяется IV слоем, который во время археологических исследований дает обширный материал. В некоторых памятниках домонгольский слой выступает начальным слоем после материка, а в других – промежуточным (к примеру, в Елабужском городище до домонгольского слоя представлен также культурный слой раннего железного века).

Библиографический список

1. Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

2. Корепанов К.И. Отчет об археологических раскопках на Елабужском городище Елабужского района Республики Татарстан в 1991 году // Научный архив ЕГПИ.
3. Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы: своеобразие материальной культуры населения. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 228 с.
4. Нигамаев А.З. Отчет об археологических исследованиях на Елабужском городище в 2006 году. 2007 // Научный архив ЕГПИ.
5. Ситдииков, А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006. 288 с.

УДК 902/904

НАХОДКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ МЕДНОЛИТЕЙНОЙ ПЛАСТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

©Глазырина М.К., Ромашова (Девятова) К.А.

Вятский государственный университет, Киров

Научный руководитель – Кайсин А.О.,

зав. научно-исследовательской археологической лабораторией

В статье обобщается информация о находках древнерусской меднолитейной пластики на территории Кировской области. Важным является не описание находок, а их топографическая привязка на карте. Рассматриваются все виды находок: нательные кресты, наперсные кресты, иконки-образки.

Ключевые слова: Кировская область, ГИС, нательные кресты, наперсные кресты, иконки-образки, энколпионы.

С принятием христианства на Руси появляется большое количество церковных предметов. Наиболее многочисленную группу среди них составляют меднолитые изделия, что объясняется простотой технологии, сравнительной дешевизной материала и широким спросом населения на подобные вещи. Задачей данной работы было не просто сформировать описание меднолитейной пластики, но и сделать ГИС-привязку находок.

На предыдущих этапах работы была собрана и проанализирована основная информация по возможностям цифровизации и современным ГИС-технологиям в археологии, а

так же постановке на учет объектов археологии. Был изучен опыт Института археологии РАН (Дубровский, Кайсин, Сенникова, 2021, с. 137)

Так как информация по археологическим находкам на территории Кировской области не собрана и не систематизирована, мы создаем определенные группировки, картируем материал и создаем его ГИС-привязки. В данном случае мы создаем карту распространения древнерусской меднолитерной пластики на территории Кировской области (рис. 1).

Ниже приводим аннотированный список древнерусской меднолитерной пластики, найденной в ходе археологических работ на территории Кировской области по их локализациям. Кроме того представлены некоторые случайные находки 1960-1970-х гг.

Никульчинское городище

Бронзовые кресты.

1) Крест со жгутообразным орнаментом (плетенка). Обнаружен на Никульчинском городище. Аналогичен находкам первой половины XV в. из Новгорода (Седова, 1981, с. 55, рис. 16-21).

2) Крест с плетенкой из змеиных тел. Подобран Г. С. Смолевой на Никульчинском городище. Аналогов ему пока не выявлено, предположительная дата XIII–XV вв. (Макаров, 2012, с. 514).

3) Крест криновидный с окружностями Никульчинское городище. Похожие кресты обнаружены во Владимирских курганах XI–XIII вв. (Спицын, 1905, рис. 218, 225).

4) Крест криновидный с полукружиями Найден Г. С. Смолевой на Никульчинском городище, судя по «стройной» форме бытовал, очевидно, в XII–XIII вв.

5) Крест криновидный с выпуклостями №1 в центре каждого крина. Обнаружен в подпольной яме XIV в. на Никульчинском городище. Данный тельник являет собой дальнейшую эволюцию криновидных крестиков в XIII–XIV вв.

6) Крест криновидный с выпуклостями №2. Найден в 1960 г. на этом же городище сотрудниками Слободского краеведческого музея после просмотра отвалов раскопов Л. П. Гуссаковского (Глушкова, 2014, с. 339)

7) Криноконечный большой крестик. Обнаружен на Никульчинском городище. Аналогичен изделиям Новгорода XIV - начала XV в. и Волжской Болгарии (Макаров, 2001, рис. 10-12).

Энколпионы.

1) Обратная створка энколпиона с округлыми углами средокрестия, с обломанными петлями, округлыми медальонами с

предстоящими в боковых и архангелами в верхнем и нижнем медальонах и распятием в центре, при этом все разграничительные линии покрыты насечками. Обнаружен на Никульчинском городище в старом отвале из раскопа Ш Л.П. Гуссаковского 1960 г.

2) Фрагмент створки энколпиона. Лицевая створка квадрифолийного энколпиона без верхнего конца, с фигурами святых в полуовальных медальонах, а в центре с изображением воина с копьем и щитом в руках. Датировка спорна: от XIII в. до середины XV в. Сама форма квадрифолия возникла, судя по всему, в XIV в. (Макаров, 2012, с. 515)

Иконки.

1) Бронзовая привеска-образок с погрудным изображением святого в киотце. Найдена на Никульчинском городище в подполье наземного дома Л. Д. Макаровым. Аналогична новгородской находке конца XIV – рубежа XIV/XV вв. (Седова, 1981, с. 64, рис. 20, 7).

Ковровское городище

Кресты.

1-5) Криноконечные малые (малоформатные) крестики (5 экз.). Один из тельников найден в жилище XIII в., а судя по самому маленькому экземпляру, с остатком заусенца от литника на конце ветви (Макаров, 2001, рис.59.7). Подобные крестики обнаружены в Новгороде в слоях конца XIII–XIV в. (Макаров, 2001, рис. 9–13).

№ 2, 4, 5 – в разрушенном состоянии.

6) Тельник с сечкообразными концами. Выявлен в жилище XIII в. Ковровского городища. Близок по форме кресту первой трети XIII в., из Старой Рязани (Даркевич, Пуцко, 1981, с.225, рис.2.7).

Энколпионы.

7) Обратная створка энколпиона с округлыми углами средокрестия, с гладкими ободками по краям створки и медальонов; рельефы нечеткие; тело распятого Христа изображено строго вертикально с прямыми руками и слабым наклоном головы к правому плечу; без надписей. Обнаружена на Ковровском городище в подпольной яме жилой клетки в системе оборонительных стен Л. Д. Макаровым.

Орловское городище

Кресты.

1) Тельник с парными выступами по вертикали и изображением фигуры распятого Христа. Обнаружен Л. Д. Макаровым на Орловском городище. Иконографический тип подобных распятий характерен для пластики XV в. (Николаева, 1983, с.41).

Подчуршинское городище

Энколпионы.

1) Энколпион. Две створки, по всей вероятности, одного энколпиона с прямыми углами средокрестий и медальонами на концах осей, деформированные в результате воздействия огня, обнаружены в подпольной яме хозяйственной клетки срубной оборонительной стены Подчуришинского городища XIII–XIV вв. (Корзухина, Пескова, 2003, с.202).

Могильник Покста II

Иконки.

1) Бронзовая привеска-иконка с погрудным изображением святого без киотца. Найдена в раскопках поселения Покста II XIII – первой половины XIV в. (Макаров, 1994, с. 164, рис.7.8).

Территория современного г. Кирова

Чижевское городище

1) Самый ранний нательный крест (детский) на территории г. Кирова был обнаружен в 2019 г. на Чижевском городище вне исторической части города. Односторонний медный крест несет в средокрестии образ Спаса Нерукотворного без предстоящих по бокам. Вверху буквы IX (Исус Христос), внизу С (спаситель). Аналогичные кресты пользовались большой популярностью на Руси в XIV – начале XV вв. (Оруджов, Кайсин, 2020, с. 203)

Хлыновский кремль

1) Фрагмент наперсного креста. Найденный при раскопках на территории Хлыновского кремля в 2015 г. Датируется концом XV–XVI в. Крест наперсный, четырехконечный, односторонний с расширениями на концах древа и килевидным завершением нижней оконечности. На лицевой стороне – рельефное изображение Распятия на фоне Иерусалимских стен. Типологически близкий наперсный крест из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва (г. Москва) датируется XVI в. (Гнутова, Зотова, 2000, № 23).

Церковь Иоанна Предтечи

1) Крест наперсный четырехконечный двусторонний «Распяtie Христово. Богоматерь Знамение». Найденный в период реставрации церкви в 1993 г. Образцом для такого наперсного креста явился тип двустворчатого энколпиона XV в. Этот вид крестов бытовал со 2-й половины XVI в. по начало XVII в. (Кайсин, Глазырина, Старков, 2019, с. 63)

Таким образом, мы можем сказать, что большинство находок вещей личного благочестия связаны с первыми русскими поселенцами на Вятке. Картографирование находок является важным элементом в

прогнозировании дальнейших направлений изучения территорий Кировской области.

Библиографический список

1. Глушкова А.В. Кресты-тельники из собрания Слободского краеведческого музея Кировской области // Актуальные проблемы этноэкологии на западе и востоке славянского мира. Киров, 2014. С. 336–340.

2. Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX вв. М.: Интербук-бизнес, 2000. 127 с.

3. Даркевич В.П., Пуцко В.Г. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970-1978 гг.) // Советская археология. №3. 1981. С. 218–232.

4. Дубровский И.А., Кайсин А.О., Сенникова А.А. Опыт накопления материалов к электронной археологической карте Кировской области (на примере Слободского района) // Общество. Наука. Инновации (НПК-2021). Киров: Вятский государственный университет, 2021. С. 137–145.

5. Кайсин А.О., Глазырина М.К., Старков Р.Л. Археологические работы при реставрации церкви Рождества Иоанна Предтечи в городе Кирове // Вестник гуманитарного образования. №2 (14). 2019. С. 59-67.

6. Корзухина Г.В., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы: нагрудные кресты-реквараи XI-XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 432 с.

7. Макаров Л.Д. Древнерусские нательные кресты Вятской земли (из археологических раскопок). Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. Материалы Международной научной конференции. Киров, 1996, С. 163–166.

8. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X-XV вв.: Ученое пособие. Ижевск: «УдГУ», 2001. 140 с.

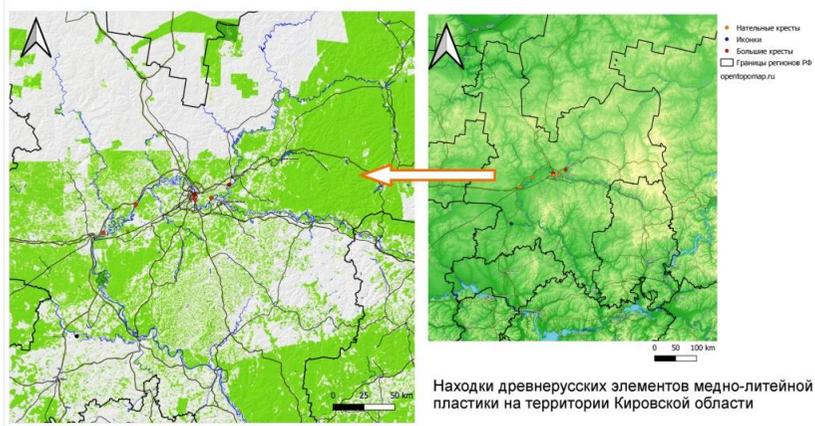
9. Макаров Л.Д. Хронология древностей Вятской земли XII – XV вв. // Древности Прикамья эпохи железа: хронологическая атрибуция. Сборник статей. Ижевск: Изд-во «УдГУ», 2012. 544 с.

10. Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня, XI-XV вв. М.: Наука, 1983. 163 с.

11. Оруджов Э.И., Кайсин А.О. Топографические и культурно-хронологические аспекты в изучении Чижевского городища // Поволжская археология, 2020. С.195–206.

12. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.: Наука, 1981. 198 с.

13. Спицын А.А. Владимирские курганы. // Известия Императорской археологической комиссии. СПб. Вып. 15., 1905. С. 84–172.

Рис. 1. Находки древнерусских элементов медно-литейной пластики на территории Кировской области

УДК 903.044

КОСТЮМ СВЯТОГО ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ ЧЕРНЫШОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В Г. ВОТКИНСКЕ В 2018 Г.)

©Смердова В.А.

Удмуртский государственный университет, Ижевск

Научный руководитель – Перевозчикова С.А.,
к.и.н., старший преподаватель кафедры истории Удмуртии,
археологии и этнологии

Исследование посвящено описанию костюма Святого протоиерея Николая Чернышева, обнаруженного вместе с дочерью Варварой при археологических раскопках в г. Воткинск в 2018 году. Предоставленная работа дает возможность изучить костюм священнослужителя и дать информацию об их прошлом одеянии.

Ключевые слова: храм Преображения Господня, Нагорное кладбище, погребение, ткань, город Воткинск, описание, костюм, погребальный обряд.

В 2018 году в преддверии мероприятий, связанных с канонизацией новомучеников российских и 100-летием со дня их гибели, по просьбе Ижевской Епархии археологи Удмуртского госуниверситета под руководством С.А. Перевозчиковой провели археологические исследования на территории Нагорного кладбища г. Воткинска по поиску захоронений останков семьи Чернышевых, расстрелянных в январе 1919 года.

Николай Чернышев родился в 1853 г. После рукоположения в 1884 г. он стал священником в Благовещенском соборе и законоучителем в различных учебных заведениях Воткинска и прилежащих сел. За безупречную службу Православной церкви отец Николай был возведен в сан протоиерея и неоднократно награждался Епархиальным начальством, в том числе наперсным крестом (1907 г.). В разгар гражданских переворотов 1918 г. протоиерей Николай, несмотря на опасность, не оставил своего прихода и продолжил исполнять свой пастырский долг. Его дочь Варвара исполняла служение сестры милосердия (Житие священномученика...).

Священник о. Николай Чернышев и его дочь Варвара были расстреляны 2 января 1919 г. По воспоминаниям очевидцев и сохранившимся протоколам, в этот день их вывели из тюрьмы и расстреляли на берегу городского пруда (напротив современного музея-усадьбы П.И. Чайковского). В апреле этого же года их тела были захоронены на Нагорном кладбище у Преображенской церкви. Остается неясным тот факт, где тела погибших могли находиться между этими эпизодами.

В 1929 г. на территории Нагорного кладбища был проведен комсомольский субботник, на котором были убраны практически все каменные надгробия. В начале XXI в. краеведами было определено примерное расположение могилы Чернышевых.

В исследованном погребении были найдены останки двух костяков (Перевозчикова, Отчет за 2018 г.). Один из них принадлежал женщине 30-35 лет – дочери священника, а второй – мужчине 60-70 лет (определение судмедэкспертов кафедры судебной медицины Ижевской государственной медакадемии) – Николаю Чернышову. Умершие были уложены в общий деревянный гроб с пергородкой посередине, головой на 3, вытянуто на спине, руки обоих были сложены на груди. На дне гроба был уложен еловый лапник. Мужчина был погребен в полном облачении священника с сопутствующими вещами: нательным крестиком, Евангелием, стеклянной бутылочкой с соборованным

маслом и двумя наперсными крестами. У женщины одеяние не сохранилось, за исключением зеленого атласного банта. Из находок в женском захоронении были обнаружены иконка и серебряная ладанка на золотой цепочке (Перевозчикова, 2018, с. 22).

Антропологическая сохранность была плохой. У мужского костяка часть костей оказалась мумифицированной, но при этом раскрашивалась в порошкообразную белую субстанцию. У женского костяка мумификации не произошло, но кости также крошились в подобие белого порошка.

Внимания заслуживает одеяние отца Николая Чернышова, сохранившееся полностью.

Головной убор представляет собой камилавку цилиндрической формы. Сшита из велюра фиолетового цвета. Диаметр камилавки составляет – 22 см, а высота – 15 см. На передней стороне имеются остатки вышивки. Она представляет собой лучи, исходящие из центра. Лучи выполнены из крученных зеленых нитей; их концы украшены белым бисером. Размер узора – 7х7 см. Камилавка имеет шелковую подкладку, которая стягивается в затылочной части.

Из облачения сохранились следующие виды одежды.

Нижнее одеяние представлено подрясником – нижним облачением. Подрясник был сшит из плотной сатиновой ткани светлого (белого или светло-бежевого ?) цвета, застегивался внахлест. На груди, на правой стороне, имелся небольшой карман. Подрясник был расширен к нижней части за счет вшитых клиньев. Горловина была оформлена воротничком-стойкой. Имелись две небольшие пуговицы: в области воротничка и петли запаха.

На подрясник был надет подризник – длинное облачение, сшитое из шелка бордового цвета. Верх не имел воротника. Одеяние также расширено к низу, сверху имеет отрезную полочку, из-за которой рукав был пришит на уровне середины плеча. Рукав сильно присборенный в месте втачивания к полочке. При этом нижняя часть рукава не оформлена манжетой. Вместо этого, на рукавах имелись поручи – ленты, шириной 4,5 см, скрепленные двумя ажурными пуговицами, а также крученый шнурок на каждом из рукавов. На поручах сохранились остатки ажурной вышивки из зеленых крученных нитей. Низ подризника был украшен двумя полосами тесьмы изумрудного цвета, шириной 1,5 и 3,5 см. Расстояние между полосами 11 см.

Сверху была надета епитрахиль – две отдельные длинные полосы из сукна бежевого цвета. Длина епитрахили достигала стоп. Края полос обшиты тесьмой изумрудного цвета, шириной 1,5 см.

Тесьма имеет узор, состоящий из растительного мотива. В области живота на одной из полос вышит крест гладью из нитей изумрудного цвета. К епитрахили также относятся несколько выпуклых ажурных резных пуговиц на ножке, найденных в области живота.

Поверх подризника и епитрахили был надет тканевый пояс. Он был сшит из той же ткани, что и подризник. Ширина пояса - 7-8 см. По краям он был оформлен тесьмой изумрудного цвета. На одном из концов пояса имелись бронзовая ажурная прорезная пуговица на ножке и железный крючок. Интересно то, что при наличии застёжки, пояс был просто обернут вокруг туловища, а свободный конец пояса был просто заправлен за пояс.

В качестве верхнего одеяния служила фелонь - богослужебное облачение, представляющее собой длинную накидку, которая спереди доходит только до пояса. Найденный фрагмент имеет длинную прямоугольную форму и представляет собой кусок суконной материи зеленого цвета. Края фелони украшены ряской – атласной тесьмой изумрудного цвета, шириной 5 см.

Обувь представлена кожаными погребальными тапочками. Они скроены из трех деталей: подошва, носовая часть с небольшим разрезом, задник.

Таким образом, мы можем восстановить погребальный костюм священнослужителя отца Николая Чернышова и иметь представление об его составных частях. Интерпретация даёт нам представление о возможном варианте погребального духовного одеяния на рубеже XIX - XX вв.

Библиографический список

1. Житие священномученика Николая Чернышева и дочери его мученицы Варвары // [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/days/saint/7031/7032/group> (дата обращения 28.10.2021).

2. Перевозчикова С.А. Отчёт об археологических разведочных работах, проведённых осенью 2018 года на территории г. Воткинск Удмуртской республики // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ижевск, 2018. Ф. 2. Д. 639. 116 с.

ИЗУЧЕНИЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЮЖНОГО УРАЛА В XIX ВЕКЕ: ЭТАП ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

©Савченко Л.Г.

ИИПСГО БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа

Научный руководитель – Иванов В.А.,
д.и.н., профессор кафедры Отечественной истории

В статье анализируется изучение раннего железного века на территории Южного Урала в XIX веке. Затрагиваются вопросы методики археологических исследований, в период становления дореволюционной российской исторической науки на территории Южного Урала.

Ключевые слова: археология, историография, ранний железный век, Южный Урал, Приуралье, Игнатьев, Нефедов.

Сегодня археологи всё чаще возвращаются к вопросам истории своей науки, чтобы проследить этапы её формирования и осмыслить накопленный эмпирический материал. Если в прошлом археологическая наука остро нуждалась в эмпирическом материале, его сопоставлении и классификации, то на современном этапе мы наблюдаем противоположный процесс, когда многие исследователи увлекаются полевыми изысканиями, забывая об осмыслении наличного. Данная статья посвящена истории становления археологических исследований Южного Урала и Приуралья. Работы (монографии и диссертации) А.А. Евгеньева, М.Ф. Обыденнова, Г.Т. Обыденновой можно выделить в качестве примеров системного историографического осмысления данной проблематики.

Узловой вехой в становлении как отечественной археологии в целом, так и региональной явился XIX век. Постепенное развитие экономических связей, освоение обширных пространств и капиталистических отношений в России усиливало научный интерес центра к периферии империи: к её культуре, древностям и характеру. Этот процесс по всей империи отличался неравномерностью и зависел от огромного количества факторов: от интереса центра к конкретному региону, от наличия минимально подготовленных кадров для археологических исследований.

Развитие исторической науки, а вместе с ней и археологии, требовало от государства создания адекватных форм организации

деятельности по сбору, сохранению и изучению древностей. Как справедливо выделяет Г.Т. Обыденнова: «до революции существовали следующие формы организации: демократические археологические общества с периодически созываемыми археологическими съездами, инициированными деятельностью ученых, краеведов-любителей истории; государственная, представленная Императорской археологической комиссией; а также вспомогательные, среди которых археологическая деятельность была одним из направлений - губернские статистические комитеты, губернские земства, губернские ученые архивные комиссии и образовавшиеся при них музеях» (Обыденнова, 2002, с. 23). Из данной среды выкристаллизовывалась будущая археологическая наука в провинциях империи.

В 1834 г. учреждаются губернские статистические комитеты.

В 1859 г. учреждается Императорская Археологическая Комиссия (*далее* – ИАК), которая должна была наблюдать возглавлять археологические исследования в стране, заниматься охраной культурного наследия. Циркуляр от 27 апреля 1863 г. регламентировал сферы статистических комитетов деятельности в области изучения прошлого, выделяя следующие сферы: история, этнография, археология, антропология. Комитеты сотрудничали с ИАК собирали и передавали сведения, выступая поставщиками информации (Обыденнова, 2002, с. 13).

В 1864 г. по инициативе графа А.С. Уварова учреждается Московское археологическое общество (*далее* – МАО), оно занималось проведением и организацией Всероссийских археологических съездов. А в 1889 г. от Императора получает исключительное право на производство и выдачу открытых листов на проведения раскопок.

Конец XVIII – первая половина XIX вв. характеризуется повышенным вниманием русских археологов к изучению античных древностей, что обуславливает отсутствие интереса к степным просторам Южного Урала и Приуралья. Вновь интерес к Приуралью вернулся во второй половине XIX в. и связан с именем выдающегося русского ученого историка-краеведа Р.Г. Игнатъева.

Руф Гаврилович Игнатъев (1818-1886) родился в Москве, в мелкопоместной дворянской семье, окончил Лазаревский институт восточных языков и Парижскую консерваторию. Служил в низших чинах в Московской губернии, с 1848 г. почтмейстер в Новгородской губернии. С этого времени он пристрастился к изучению древностей, создав первую археологическую карту губернии 209 памятников (10% от известных ныне) (Игнатъев, 2011, с. 15). В 1855 г. был выслан в Уфу за должностное преступление. Биография этого человек обширна и данная работа не ставит своей целью её объять.

Современница так описывает его внешность: «это был человек выше среднего роста, плотный, толстый, лысый. Одевался он довольно бедно, небрежно... У Игнатьева были замечательные, выразительные глаза ... огня и жизни в них было столько, что я и у молодых не встречала ... О себе, о своей личной жизни Руф Гаврилович никогда не любил говорить ... Домашней его жизни я совсем не знаю: знаю только, что жил один. Кухарка заведовала всем его хозяйством» (Филоненко, 1912, с.5).

В Уфе Р.Г. Игнатьев с присущей ему жизненной энергией принялся за изучение истории, этнографии и фольклора коренного населения Оренбургского края, акцентируя свое внимание на древнем периоде. Остро нуждаясь в подготовленных кадрах Оренбургский статистический комитет предлагает Р.Г. Игнатьеву заниматься археологическими изысканиями на Южном Урале, 8 июля 1863 г. он соглашается.

С 1863 по 1865 гг. Игнатьев развел широкую разведочную деятельность, обследуя огромные пространства Южного Урала и открывает большое количество курганов, но к раскопкам не приступает из-за отсутствия ресурсов. Собрав значительный массив данных о расположении городищ и курганов и других памятников 1865 г., он отправляет отчет в ИАК. Четко надеясь на поддержку, он ведет переписку и отчитывается перед ИАК. Но в ответ получает холодную критику: «доставленные Вами донные сведения не имеют научного достоинства, а заключают в себе лишь беглые, наскоро набросанные путевые заметки. Вам прежде всего необходимо ограничить объем работ и сосредоточить деятельность Вашу сперва на одном уезде или участке, а потом уже, по тщательном исследовании его, избирать новую местность» (Евгеньев, 2018, с. 30). Современные ученые склонны скорее положительно оценивать деятельность краеведа, так Е.Ф. Лагодовская пишет: «памятники Игнатьевым описываются по внешним данным, производятся соответствующие измерения, приводятся данные топографии, ведутся нужные опросы населения, приводятся существующие легенды и предания, делаются попытки исторической интерпретации их...» (Евгеньев, 2018, с. 28).

Положительно восприняв критику ИАК в 1867 г., он предлагает программу археологического исследования Оренбургской губернии, целью которого являлось составление карты памятников. Его инициатива получает минимальное финансирование, и работа начинается.

Р.Г. Игнатьев первый описывает ряд памятников раннего железного века в Башкирии (Чертово городище под Уфой и Бирском, могильник под названием «Могильное поле» в Убалинской степи,

Кара-Абызское городище, валы), относящихся к тогда ещё неизвестной кара-абызской культуре.

Результаты своих полевых работ Р.Г. Игнатъев использовал при составлении археологической карты Уфимской губернии в печати, известной под названием «Памятники доисторических древностей Уфимской губернии». Все памятники он делил, согласно народным преданиям, которые были чуть ли не единственным источником в то время, на болгарские, ногайские, монгольские, чудские или югорские. Чертовые городища под Уфой и Бирском считал одновременными и относил к ногайцам. Записанные Р.Г. Игнатъевым предания гласили о том, что эти городища являлись ставками ханов, а под курганами похоронены ногайцы (Южный Урал в эпоху ранних кочевников, 2019, с. 20). Это были первые шаги в изучении эпохи металлов.

Нам не следует, оценивая работу Р.Г. Игнатъева, преувеличивать его ошибки, которые обуславливаются объективными причинами – общим уровнем развития археологии в России в середине XIX в. Несмотря на все недочеты, деятельность Р.Г. Игнатъева была ключевым звеном в первоначальном этапе накопления археологического материала, и его по праву можно считать основоположником археологии Южного Урала. Как отмечает М.Ф. Обыденнов в своей работе, заслуги его состоят в том, что, во-первых, он первый начал собирать сведения о памятниках и описывать их, во-вторых, начал изучать памятники путем раскопок, в-третьих, выступал в печати и привлекал внимание общественности к изучению древностей Урала (Обыденнов, 1994, с. 39).

В 1876-1888 гг. ведущие позиции в археологических исследованиях на Урале занимает Императорского Московского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (*далее* – ОЛЕАЭ) и его сотрудники: фотограф Карл Андреевич Фишер (1847- 1923) и писатель и журналист, этнограф и археолог Филипп Диомидович Нефёдов (1838 – 1902). Ф.Д. Нефёдову, члену-сотруднику ОЛЕАЭ, было поручено проведение археологических и этнографических изысканий на Урале.

Ему удалось собрать огромный массив данных и провести раскопки на территории нескольких уездов Уфимской, Оренбургской и Самарской губерний. Он собрал сведения о пещерах, городищах и курганах вблизи 123 населенных пунктов, из числа этих памятников раскопал два городища – Чортово и Благовещенское – и 51 курган в Белебеевском и Уфимском уездах Уфимской губернии и в Самарском уезде Самарской губернии (Нефёдов, 1879, с. 169-170). Объекты

Нефедов, анализируя погребальный обряд, отнес к различным эпохам – от бронзы до средневековья.

В 1884 г. ученые исследовали 3 кургана РЖВ в 12 верстах к югу от Илецкой Защиты, у села Тамар-Уткуль, и попытались вскрыть «Золотой курган» (такое название дали кургану киргизы), однако, сломав все лопаты, успеха не добились (Нефёдов, 1886, с. 482-486). Спустя несколько лет, уже будучи самостоятельным ученым, Ф.Д. Нефёдов закончил исследование.

В 1887 г. МАО избрала Ф.Д. Нефёдова на должность членкора и поручила провести археологические исследования в Оренбургской и Самарской губерниях, Уральской и Тургайской областях. Уфимские исследователи Г.Н. Гарустович и В.А. Иванов справедливо отмечают, что его полевые работы «явились не только самыми массовыми исследованиями курганов в XIX в., но и за всю историю региональной археологии» (Гарустович, Иванов, 2014, с. 86).

Ф.Д. Нефёдов работал быстро: в течение 7 недель в июне – августе 1887 г. им было раскопано 72 земляных и каменных курганов, а в 1888 г., на протяжении 8 недель, им были вскрыты 75 курганов (Евгеньев, 2018, с. 44). Он исследовал в основном курганные объекты раннего железного века и эпохи средневековья. Скорость его работы была обусловлена тем, что в сферу его внимания попадали небольшие курганные насыпи, которые не требовали значительных ресурсов для исследования. Как замечает историограф А.А. Евгеньев, методика Ф.Д. Нефёдова была несовершенной: «Курганы он копал либо траншеями, либо колодцем. В ряде случаев раскопки курганов не доводились до конца – либо из-за нехватки инструментов, либо из-за недовольства рабочих. При такой методике от внимания исследователя могли ускользнуть погребения на периферии кургана. О погребенных сообщается главным образом, что они лежат на материке; таким образом, расположение и форма могильных ям чаще всего не прослеживались.» (Евгеньев, 2018, с. 44).

Как и г. Р.Г. Игнатьеву, Ф.Д. Нефёдову затруднительно ещё было отождествлять раскопанные памятники с какой-либо эпохой, но он проводил их различение по погребальному обряду и инвентарю: «курганы единичные и группами, судя по состоянию костяков и преобладанию в них орудий и украшений из бронзы, более древнего происхождения, чем курганы массовые, где все орудия и даже часть украшений сделаны уже из железа» (Нефёдов, 1899, с. 11).

Также он исследовал могильники РЖВ в Павловские станицы, у аула 1-го (в местности Кара-Бутак), у сел Осьмушкино и Новосергиевское. Таким образом, Ф.Д. Нефёдов впервые провел

раскопки курганных могильников раннего железного века на территории Южного Урала. По его размышлениям эти памятники он относил к скифской эпохе, но не относил их к сарматской культуре. Позднее эту работу довершил М.И. Ростовцев в своей работе «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма», сопоставив известные на начало XX в. памятники РЖВ (Ростовцев, 1918, с.29).

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что Р.Г. Игнатьев и Ф.Д. Нефёдов по существу внесли существенный вклад в становление археологии Южного Урала на этапе первоначального накопления археологического материала и источниковой базы по эпохе раннего железного века, но дореволюционные исследователи ещё не имели объективных возможностей, чтобы разрешить ряд кардинальных теоретических проблем, в области классификации и типологизации культурно-этнического состава Приуральского населения РЖВ.

Библиографический список

- 1.Евгеньев А.А. История оренбургской археологии. Оренбург: Оренбургский государственный аграрный университет, 2018. 364 с.
- 2.Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа : Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.
- 3.Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / отв. ред. В.А. Лабузов; сост. М.И. Роднов. Т. I: 1859 – 1866 годы. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. 230 с.
- 4.Нефёдов Ф.Д. // Известия ИОЛЕАЭ. Т. XXXV. Ч.1. Труды антропологического отдела. Т. 5-й. Антропологическая выставка 1879 г. Т. III. Ч. 2. М.: Типография М.Н. Лаврова и К., 1879. С. 169 – 171.
- 5.Нефёдов Ф.Д. Журнал курганных раскопок, произведенных летом 1884 г. в Тургайской области Ф.Д.Нефёдовым и К.А.Фишером // Известия ИОЛЕАЭ. Т. XLIX. Вып. 3. Труды Антропологического отдела. Т. IX. Протоколы заседаний Антропологического отдела с 4-го декабря 1881 г. по 1886-й год. М.: «Русская» типо-литография, 1886. С. 482 – 488.
- 6.Нефёдов Ф.Д. Археологические исследования в Южном Приуралье (1887 – 1888 год) и в Прикамье (1893 – 1894 год) // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. 3. М., 1899. 74 с.
- 7.Обыденнов М.Ф. История археологического изучения Урала XVIII – начала XX веков. Уфа, 1994. 93 с.
- 8.Обыденнова Г.Т. История развития археологических исследований в Урало-Поволжье (XVIII в. – конец XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.06. Ижевск, 2002. 39 с.

9. Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // Материалы по археологии России. Вып. 37. Петроград, 1918. 103 с.

10. Филоненко В.И. Руф Гаврилович Игнатьев // Вестник Оренбургского учебного округа за 1912 . №5. С. 1–2.

11. Южный Урал в эпоху ранних кочевников // История Южного Урала: в 8 т. Т. 3. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 400 с.

УДК 902.26

ОПЫТ НАКОПЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА К ЭЛЕКТРОННОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ КИРОВО-ЧЕПЕЦКОГО РАЙОНА)

©Сенникова А.А.

Вятский государственный университет, Киров

Научный руководитель – Кайсин А.О.,

зав. научно-исследовательской археологической лабораторией

В данной статье приведены основные направления и пути накопления имеющихся данных в геоинформационной системе, интегрирующей информацию об археологических памятниках Кировской области и представляющей ее в виде электронной археологической карты. Основное содержание проекта – это сбор и структурирование информации о памятниках археологии, включая пространственные координаты, в рамках развиваемой информационной системы. Реализация данного проекта поможет наглядно увидеть степень изученности и количество археологических памятников на территории Кировской области. Создание единой геоинформационной системы поможет в изучении культурного наследия, а также прогнозировании дальнейших археологических находок.

Ключевые слова: SAS Planet, археологические памятники, ГИС-системы, Кировская область, Кирово-Чепецкий район.

На предыдущих этапах работы была собрана и проанализирована основная информация по работе в геоинформационной системе в археологии, а также о постановке на учет археологических данных. Был изучен опыт работы Института археологии РАН (Макаров, Зеленцова, Черников и др., 2015, с. 7-19). Кроме этого изучены уже существующие варианты археологических баз данных г.Кирова на отдельном портале на основе Яндекс карт

(Кайсин, Борисова, Глазырина, 2020, с. 71-77; Дубровский, Кайсин, Сенникова, 2021).

В настоящее время существует справочное издание по Кировской области, в котором находятся краткие аннотационные списки памятников (Кряжевских, 2009). Разработка геоинформационной системы выполняется на основе существующих методов отечественной и зарубежной практики работы в ГИС-системах. Основными задачами работы в геоинформационной системе является сбор общей информации об археологических памятниках с целью картографирования ее для наглядности, систематизация и анализ данных об археологическом наследии, создание единой базы данных для решения широкого спектра задач исследования памятников, а также для их сохранения на территории Кировской области.

Для примера был взят Кирово-Чепецкий район Кировской области. На данный момент существует единственное справочное издание, в котором кратко описываются все археологические памятники Кирово-Чепецкого района Кировской области – «Атлас археологических памятников Кирово-Чепецкого района Кировской области» изданный Людмилой Сенниковой в 1995 г. (Сенникова, 1995). На 2021 г. издание несколько устарело, и задачей работы является дополнить его, а также перевести в общую геоинформационную систему. Сейчас на территории района открыто 40 памятников археологии различного типа: местонахождения, стоянки, селища, городища, могильники. Информация об археологических памятниках была введена в геоинформационную систему. В последующем будут введены данные о проведенных на территории района работах и разведках разных лет. Эти данные необходимы для локализации мест проведения археологических полевых работ, в результате которых уже имеется информация об отсутствии на данной территории археологического наследия, что существенно влияет на продуктивность полевой археологической деятельности, направленной на решение фундаментальных задач истории и вопросов сохранения объектов археологического наследия. Далее происходила визуализация всех внесенных данных в навигационная программа SAS.Планета и свободную кроссплатформенную геоинформационную систему QGIS (рис. 1).

Ниже приводится список памятников, внесенных в базу по Кирово-Чепецкому району, по археологическим периодам.

Эпоха камня (VII-III тыс. до н.э.)

- Баевское местонахождение.

- Баинское местонахождение кремня.
- Бобровское, местонахождение кремня.
- Векшинское, местонахождение кремня.
- Железковское местонахождение кремня.
- Журавли, местонахождение керамики.
- Ильинское местонахождение кремня.
- Ключевское I, местонахождение кремня.
- Ключевское II, местонахождение кремня.
- Малый Канып, стоянка.
- Малоканыпское местонахождение кремня.
- Окишевская стоянка.
- Окишевское I, местонахождение кремня.
- Окишеское II, местонахождение кремня.
- Просницкое местонахождение стрелы.
- Стрижи I, стоянка.
- Стрижи II, стоянка.
- Студенцы I, стоянка.
- Студенцы II, стоянка.
- Студенцы III, стоянка.
- Студенцы IV, местонахождение камня.
- Сунцы I, местонахождение кремня.
- Сунцы II, местонахождение кремня.
- Черное озеро, стоянка.

Ранний железный век

- Кривоборское (Городниковское) городище.

Средневековье

- Усть-Чепецкий могильник.
- Усть-Чепецкое местонахождение бронзовой пронизки.
- Местонахождение железного боевого топора.
- Лянгасовское селище.
- Нижние Малюганы, местонахождение бусины.
- Низовское местонахождение копья.

Позднее Средневековье и раннее Новое время

- Усть-Чепецкое селище.
- Векшинское селище.
- Маклаки, селище.
- Железковское селище.
- Коршунихинское местонахождение бердыша.
- Вотское селище.

- Северюхинское селище.

В данном случае можно будет создавать дополнительные фильтры в зависимости от целей и задач исследований. Впоследствии, когда границы памятников будут определены, можно будет создавать отдельные полигоны с конкретными площадями памятников. Далее можно вывести все карты на печать.

Предусмотренные системой возможности создания карт расположения археологических памятников, позволят в дальнейшем обеспечить их сохранность при проектировании зон строительства. Установление закономерностей расположения археологических памятников открывают перспективу применения метода прогнозно-оценочной характеристики территорий при оценке их историко-культурного потенциала и планирования археологических исследований. Таким образом, создаваемая геоинформационная система может быть эффективно использована государственными органами в целях сохранения историко-культурного наследия.

Опыт создания геоинформационной системы позволяет сказать, что данный ГИС объединяет данные об археологических памятниках и помогает решать фундаментальные задачи, в том числе связанные с проблемой освоения территории региона в эпоху камня, раннего железного века, Средневековья и раннего Нового время. Сформированная база данных позволит изучить систему расселения и хозяйствования в различные хронологические периоды, а также позволит прогнозировать дальнейшие направления изучения территорий нашей страны. Эта база позволяет моделировать в пространстве распределение археологических памятников в пределах страны, областей, отдельных регионов, а также возле бассейнов рек и небольших территорий. Кроме того, она позволяет прогнозировать риск сохранности памятников в ходе хозяйственной деятельности, в том числе при помощи выделения территорий на которых были произведены археологические работы, и было доказано отсутствие следов памятника.

Библиографический список

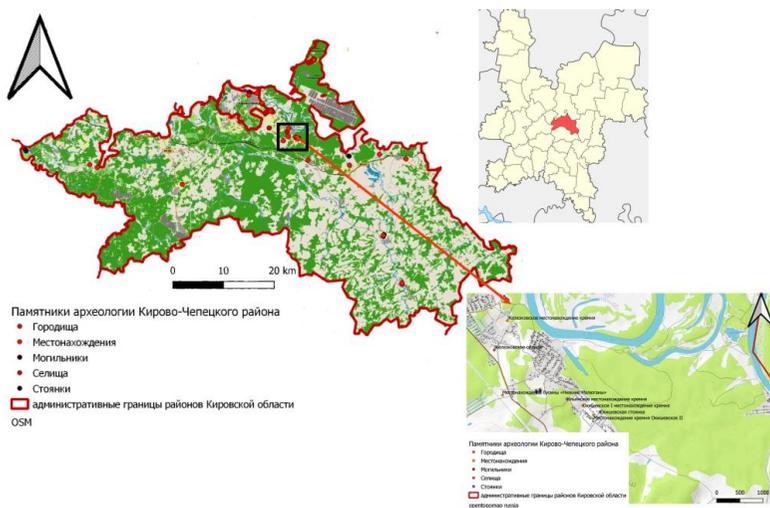
1. Дубровский И.А., Кайсин А.О., Сенникова А.А. Опыт накопления материалов к электронной археологической карте Кировской области (на примере Слободского района) // Общество. Наука. Инновации (НПК-2021): сб. ст.: XXI Всерос. науч.-практ. конф., В 2 т. Т.1. Электрон. текстовые дан. Киров: Вятский государственный университет, 2021. С. 137–144.

2. Кайсин А.О., Борисова А.М., Глазырина М.К. База данных археологических работ по г. Кирову: платформа для создания охранной археологической зоны // Актуальная археология 5: материалы междунар. конф. мол. ученых ИИМК РАН. СПб., 2020. С. 71–77.

3. Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Черников А.П., Ворошилов А.Н., Коробов Д.С. Геоинформационная система «Археологические памятники России»: методологические подходы к разработке и первые результаты накопления» // КСИА. Вып. 237. 2015. С. 7–19.

4. Памятники археологии Кировской области. Материалы историко-архивных и библиографических исследований: справочник / отв.ред. А.Л. Кряжевских. Вып. 1. Киров: О-Краткое, 2009. 96 с.

5. Сенникова Л.А. Атлас археологических памятников Кирово-Чепецкого района Кировской области. Кирово-Чепецк, 1995. 37 с.

Рис 1. Памятники археологии Кирово-Чепецкого района Кировской области

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ КАРТЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛОХОЛУНИЦКОГО РАЙОНА КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

©Ахаимов М.А., Дубровский И.А.

Вятский государственный университет, Киров

Научный руководитель – Кайсин А.О.,

зав. научно-исследовательской археологической лабораторией

В статье отражены основные методы разработки единого геоинформационного пространства, включающего в себя информацию об археологических и архитектурных памятниках Белохолуницкого района Кировской области. Итогом нашей деятельности является карта объектов культурно-исторического наследия Кировской области. Реализация данной идеи позволит определить общие принципы размещения археологических и архитектурных памятников в районах нашего региона.

Ключевые слова: ГИС-система, Кировская область, Белохолуницкий район, археологические памятники, объекты культурного наследия.

На предыдущих этапах работы была собрана и проанализирована основная информация по возможностям цифровизации и современным ГИС-технологиям в археологии, а также постановке на учет археологических объектов. Был изучен опыт Института археологии РАН (Макаров, Зеленцова, Черников и др., 2015, с. 7-19).

Кроме того, были проанализированы варианты уже созданных баз данных по г. Кирову на отдельном портале на основе Яндекс карт и в свободной платформе QGIS (Кайсин, Борисова, Глазырина, 2020, с. 71-77).

В настоящее время существует справочник по Кировской области, в котором содержатся краткие списки памятников (Кряжевских, 2009).

Статья основывается на нашей прошлой работе по составлению электронной археологической карты Слободского района (Дубровский, Кайсин, Сенникова, 2021), а также на докладе в конференции «Историко-культурное наследие в цифровом измерении» (Дубровский, Ахаимов, 2021).

Наша ГИС-система создана на основе собственного опыта работы с ГИС-редакторами, также при разработке учитывались и зарубежные методики. Отличительной особенностью этой геоинформационной

системы, состоящей из специализированных таблиц, снабженных информационными метками, является применение принципа «перекрестной ссылки» и фильтров по необходимым нам заданным параметрам, позволяя оперировать большим массивом данных, который имеет при себе разветвленный ссылочный аппарат. Система также имеет древовидную структуру открытого типа, которая позволяет по необходимости вносить и изменять данные.

Для иллюстрации был выбран Белохолуницкий район Кировской области. Этот район, вследствие своего позднего освоения человеком, содержит лишь один объект археологического наследия. Памятники архитектурного наследия мы условно разделили на заводы (8), объекты инфраструктуры (26) и церковные сооружения (24). Заводы вынесены в отдельную категорию ввиду их градообразующей роли в истории г. Белая Холуница. Дополнительно мы выделили объекты культурного наследия (10), находящиеся в реестре ОКН регионального значения по Кировской области. Собранные данные были введены в программу SAS.Планета. Эта программа, ввиду своего простого инструментария и легкости в освоении, использовалась нами для быстрого нахождения и отметки памятников. Пространственные координаты были введены в программу QGIS, с ее помощью можно заметить тип и рельеф местности, нанести административные границы, также была сконструирована 2,5D-модель географического пространства района. Данная программа обладает инструментарием, позволяющим работать с растровыми и векторными изображениями, «от» и «до» создавать готовые печатные карты и атласы. После этого на каждый объект культурного наследия создается визуальная карточка, на которую наносятся географические данные, фото-изображения и краткая информация об объекте. В последующем необходимо продолжить нанесение на карту археологических работ и разведок разных лет, расширить уже имеющуюся базу данных объектов культурного наследия. При последующем точном определении границ памятников будет осуществлена их полигональная привязка. В целях распространения нашей работы в дальнейшем выйдут атласы с иллюстрациями по различным районам нашего региона.

Как пример можно привести визуальную карточку по расположению объектов культурного наследия Белохолуницкого района.

Ниже приводим список архитектурных памятников, внесенных в базу по Белохолуницкому району:

Заводы

- Завод железоделательный Богородский, г. Белая Холуница
- Завод железоделательный и чугунолитейный, г. Белая Холуница

- Завод железодельный Нижне-Троицкий, г. Белая Холуница
- Завод чугуноплавильный Боровский, с. Климовка
- Завод чугуноплавильный, с. Климовка
- Заводуправление, г. Белая Холуница
- Контора завода, с. Климовка
- Электростанция, с. Климовка

Объекты инфраструктуры

- Административный дом, г. Белая Холуница
- Больничная усадьба, г. Белая Холуница
- Дом жилой А.М. Шмакова, с. Корюшкино
- Дом жилой Мышкиных, г. Белая Холуница
- Дом культуры, г. Белая Холуница
- Дом народный («зрительный зал»), г. Белая Холуница
- Дом причта, г. Белая Холуница
- Дом управителя, с. Климовка
- Дом управляющего, г. Белая Холуница
- Дома жилые, 1950-е гг., г. Белая Холуница
- Инженерный дом, г. Белая Холуница
- Лавка, с. Климовка
- Магазин, г. Белая Холуница
- Почта, г. Белая Холуница
- Правление волостное, г. Белая Холуница
- Училище земское, с. Быданово
- Училище приходское («Белая школа»), г. Белая Холуница
- Школа земская («Красная школа»), г. Белая Холуница
- Школа земская, с. Пантыл
- Школа кружевниц, г. Белая Холуница
- Школа церковно-приходская («Боровое училище»)
- Школа церковно-приходская, г. Белая Холуница (2 памятника)
- Школа церковно-приходская, с. Всехсвятское
- Школа церковно-приходская, с. Пантыл
- Школа церковно-приходская, с. Сырьяны

Церковные сооружения

- Вознесенская церковь, с. Всехсвятское
- Вознесенская церковь, с. Прокопье
- Ворота церкви Николая Чудотворства, с. Сырьяны
- Воскресенская церковь, г. Белая Холуница
- Колокольня, с. Всехсвятское
- Колокольня, с. Сырьяны

- Ограда и ворота церкви Всех Святых, с. Всехсвятское
- Троицкая церковь, с. Вагино
- Троицкая церковь, с. Кинчинское
- Церковь Вознесения, с. Вохма
- Церковь Всех Святых, г. Белая Холуница
- Церковь Всех Святых, с. Всехсвятское
- Церковь Дмитрия Солоунского, с. Пантыл
- Церковь Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев, с.

Иванцево

- Церковь Николая Чудотворца, с. Сырьяны
- Церковь Петра и Павла, с. Елево (деревянная и каменная)
- Церковь Софии и трех ее дочерей Веры, надежды и Любви, с.

Вохма

- Церковь Спаса, с. Климовка
- Церковь Спаса, с. Полон
- Церковь Троицы, г. Белая Холуница
- Церковь Троицы, с. Троица
- Часовня, г. Белая Холуница
- Часовня, с. Климковка

Используемые нами методы и средства создания электронных карт объектов культурно-исторического наследия позволят обеспечить сохранение памятников архитектуры и археологии в активно застраиваемых зонах нашей области. Установление ключевых закономерностей расположения памятников открывает для нас возможность применения прогностических методов при характеристике и оценке культурно-исторического потенциала нашего региона и планировании новых полевых работ нашего региона. Таким образом, эта ГИС-система может быть эффективно использована государственными органами охраны историко-культурного наследия.

Библиографический список

1. Дубровский И.А., Кайсин А.О., Сенникова А.А. Опыт накопления материалов к электронной археологической карты Кировской области (на примере Слободского района) // О-285 Общество. Наука. Инновации (НПК-2021): сб. ст.: XXI Всерос. Науч.-практ. конф., 12 апр.-30 апр. 2021 г. В 2 т. Т. 1. Гуманитарные, социальные и общественные науки. Электрон. Текстовые дан. Киров: Вятский государственный университет, 2021. С. 137–144.
2. Дубровский И.А., Ахаимов М.А. Опыт накопления материалов к электронной карте объектов культурного наследия (на

примере Богородского района) // Историко-культурное наследие в цифровом измерении: материалы Межд. науч. конф. (г. Пермь, 20–22 октября 2021 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2021. С. 49–51.

3. Кайсин А.О., Борисова А.М., Глазырина М.К. База данных археологических работ по г. Кирову: платформа для создания охранной археологической зоны // Актуальная археология 5: материалы междунар. Конф. Мол. Ученых ИИМК РАН. СПб., 2020. С. 71–77.

4. Кряжевских А.Л. Памятники археологии Кировской области. Материалы историко-архивных и библиографических исследований: справочник / Вып. 1. Киров: О-Краткое, 2009. С. 223.

5. Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Черников А.П., Ворошилов А.Н., Коробов Д.С. «Геоинформационная система «Археологические памятники России»: методические подходы к разработке и первые результаты наполнения» // Краткие сообщения института археологии. Вып. 237. 2015. С. 7–19.

УДК 902/904

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ НА ТЕРРИТОРИИ БЛАГОВЕЩЕНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН И В ГОРОДЕ УФА В 2020 ГОДУ

© *Лясович В.И.*

В данной статье кратко публикуются итоги работ одного из разведочных отрядов ИИЯЛ УФИЦ РАН в полевом сезоне 2020 г. Под руководством автора статьи было проведено археологическое обследование правобережья р. Уфы в окрестностях территории выявленного объекта археологического наследия «Городище Уфа-1» в г. Уфе и на участке от оз. Этлар до объекта культурного наследия федерального значения «Кара-Абызское городище» в Благовещенском районе Республики Башкортостан. Выявлено 4 новых археологических памятника, которые получили соответствующие названия: Абызово-2 селище, Абызово-3 селище, Дудкино-3 селище, Дудкино-4 селище.

Ключевые слова: разведка, селище, ранний железный век, Приуралье, бахмутинская культура, кара-абызская культура.

В августе – ноябре 2020 г. археологической экспедицией отдела археологических исследований ИИЯЛ УФИЦ РАН осуществлялись разведочные работы в городском округе Уфа, а также Благовещенском

районе Республики Башкортостан. Целью работ являлось обследование окрестностей выявленных объектов археологического наследия «Городище Уфа-I», и «Кара-Абызское городище» на предмет обнаружения новых археологических памятников.

В Благовещенском районе Республики Башкортостан удалось выявить два ранее неизвестных объекта археологического наследия: селище Абызово-2, и селище Абызово-3 (Лясович, 2021, с. 24-34).

В окрестностях городища Уфа-I (Кировский район г. Уфа), было также выявлено два ранее неизвестных памятника археологии: селище Дудкино-3, и селище Дудкино-4 (Лясович, 2021, с. 35-48).

Селище Абызово-2 расположено на мысу коренной террасы правого берега р. Белая, образованного сходом талой воды, в 0,33 км к северу от северного берега оз. Абызово. На площадке произведена искусственная высадка сосны. В рельефном отношении территория селища имеет форму вытянутой капли. Общая площадь памятника равна 1550 кв. м. Мощностъ культурного слоя 15 см.

Подъемный материал с территории селища представлен 1 фрагментом керамики бахмутинской археологической культуры. Проведенная на площадке памятника шурфовка позволила выявить локальный участок культурного слоя с 6 фрагментами керамики бахмутинской культуры.

Выявленный объект типологически представляет собой кратковременную стоянку (селище) в основном без выраженного культурного слоя, с единичными находками, встреченными на самой стрелке мыса. Размеры этого участка очень небольшие 3x3 м. Материалы датируются эпохой средневековья (бахмутинская культура).

Селище Абызово – 3 находится на мысу коренной террасы правого берега р. Белая образованного сходом талой воды, 0,07 км к востоку от озера Абызово, площадка памятника залесена. Подъемный материал представлен 14 артефактами, 5 из которых относится ко времени существования Абызово-3, селище, а остальные более поздней эпохе. Территория селища имеет в плане форму неправильного многоугольника. Общая площадь памятника равна 1685 кв. м. Мощностъ культурного слоя 52 см.

На площадке мыса, и в одном из заложенных шурфов был выявлен археологический материал, представленный 43 фрагментами керамики. Анализ указанных артефактов позволил выявить осколки древних сосудов, орнаментированных массивными округлыми вдавлениями, характерными для посуды кара-абызской археологической культуры эпохи железа (Пшеничнюк 1973, с. 198).

Аналогичный керамический комплекс обнаружен при раскопках селища кара-абызской культуры «Новые Турбаслы 7» (Дремов 2019, с. 44-50, рис. 65-71).

9 находок подъемного материала: металлический шлак, обувные гвозди, клин от топора, относятся к эпохе нового времени, и связаны с ранее действующим ответвлением «Бирского тракта», идущего от г. Уфы через Благовещенский завод, и соединяющийся с «Бирским трактом» в районе д. Калинники. Бирский тракт – исторический маршрут, соединяющий г. Оренбург, г. Уфу, г. Пермь – бывшие губернские центры. На карте Уфимской губернии 1912 г. эта дорога показана, как проходящая между д. Новые Турбаслы и Старые Турбаслы, ведущая к ранее существовавшей д. Городок близ Благовещенского завода.

Заложенные для установления границ памятника Абызово-3, селище в 25 м к северо-востоку и северо-северо-востоку от местонахождения подъемного материала и шурфа №3 археологического материала не дали. Поиск подъемного материала на остальной части мыса также не дал результатов.

Полученные данные свидетельствуют о том, что выявленный объект типологически представляет собой поселение (селище) с выраженным культурным слоем, встреченными у стрелки мыса. Одним из шурфов был выявлен локальный участок более выраженного культурного слоя. Размеры участка, где фиксируется подъемный материал – 30х20 м.

Селище Дудкино-3 Республика Башкортостан, г.Уфа, правый берег р.Уфа. Памятник находится на мысу первой надпойменной террасы р.Уфа образованного разливами р.Уфа в 0,4 км к юго-востоку от перекрестка улиц Авроры и Рабкоров в г.Уфа, в 0,8 км к юго-юго-востоку от здания Республиканского клинического перинатального центра в г.Уфа, в 0,7 км к западу от правого берега р.Уфа. Площадь ОАН составляет 1550 кв. м. Культурный слой не выражен.

Подъемный материал представлен 6 артефактами. Локализуется двумя пятнами размерами 2х2 м соответственно. Заложенные на площадке памятника шурфы археологического материала не дали. Поиск подъемного материала на остальной части мыса также не дал результатов.

Особенности распространения подъемного материала, а также его отсутствие в шурфах говорят о том, что выявленный объект типологически представляет собой кратковременную стоянку (селище) без выраженного культурного слоя, с единичными находками – 6 экз. В коллекции присутствует неорнаментированная керамика. Цвет

фрагментов исключительно темно-серый. В качестве примеси в тесте присутствует только песок. Судя по плотности, цвету и тесту керамики селище относится к рубежу эр: убаларский тип керамики, входящий в орбиту развития кара-абызской культуры эпохи железа (Овсянников, Савельев, 2019, с. 204).

Селище Дудкино-4 Республика Башкортостан, г. Уфа, правый берег р. Уфа, в 0,8 км к северо-востоку от перекрестка улиц Батырская и Рабкоров, в 0,8 км к северо-востоку от здания Республиканского клинического перинатального центра, в 0,15 км к северо-западу от правого берега р. Уфа. Памятник находится на 4-х прилегающих друг к другу мысах, образованных: а) сходом талой воды с верха коренной террасы правого берега р. Уфа; б) подмывом водой из надпойменных болот, возникающих по причине весенних наливов р. Уфа.

Площадка залесена, представляет собой 4 увалистых мыса. Дерновый слой отсутствует. Подъемный материал представлен 24 артефактами, 23 из которых – керамика, а 1 – серебряная монета 1913 г.

Подъемный материал встречается практически по всей поверхности памятника. Его распространение ограничено с севера резким повышением рельефа, а также надпойменным болотом. Болота ограничивают площадку памятника также с запада и юга. Мощность культурного слоя достигает 70 см. Площадь памятника 19280 м².

Определение конфигурации скопления находок позволило утверждать об их равномерном распространении практически на всей площадке памятника. Исключение составляет южная и северная окраина памятника. К северу и югу количество находок подъемного материала пропорционально снижается.

На площадке памятника, и в 2 из 4-х заложённых шурфах выявлен археологический материал, представленный 124 артефактами. Из них 1 находка – серебряная монета 1913 г. номиналом 10 копеек; 2 находки металлического шлака; 1 находка металлического всплеска; фрагменты неопределимых изделий из черного и цветного металла; железное шило; и круглорамчатая бронзовая пряжка с уступчиком на подвижном крючке. Последняя играет важную роль в определении хронологии верхних слоев Дудкино-4, селища. В работе О.С.Белявской она датируется V в.н.э. (Белявская, 2018, с. 90, рис. 1-27). Они же встречаются среди Крымских древностей V в.н.э. (Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 36, табл. 41, 489-492). Также определено, что подобные пряжки служили неотъемлемой частью полусапожек с невысокими голенищами и ремешками (Ильюков, 2017, с. 56). Остальные находки – кости животных и фрагменты керамики.

В коллекции присутствует, как неорнаментированная, так и керамика с разным орнаментом: округлые несквозные вдавления, округлые сквозные вдавления, защипы, насечки, треугольные вдавления. Цвет варьирует от оранжевого до тёмно-серого. В качестве примеси в тесте присутствует дресва, песок, шамот, органика, раковина. Среди керамики выделяются следующие группы:

Мазунинская – орнамент в виде коротких насечек по плечу горшка и срезу устья с примесью песка и мелкотолченой раковины (Белявская, Проценко, 2018, с. 210). Хронологические рамки существования данной керамики III-V вв.н.э. (Мажитов, 1968, с. 72), всей культуры также III-V вв.н.э. (Останина, 1997, с. 112)

Бахмутинская – орнамент либо отсутствует, либо представлен множественными округлыми вдавлениями поверхности сосуда, с примесью дресвы (Мажитов, 1968, с. 24), песка (Овсянников, Сунгатов, 2004, с. 224).

Турбаслинская – орнаментация отсутствует, с примесью песка, шамота или органики (Сунгатов, 1998, с. 23).

Романовская – орнамент в виде насечек или защипов по краю венчика, с примесью песка и дресвы в глине (Белявская, Проценко, 2018, с. 211-212).

Идентичные культурные группы керамики встречены на расположенном в окрестностях Дудкино-3, селище, городище Уфа-II (Русланов, Шамсутдинов, Романов, 2016, с. 45-47).

Полученные данные свидетельствуют о том, что выявленный объект типологически представляет собой поселение (селище) с выраженным культурным слоем. Два из четырех заложенных шурфа показали его однородность. В других двух шурфах материала не обнаружено. Все материалы, за исключением монеты, относятся к эпохе средневековья (мазунинская, бахмутинская и турбаслинская культуры).

Библиографический список

1. Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. М.: Палеограф, 2001. 274 с.

2. Белявская (Крапачева) О.С. Ременная гарнитура и хронология погребений Югомашевского могильника. // Вестник Пермского университета. 2018. Вып.1(40). С. 86–100.

3. Белявская О.С., Проценко А.С. Керамический комплекс городища Уфа-II как отражение этнокультурных процессов в эпоху Средневековья (по материалам раскопок 2017 года) // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур.

Международный научный симпозиум, посвященный памяти видного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н.А. Мажитова / отв. ред. А.И. Уразова. Уфа, 6-7 дек. Уфа, 2018. С. 204–224.

4. Дремов И.И. Документация содержащая результаты археологических исследований (раскопок) на территории объекта культурного наследия (памятника археологии) «Новые Турбаслы-7, селище» в зоне объекта АО «Транснефть – Урал» «Замена участка МН НКК Бердяш-Нурлино, Ду 1200, 1745.4-1754.1 км, ЛПДС «Черкассы», Черкасское НУ. Реконструкция. Выполнение охранно-спасательных археологических работ» в Благовещенском районе Республики Башкортостан. Т.2. Саратов, 2019. 246 с.

5. Лясович В.И. Научный отчет о проведении археологических полевых работ на правом берегу р. Уфы в окрестностях территории выявленного объекта археологического наследия «Городище Уфа-1» в г. Уфе и на участке от оз. Этляр до объекта культурного наследия федерального значения «Кара-Абызское городище» в Благовещенском районе Республики Башкортостан по Открытому листу № 1495 от 11.08.2020 г. // Архив ИА РАН. 185 с.

6. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 164 с.

7. Овсянников В.В., Савельев Н.С. Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология евразийских степей. 2019. №2. С. 201–226.

8. Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А. Городище Каменная гора в среднем течении р. Уфы // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып.5. С. 218–240.

9. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв.н.э. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УРО РАН, 1997. 336 с.

10. Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т.V. Уфа, 1973. С. 162–243.

11. Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Романов А.А. Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы археологических раскопок 2015 года. Уфа: ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа», 2016. 266 с.

12. Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V-VIII вв.). Уфа: Гилем, 1998. 169 с.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ АЛЕКСАНДРОВСКОГО РАЙОНА ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

©Дзугоева А.А.

Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург

Научный руководитель – Евгеньев А.А.,
к.и.н., доцент кафедры истории России

В работе представлены основные результаты многолетних исследований Александровского района Оренбургской области. Рассмотрена история изучения района и описаны имеющиеся археологические памятники района.

Ключевые слова: Александровский район, Оренбургская область, разведочные работы, одиночный курган, курганный могильник, Каргалинские медные рудники.

Александровский район находится в западной части Оренбургской области, ближе к северной границе области. Площадь района составляет чуть больше 3000 км², большая часть относится к бассейну реки Ток, только территория крайнего юга Александровского района орошается Малым Ураном от его истока до середины течения (Чибилев, 1996, с. 60-61).

Археологическое изучение Александровского района началось в 1979 г. В ходе разведочной экспедиции под руководством О.И. Пороховой по р. Ток было выявлено 7 археологических памятников, относящихся к Александровскому району (Порохова, 1979).

В южной части Александровского района в 1998-1999 гг. проходили разведочные работы отряда Оренбургского государственного педагогического университета во главе с М.В. Халяпиным. Было открыто 9 курганных могильников и 2 одиночных кургана (Халяпин, 1999).

Пик исследований Александровского района приходится на 2008-2010 гг. В 2008 г. по поручению Департамента по культуре и искусству Оренбургской области А.А. Евгеньевым были проведены работы по картографированию археологического наследия района, были выявлены 27 археологических памятников, в числе которых 6 одиночных курганов и 21 курганный могильник, уточнены координаты и отсняты инструментальные планы 12 памятников. В некоторых курганных могильниках часть насыпи не фиксировалась в связи с хозяйственной

деятельностью и распашкой на протяжении десятилетий (Евгеньев, 2008).

В том же 2008 г., отрядом Оренбургской археологической экспедиции под руководством Н.Л. Моргуновой был выявлен курганный могильник Энгельс VII на землях, отведенных под хозяйственную деятельность (Моргунова, 2008).

В 2009 г. А.А. Евгеньевым были продолжены работы по изучению Александровского района. По маршруту, проходящему по водораздельным террасам рек Ток и Неть, от села Александровка на запад и восток, далее от верховья реки Биткул до места его впадения в реку Ток, было выявлено 5 памятников 4 одиночных кургана и один могильник (Евгеньев, 2009). В 2010 г. А.А. Евгеньевым был открыт ещё один археологический памятник – II одиночный курган у с. Энгельс (Евгеньев, 2010).

Также в 2010 г. в ходе проведения археологических обследований земельных участков, отведённых под хозяйственное освоение, Е.В. Лыловой были обнаружены три ранее неизвестных памятника археологического наследия района (Лылова, 2010).

В 2015 г. О.А. Мельниковой в ходе археологического обследования земельных участков на границе Александровского и Переволоцкого районов был выявлен ранее неизвестный III курганный могильник у с. Алмала (Мельникова, 2015).

В 2018 г. сотрудниками ООО «НПП Археобюро» под руководством Е.В. Мишаниной был зафиксирован факт уничтожения четырёх насыпей курганного могильника Энгельс VII, и установлено, что, вероятнее всего, разрушенные насыпи были сурчинами (Мишанина, 2018).

В 1990-1999 гг. на памятнике федерального значения «Каргалинские медные рудники» работала Каргалинская комплексная археологическая экспедиция под руководством Е.Н. Черных. Одним из итогов этой работы было топографическое определение границ Каргалинских медных рудников, которые используются до настоящего времени (Черных, 2002, с. 35).

На территории Александровского района в юго-восточной его части находятся блок «А» Каргалинских медных рудников, состоящий из 4 участков.

Участок I Каргалинских медных рудников целиком относится к холмистым маловодным истокам реки Ток. Участок II Каргалинских медных рудников связан с верховьями Каргалки, его выработка ограничивается невысоким перевальным сыртом между северным и южным руслами Каргалки. Грань между I и II участками практически

незаметна. Участок III Каргалинских медных рудников отделяется от II более широкой и заметной полосой, что обусловлено сравнительно глубоким южным пересохшим руслом Каргалки. южнее русла возвышается холм «Паника» с которого в основном и идёт вся выработка на III участке. Граница между III и IV участками проходит по оврагу «Паника», в низовьях оврага также проходит группа выработок. Участок IV Каргалинских медных рудников является крайним южным в зоне «А» Каргалинских медных рудников, его выработка проходит на территории Мясниковского оврага, отчего сам участок называется «Мясниковским» (Черных и др., 2002, с. 35).

Таким образом, на сегодняшний день на территории Александровского района Оренбургской области зафиксировано 45 памятников археологии и 4 участка Каргалинских медных рудников. Александровский район разнообразен своим археологическим наследием, где присутствуют не только курганные могильники и одиночные курганы, но и древние рудники. Особенностью района является то, что на его территории, на данный момент не выявлено поселений, хотя целенаправленные поиски таковых велись. Следует обратить особое внимание, что в Александровском районе никогда не проводились археологические раскопки, только разведочные работы. Археологические памятники всё ещё ждут своих исследований и открытий.

Библиографический список

1. Евгенийев А.А. Отчет о проведении археологической разведки в Александровском районе Оренбургской области в 2008 г. по Открытому листу № 77 // Архив археологической лаборатории ОГПУ.
2. Евгенийев А.А. Отчет о проведении археологической разведки в Александровском и Сакмарском районах Оренбургской области в 2009 г. по Открытому листу № 87 // Архив археологической лаборатории ОГПУ.
3. Евгенийев А.А. Отчет о проведении археологической разведки в Александровском, Переволоцком, Сакмарском, Октябрьском, Тоцком районах Оренбургской области в 2010 г. по Открытому листу № 89 // Архив археологической лаборатории ОГПУ.
4. Лылова Е.В. Отчет о проведении археологических обследований в Оренбургской области в 2010 г. // Архив инспекции государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области.
5. Мельникова О.А. Отчет о проведении археологического обследования земельных участков, подлежащих хозяйственному

освоению по проекту: «Обустройство Колганского месторождения. Корректировка» в Октябрьском и Александровском районах Оренбургской области // Архив инспекции государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области.

6. Мишанина Е.В. Технический отчет о проведении археологического обследования земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению под объект: «Обустройство скважин Колганского месторождения» в Александровском районе Оренбургской области // Архив инспекции государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области.

7. Моргунова Н.Л. Отчет об археологических работах в рамках историко-культурных экспертиз при отводе земель под хозяйственное освоение на территории Оренбургской области в 2008 году по Открытому листу № 202 // Архив инспекции государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области.

8. Порохова О.И. Отчет о разведках по р. Ток в Красногвардейском и Александровском районах Оренбургской области // Архив археологической лаборатории ОГПУ.

9. Халяпин М.В. Отчет об археологических разведках в Акбулакском, Александровском и Беляевском районах Оренбургской области летом-осенью 1998 года по открытому листу №759 // Архив ИА РАН.

10. Халяпин М.В. Отчет об археологических разведках в Александровском районе Оренбургской области в 1999 году // Архив археологической лаборатории ОГПУ.

11. Чибилев А.А. Природное наследие Оренбургской области. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1996. 384 с.

12. Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Кузьминых С.В., Луньков В.Ю., Горожанин В.М., Горожанина Е.Н., Овчинников В.В., Пучков В.Н. Каргалы. Том I: Геолого-географические характеристики: История открытий, эксплуатации и исследований: Археологические памятники / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2002. 112 с.

**СТАТЬЯ 243.2 УК РФ: К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ
ПРОТИВОПРАВНОСТИ НЕЗАКОННЫХ РАСКОПОК НА
ТЕРРИТОРИИ СТРАНЫ**

©*Борисова А.М.*

Вятский государственный университет, Киров

Научные руководители – Кайсин А.О.,
зав. научно-исследовательской археологической лабораторией;
Коновалова А.Б.,
к.ю.н., доцент кафедры УПНД ЮИ ВятГУ

В статье описывается криминогенная обстановка в России и в мире, дается описание отечественного законодательства в сфере охраны культурного наследия. Рассматривается ст. 243.2 УК РФ и описываются возможности ее изменения с учетом современных тенденций.

Ключевые слова: статья 243.2 Уголовного кодекса РФ, «культурный слой», археологический предмет, «черные копатели», «черная археология», охрана культурного наследия, статистика.

Проблема ограбления памятников археологии стара. Археологические исследования в Египте показывают, что уже в древности люди грабили погребения правителей и вельмож с целью обогащения. Так, обнаруженные в Саккаре в 2019 г. усыпальница сановника Хуви и погребальный комплекс царицы Сетибхор, супруги фараона Джемдара из V династии опустошили еще в древности (РИА Новости).

В России проблема «черных копателей» стала массовой в XVII в. Особый размах «бугрование» приобрело в Сибири, богатой на захоронения эпохи раннего железа и тюркского времени. К XVIII в. «бугровщики» уже понимали, насколько ценный инвентарь хранит захоронение, поэтому погребения первобытности сохранились в Сибири лучше курганов и могильников эпохи железа (Формозов, 1961, с. 18-19). До революции предпринимались попытки сохранения древних объектов (указ Петра I о древностях 1718 г. и указ о запрете «бугрования» 1727 г.), но не увенчались успехом (Клейн, 2014, с. 35; Формозов, 1961, с. 98). Закон, закреплявший исключительное право на проведение раскопок за Археологической комиссией, появился лишь в 1889 г., но не вводил юридической санкции за разрушение памятников.

Серьезная работа по искоренению «черных копателей» проводилась в СССР, но с его распадом ситуация вновь ухудшилась.

Это связано с ростом спроса на предметы древности в теневой экономике. В XXI в., по разным оценкам, годовой оборот предметов древности составляет порядка 8 млрд. долларов, что сопоставимо с нелегальной проституцией и торговлей наркотиками (DW). В мире ежегодно проводятся операции по пресечению незаконных раскопок. Например, в 2019 г. в Европе произвели 80 обысков, арестовали 23 человека и изъяли 10 тыс. археологических находок (53 новости).

В России большая часть незаконных раскопок проводится в Европейской части страны, а с начала XXI в. – в Сибири (Матренин, Панфилов, 2015, с. 36). Предлагаются следующие методы пресечения «черной археологии» – установка табличек на особо ценных памятниках, ускорение процесса их постановки на охрану, ужесточение законодательства о продаже и использовании металлодетекторов, контроль рынка древностей, борьба с романтизацией «черных копателей» и пропаганда среди населения необходимости защиты культурного наследия.

Некоторых успехов удалось добиться в 2011 г. после ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной) и серьезной переработки Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ. В 2013 г. законодатель внес в Уголовный кодекс РФ особый инструмент для борьбы – ст. 243.2 «Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания».

С объективной стороны это преступление выражается в поиске и (или) изъятии археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводимых без разрешения, повлекших за собой повреждение или уничтожение культурного слоя. Обязательным признаком состава является отсутствие открытого листа. Предметом выступает «культурный слой» (далее – КС) – слой в земле или под водой, со следы существования человека возрастом более 100 лет и включающий археологические предметы.

Субъектом выступает любое физическое вменяемое лицо с 16 лет. Обобщенный портрет грабителя выглядит так: мужчина в возрасте от 30-35 лет, без определенного рода занятий или имеющий бизнес, с высшим образованием или неполным средним образованием. Часто это лицо из обеспеченной семьи, не привлекавшееся ранее к уголовной ответственности (Баграмян, 2017, с. 31).

Действия «черных копателей» ведут к повреждению или уничтожению КС. При повреждении слои и их предметное наполнение перемешиваются, что приводит к неверному толкованию впоследствии учеными. При использовании грабителями землеройной техники КС может быть утрачен полностью. Таким образом, граница между повреждением и уничтожением зависит от обратимости либо необратимости утраты КС своей научной ценности. Для правильной квалификации требуется проведение историко-культурной экспертизы (Кобзева, 2014, с. 119).

Обратимся к судебной статистике. В период с 2016 по 2020 г. по ст. 243.2 УК РФ осудили 26 человек. Из них по ч. 2 – 1 человек; а по ч. 3 – 19. Назначались наказания в виде условного лишения свободы (9 человек) и штрафа (11 человек) (Судебная статистика РФ). В целом, с 2013 по 2020 г. по ст. 243.2 УК РФ осудили не более 35 человек (СудАкт). Статистика показательна – несмотря на кажущуюся разработанность, ст. 243.2 УК РФ не работает. В чем причина?

Во-первых, возникают сложности в выявлении правоохранительными органами данного преступления из-за высокого уровня латентности: места деятельности грабителей труднодоступны или не имеют постоянной охраны. Сказывается и время активности «черных копателей»: «полевой» сезон длится с ранней весны до поздней осени, а в некоторых регионах – до середины зимы. С развитием технологий у грабителей стала популярна работа ночью. Кроме того, у преступных группировок есть «дозорные», оповещающие остальных о приближении полиции. Поэтому зачастую фиксируются только ямы, оставшиеся от работ. Во-вторых, досмотр вещей бывает нерезультативен, так как нередко грабители успевают избавиться от извлеченных предметов. Для обнаруженных вещей требуется подтверждение их исторической и культурной ценности и причастности к КС памятника. В-третьих, для квалификации преступления важен умысел – знал ли грабитель, что копал на памятнике археологии? Тут следует сказать, что не все объекты культурного наследия внесены в государственный реестр, а, следовательно, юридически не существуют и представляют собой поле для деятельности «черных копателей». Именно на статус таких объектов должна быть направлена законотворческая деятельность.

Таким образом, ст. 243.2 УК РФ требует пересмотра с учетом особенностей описанного вида преступлений, а также необходимо в ч. 2 ст. 243.2 УК РФ указать, что охране подлежат не только объекты культурного наследия, внесенные в государственный реестр, но и находящиеся на стадии включения в него.

Библиографический список

1. Археологи против «черных копателей» // DW. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dw.com/ru/археологи-против-черных-копателей/a-18129142> (дата обращения: 4.10.2021).
2. Баграмян С.Л. Особенности личности преступника по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 243.2 «Незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания» Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. №3 (17). С. 29–32.
3. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ. [Электронный ресурс] URL: <http://stat.апипресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 4.10.2021).
4. Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: Евразия, 2014. 704 с.
5. Кобзева Е.В. Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания – новое преступное посягательство на нравственные основы культурной памяти // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2 (85). С. 117–121.
6. Матренин С.С., Панфилов Д.П. Теория и практика борьбы с «Черной археологией» в России // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2015. № 21. С. 35–41.
7. Рогалев М. Борьба с «чёрными копателями» – аресты в Европе и новгородская реальность // 53 новости. [Электронный ресурс] URL: <https://53news.ru/novosti/52860-borba-s-chjornymi-kopatelyami-aresty-v-evrope-i-novgorodskaya-realnost.html> (дата обращения: 20.10.2021).
8. Судебная практика по уголовным делам // Судебные и нормативные акты РФ(СудАкт). [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.10.2021).
9. Ученые нашли в Египте разграбленные гробницы времен первых фараонов // РИА Новости. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20190403/1552342365.html> (дата обращения: 30.09.2021).
10. Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 128 с.

К ВОПРОСУ О ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ВОЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ (ПОИСКОВЫХ) РАБОТ И ОФИЦИАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ

©Кутуев А.С.
ИИГУ БашГУ, Уфа

Научный руководитель – Рахимов Р.Н.,
к.и.н., доцент, зав. кафедрой истории России

В статье поднимается вопрос о потенциальном вхождении поисковых военно-археологических исследований в сферу официальных археологических изысканий. Проанализирована методика ведения полевых работ на местах сражений Великой Отечественной войны на соответствие археологическим методам исследования.

Ключевые слова: поисковые работы, археология, военная археология, археологические методы, Великая Отечественная война.

Организация «Поисковое движение России» как общественное движение существует в России с 2013 г. Однако поиск павших солдат Красной армии (*далее – РККА*) начался фактически сразу после окончания Великой Отечественной войны (*далее – ВОВ*) (Пянкевич, 2012, с. 169).

В настоящее время деятельность поисковиков регулируется принятым 14 января 1993 г. законом РФ №4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». При ведении раскопок руководствуются ст. №8 этого закона «Об организации поисковой работы» и самовольные раскопочные работы строго запрещены (Закон..., 1993).

Ровно через 20 лет материалы поисковых раскопок приобретут статус археологического предмета (Федеральный закон..., 2002). И с этого момента работы на местах сражений ВОВ обязаны будут вестись только на основании разрешения – Открытого листа, а также требований археологической методики (Положение..., 2018).

Поисковые работы часто относят к военной археологии, и такая идентификация обязывает применять археологический опыт, однако методы ведения поиска, их соответствие методике археологических раскопок и возможность дальнейшей интеграции (а, точнее, вхождения в сферу археологии) требуют детального рассмотрения.

Поисковая работа схожа во многом с работой археолога, но цели и задачи отличаются. Если археологов чаще всего интересуют история больших по численности коллективов, то поисковика волнует судьба отдельно взятого павшего солдата. Конечная цель поисков – установление имени павшего, поиск его родственников и торжественное перезахоронение останков.

Архивная работа является отправной точкой как археологических, так и поисковых исследований. Если археолог запрашивает данные в архиве Института археологии РАН, то поисковик обращается в Центральный архив Министерства обороны РФ, а также во Всероссийский информационно-поисковый центр (ВИПЦ).

Все поисковые экспедиции в самом начале своего планирования опираются на данные архивов, мемуаров, военной литературы. Исходя из результатов обработки документальных данных, определяется объект поиска и формируются задачи будущей разведки на местах предполагаемых боёв, массовой гибели или предполагаемых санитарных захоронений* солдат РККА.

Археолог не может приступать к поиску памятников археологии без наличия Открытого листа, выдаваемого Министерством культуры РФ. Специальные разрешения на ведения поисковых работ на определенном объекте отсутствуют. Руководители поисковых экспедиций действуют на основании плана проведения поисковых работ, который согласуется Министерством обороны РФ.

Поисковики используют специфический технический инструментарий. Помимо лопаты и шанцевого инструмента поисковики пользуются щупами (стальной прут длиной 1-3 м, диаметром 6-8 мм), а также GPS-трекерами и металлоискателями. Применение последних целесообразно, однако использование лишь приборного поиска приводит к разрушению культурного слоя, поскольку весь вещевой материал может изыматься и огромный пласт потенциального объекта исторического значения навсегда останется неизученным. Металлодетекторы полезны лишь в определении границ раскопа и его доисследовании.

Для закладки шурфов, как и в археологии, необходимо наличие подъёмного материала. Для поисковой археологии культурный слой характерен наличием стреляных гильз; взрывоопасных предметов: ручных и противотанковых гранат, противопехотных и

---

*Санитарное захоронение — срочный сброс трупов погибших или умерших от ран солдат и офицеров, осуществленный в целях соблюдения необходимых санитарно-гигиенических условий. Захоронением называется условно.

артиллерийских мин и различных боеприпасов; бытовых отходов: бутылок, консервных банок и т.д.; личных вещей солдат и человеческих останков. Исходя из количества материала, можно судить о развитии боевых действий на месте, их динамике.

Фортификационные сооружения ВОВ имеют следующую классификацию: траншеи и ходы сообщений (блиндажи, ниши для солдат, «лисьи норы*»), стрелковые ячейки, пулемётные площадки, минометные окопы, артиллерийские площадки, закрытые огневые сооружения и наблюдательные пункты. Особенности ведения раскопочных работ на каждом из этих видов укреплений является темой отдельного исследования.

Зачастую по-настоящему крупные по объёму поисковые раскопки проходят именно на объекте выявленных систем траншей времён ВОВ. Перед началом раскопочных работ, происходит фотофиксация объекта исследования. Работа ведется вскрытием наибольших участков по 2-3 м, грунт снимается горизонтальными пластинами толщиной до 20 см. По ходу работ проводится зачистка. Здесь особенно важно держать в чистоте стенки раскопа, поскольку так фиксируется направление ходов сообщений и ответвлений. Максимальную научную результативность полевых исследований даёт только строгое следование археологической методике, а именно полный вынос грунта до материка с поэтапной фиксацией.

При выявлении костных останков наступает процесс расчистки и эксгумации. В первую очередь определяются границы захоронения и формируется «археологический стол», путём окапывания области залегания останков. По ходу зачистки скелета, и по завершению, происходит фотофиксация раскопа. Также поисковики используют эксгумационные баннеры с очертаниями человеческого скелета, где останки после извлечения выкладываются в анатомическом порядке и фотографируются.

Важным этапом является документирование поисковых работ. Комплект документации включает протоколы раскопа и эксгумации, эксгумационных работ оскверненного (разрушенного) захоронения, антропологическую карту, акты передачи останков, захоронения останков солдат в мемориалах или на Родине (Грибан, 2020).

Детальная отчётная документация касается только эксгумированных останков воинов РККА, а в целом о проделанной работе отчётность не является подробной. Для археолога же строго обязательным является сдача отчета о проведенных полевых

---

*Лисьи норы – вырытые солдатами в стенках оборонительных сооружений ниши, служившие в качестве дополнительного убежища или для иных целей

археологических исследованиях с графическими, фотографическими и топографическими планами. В настоящее время ведётся работа по использованию археологического опыта отчётности и в поисковых исследованиях (Смирнова, 2021). Положительным итогом развития методики поисковых работ стала систематизация данных о результатах работы в ВИПЦ, включающая электронные копии всех вышеперечисленных документов.

Методика поисковых работ, представленная выше, описывает идеальную модель ведения поисков солдат ВОВ, и, к сожалению, зачастую не соблюдается.

Для эффективной интеграции поисковой и археологической деятельности, на наш взгляд, необходимы:

1) Разработка специального разрешения, выдаваемого Министерством обороны РФ по формату Открытого листа.

2) Строгий запрет на участие в экспедициях лиц, не прошедших поисковые школы, допуск к работам только по удостоверению об их прохождении.

3) Подготовка специалистов-археологов в сфере полевых исследований ВОВ.

4) Расширение документальной отчётности поисковых исследований.

В целом, можно констатировать, что «Поисковое движение России» развивается в направлении по разработке методических рекомендаций и в дальнейшем могут быть приняты археологическим сообществом.

Можно небезосновательно утверждать, что археология ВОВ сложна тем, что на значительной территории страны все еще остаётся огромное количество следов прошедших боев и производить работу по археологической методике иногда не представляется возможным. Однако погоня за количеством поднятых останков здесь также не уместна. Любое место сражения – археологизированный объект историко-культурного значения. Поисковики должны позиционировать себя как полноценные исследователи по выявлению, изучению и сохранению исторического наследия ВОВ. Увеличение количества поисковых отрядов, их неподготовленность к ведению археологических раскопок на территории боев ВОВ усложнит методическую работу по выдаче Открытых листов и принятию Научных отчетов. Но это закономерный процесс исторического развития и планомерное и заблаговременное сближение двух направлений исторического исследования – археологических и военно-

поисковых – позволит легко и вполне логично разработать единые правила работ.

Библиографический список

1. Грибан И.В., Грибан О.И., Карпушкина Е.М. Поиск от А до Я, Методическое пособие в помощь начинающим поисковикам. Екатеринбург, 2020. 192 с.

2. Закон Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». [Электронный ресурс] URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7632/> (дата обращения: 27.09.2021).

3. Общие практические рекомендации по методике проведения поисковых (военно-археологических) работ. Восточно-Крымский центр военно-исторических исследований. Керчь, 2017. 96 с.

4. Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации. М.: ИА РАН, 2018. 64 с.

5. Пянкевич А.В. Развитие поискового движения в России, вторая половина XX–начало XXI века // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2012. №1(1). С. 169–173.

6. Смирнова Т.А. Составление исследовательского отчета по результатам проведения полевых поисковых экспедиций как создание исторического источника на примере работы поисково-разведывательной экспедиции «Горящие камни» // Genesis: исторические исследования. 2021. № 5. С. 125–139.

7. Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/docs/all/97278/> (дата обращения: 28.09.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахаимов Матвей Александрович – студент 2 курса ФГБОУ ВО Вятский государственный университет, Киров

Дубровский Иван Алексеевич – студент 2 курса ФГБОУ ВО Вятский государственный университет, Киров
ivandubrovskij2@gmail.com

Бабин Иван Михайлович – научный сотрудник ГБУ Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа», Уфа hett@ufa1.ru

Белых Александра Витальевна – студентка 4 курса ФГБОУ ВО Курганский государственный университет, Курган
belykh.asya.99@mail.ru

Белявская Ольга Сергеевна – аспирантка Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, krapacheva.olya@mail.ru

Борисова Анна Михайловна – магистрант 2 года обучения ФГБОУ ВО Вятский государственный университет, Киров
annalein8321@gmail.com

Бородулин Кирилл Игоревич – студент 5 курса ФГБОУ ВО Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара kborodulin@mail.ru

Глазырина Маргарита Кирилловна – магистрант 1 года обучения ФГБОУ ВО Вятский государственный университет, Киров
rita_glazyrina1999@mail.ru

Дзугоева Ангелина Александровна – студентка 2 курса ФГБОУ ВО Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург a-dzugoeva@mail.ru

Заикина Наталья Андреевна – учитель истории и обществознания МБОУ «Школа №27 с УИОП», магистрант Института исторического, правового и социально-гуманитарного образования БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа

Зарипов Шамиль Ямилович – студент 1 курса ФГБОУ ВО Тюменский государственный университет, Тюмень
sha9111@gmail.com

Ибрагимова Татьяна Андреевна – студентка 3 курса ФГБОУ ВО Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь idivinum@bk.ru

Кардашина Анастасия Валерьевна – студентка 4 курса ФГБОУ ВО Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь kardashina.nst@gmail.com

Красовицкая Валерия Олеговна – студентка 3 курса ФГБОУ ВО Удмуртский государственный университет, Ижевск krasavitskaya@gmail.com

Кузнецов Вадим Евгеньевич – студент 4 курса ФГБОУ ВО Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь vadim_kuznetsov2000@mail.ru

Кутуев Александр Сергеевич – магистрант 2 года обучения Института истории и государственного управления ФГБОУ ВО Башкирский государственный университет, Уфа kutuev1ai@mail.ru

Лясович Всеволод Игоревич – Уфа vsevolodlyasovich@yandex.ru

Мамбетова Ляйсан Вазировна – научный сотрудник ГБУ Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа», Уфа drevnayaufa@mail.ru

Мурзаков Никита Алексеевич – студент 3 курса ФГБОУ ВО Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара nikmurzakov@gmail.com

Нуриева Альфия Альфредовна – студентка 2 курса ФГБОУ ВО Удмуртский государственный университет, Ижевск turipapril14@yandex.ru

Огнева Екатерина Дмитриевна – лаборант-исследователь Тюменского научного центра СО РАН, Тюмень ognevaaaa@ya.ru

Орлова Елизавета Михайловна – студентка 4 курса ФГБОУ ВО Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь orlhaliza@gmail.com

Пимахина Елизавета Сергеевна – студентка 5 курса ФГБОУ ВО Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург pimakhina.elizaveta@mail.ru

Проценко Антон Сергеевич – заведующий отделом археологии ГБУ Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа», Уфа drevnayaufa@mail.ru

Рахматуллин Салават Хамитович – студент 4 курса ФГБОУ ВО Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны sal.rakh@mail.ru

Ромашова (Девятова) Ксения Алексеевна – инженер-исследователь научно-исследовательской археологической лаборатории ФГБОУ ВО Вятский государственный университет, Киров, devyatova_kseniya@mail.ru

Русланов Евгений Владимирович – к.и.н., научный сотрудник Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа butleger@mail.ru

Русланова Рида Раисовна – к.и.н., заведующий отделом археологии Национальный музей Республики Башкортостан
ridushka@mail.ru

Савельева Юлия Владимировна – студентка 5 курса ФГБОУ ВО Курганский государственный университет, Курган S-avelieva@ya.ru

Савинов Леонид Николаевич – магистрант 2 года обучения Института истории и государственного управления ФГБОУ ВО Башкирский государственный университет, Уфа leonid.savinov.98@mail.ru

Савченко Леонид Григорьевич – студент 5 курса Института исторического, правового и социально-гуманитарного образования ФГБОУ ВО БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа leonid7501@gmail.com

Сенникова Анна Алексеевна – магистрант 2 года обучения ФГБОУ ВО Вятский государственный университет, Киров asennikova207@gmail.com

Ситдиков Айнура Ринатович – научный сотрудник ГБУ Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа», Уфа arsitdik@mail.ru

Смердова Валерия Андреевна – студентка 3 курса ФГБОУ ВО Удмуртский государственный университет, Ижевск lerasmerdova@mail.ru

Хурмаев Анвар Альбертович – магистрант 2 года обучения Института истории и государственного управления ФГБОУ ВО Башкирский государственный университет, лаборант Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа kimi.malini@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Русланов Е.В., Русланова Р.Р.</i> Башкирские археологические студенческие конференции: история становления, этапы развития, первые итоги и перспективы.....	3
<i>Проценко А.С., Мамбетова Л.В.</i> На страже историко-культурного наследия Республики Башкортостан (к юбилею музея-заповедника «Древняя Уфа»).....	10
<i>Бородулин К.И., Мурзаков Н.А.</i> Кремневый комплекс мезолитической Чекалино II (новый взгляд на старую коллекцию).....	16
<i>Хурмаев А.А.</i> Новые нео-энеолитические памятники в районе озерной системы Банное-Сабакты-Карабалыкты.....	19
<i>Пимахина Е.С.</i> Сравнительный анализ керамических комплексов абашевской и синташтинской культур на территории Южного Приуралья.....	22
<i>Савельева Ю.В.</i> Фаянсовые бусины Алакульского могильника позднего бронзового века.....	25
<i>Зарипов Ш.Я.</i> Комплекс вооружения гороховской культуры.....	29
<i>Огнева Е.Д.</i> Курильницы в погребальной практике населения саргатской культуры.....	33
<i>Савинов Л.Н.</i> Основные положения М.И. Ростовцева о материальной культуре и социальной организации номадов евразийской степи скифо-сарматского времени.....	36
<i>Белых А.В.</i> Предварительные данные по новым погребениям эпохи Великого переселения народов на территории лесостепного Притоболья.....	40
<i>Белявская О.С.</i> К вопросу о выделении локальных вариантов в мазунинской культуре.....	43
<i>Бабин И.М., Ситдииков А.Р.</i> Новые материалы с Сорвихинского городища.....	51
<i>Заикина Н.А.</i> Источники для социальных реконструкций в археологии.....	55
<i>Ибрагимова Т.А.</i> Подходы к исследованию Сылвенского поречья.....	58
<i>Кардашина А.В., Орлова Е.М.</i> Новые исследования Калашниковского могильника (по материалам раскопок 2020 г.).....	62
<i>Красовицкая В.О.</i> О погребальном обряде Балезинского могильника – нового памятника полемской культуры в бассейне Чепцы.....	67

<i>Кузнецов В.Е.</i> Предметы вооружения и защитного снаряжения населения Роданова городища (по материалам раскопок 2016-2020 гг.).....	70
<i>Нуриева А.А.</i> Парные погребения мазунинской археологической культуры (на новых материалах Боярского и Дубровского могильников).....	75
<i>Рахматуллин С.Х.</i> К вопросу о домонгольском слое болгарских поселений Нижнего Прикамья.....	79
<i>Глазырина М.К., Ромашова (Девятова) К.А.</i> Находки древнерусской меднолитерной пластики на территории Кировской области.....	82
<i>Смердова В.А.</i> Костюм святого протоиерея Николая Чернышова (по материалам раскопок в г. Воткинске в 2018 г.)....	87
<i>Савченко Л.Г.</i> Изучение раннего железного века Южного Урала в XIX веке: этап первоначального накопления археологического материала.....	91
<i>Сенникова А.А.</i> Опыт накопления материала к электронной археологической карте Кировской области (на примере Кирово-Чепецкого района).....	97
<i>Ахаимов М.А., Дубровский И.А.</i> Методические подходы к созданию электронной карты объектов культурного наследия Белохолуницкого района Кировской области.....	102
<i>Лясевич В.И.</i> Результаты археологических работ на территории Благовещенского района Республики Башкортостан и в городе Уфа в 2020 году.....	106
<i>Дзугоева А.А.</i> Археологическое наследие Александровского района Оренбургской области.....	112
<i>Борисова А.М.</i> Статья 243.2 УК РФ: к вопросу об уголовной противоправности незаконных раскопок на территории страны.....	116
<i>Кутуев А.С.</i> К вопросу о потенциальной интеграции военно-археологических (поисковых) работ и официальной археологии.....	120
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ.....	125

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**X БАШКИРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ (Х БАСК)**

***Материалы
научной конференции,
посвященной 100-летию отдела археологии Национального музея
Республики Башкортостан и 10-летию с момента создания
ГБУ РИКМЗ “Древняя Уфа”
(г. Уфа, 16 декабря 2021 г.)***

*За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.
Статьи публикуются в авторской редакции*

Редакторы и составители:
макет, компьютерный дизайн Р.Р. Русланова
дизайн обложки Р.Ш. Тагирова

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 01.12.2021 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 7,59. Уч.-изд. л. 7,92.
Тираж 300 экз. (1-й завод 28 экз.). Изд. № 91. Заказ 353.

*Редакционно-издательский центр
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

*Отпечатано на множительном участке
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*